

12+

Пряхин Василий
Виктория

Василий Пряхин

Виктория

«Автор»

2021

Пряхин В. В.

Виктория / В. В. Пряхин — «Автор», 2021

История искренней любви и дружбы между земной девушкой Викторией и духом из другой Вселенной.

© Пряхин В. В., 2021

© Автор, 2021

Василий Прякин

Виктория

ПРОЛОГ

Солнце выглянуло из дождевых облаков, осветив желтыми лучами мокрые дороги, сырую землю, поросшую травой, проезжающие машины, хмурых людей – и автобусную остановку, над металлическим шатром которой спрятались мама с дочкой.

Через некоторое время к остановке подъехал желтый автобус, извергающий облачка черного дыма. Водитель открыл дверцу, впустив маму с дочерью, поздоровался и снова тронулся в путь.

Автобус был забит до отказа хмурыми пассажирами. Девочка испугалась, как бы ее такую маленькую и крохотную не раздавили в толпе. Но она зря боялась. Пассажиры, глядя на красавицу в крохотном платьице, в крохотном чепчике на голове и в крохотных белых сандалях, мгновенно поменяли свои суровые маски на добродушные и веселые. И начали улыбаться и кивать столь юному созданию, ангелочку, который озарял автобус светом и радостью, словно Божественный свет.

Им освободил место мужчина среднего возраста, который ловко вытащил из рукава конфетку и протянул ее Виктории. Она сначала посмотрела на маму и только потом взяла конфету, поблагодарив незнакомца, который расцвел в улыбке.

– Садись на мои коленки, Вика, – сказала мама.

К ним подошла недовольная кондукторша, взяла деньги и протянула билетик. Виктория поблагодарила большую тетеньку с большой кудрявой головой и густыми бровями, чтобы та хоть немножко улыбнулась ей и всем пассажирам. Но она была непроницаема и холодна как айсберг, дрейфующий в Атлантическом океане – и ушла от них с таким же грозным и недовольным выражением лица. Виктория удивилась, что кондуктор не сказал ей и маме ни здравствуйте, ни спасибо. Даже не улыбнулся.

Перестав думать о таких глупостях, она стала смотреть через большое и грязное стекло автобуса на загадочный и таинственный окружающий мир.

– Мамочка, а что там такое? – спросила она.

– Где, дорогая? – переспросила растерянная мама.

– Ну вон те маленькие домики! Видишь? – Она тыкнула крохотным пальчиком в стекло.

– Аааа эти... это моя хорошая не домики, а гаражи для машинок.

– Для машинок? – удивленно переспросила дочь.

– Да. У каждой машинки есть свой домик, – ласково объясняла мама, нежно обнимая дочь.

– Вау! Не знала, что у машинок есть свои домики. И даже у автобусов есть дома? А в них могут жить дяди и тети, например?

– Нет. Только машинки могут жить в гаражах. Дяди и тети живут в домах.

– Понятно, – мечтательно говорила девочка, глядя в окно. – А когда мы приедем? А долго еще ехать? А почему мы едем не на машинке?

– Скоро приедем, дорогая моя. Вот проедем через этот густой лесок и будем дома. Тебе не нравится автобус?

– Ага. Он шумный и неудобный. И пахнет как-то нехорошо. В машинке намного лучше и чище. Почему у папы нет машинки?

– Потому что папа пока не может ее купить, – терпеливо отвечала Мария, посмотрев в глаза дочери.

– А почему? Почему, мама, он не может купить, когда другие покупают?

– Если он купит машину, то нам нечего будет кушать.

– Как это?

– Все просто. Он не сможет тебе покупать ни мороженки, ни леденцы, ни шоколадки, ни красивые платяшки, ни игрушки, так как машина очень дорого стоит.

– Тогда я не хочу машину. Лучше будем ездить на автобусе. И, мамочка, вы же не продадите мои платья? Пожалуйста, не надо, они мне так нравятся! – взволнованно-умоляющим голосом просила дочь.

– Вика, успокойся, никто не собирается ничего продавать, – тихо шептала ей на ушко мама. – Я не посмею, чтобы у моей сладкой-пресладкой дочурки забирали игрушки и продали ее любимые платья.

– А ты мне сегодня купишь новое платье? – спросила успокоившаяся Виктория.

– Нет. Только через недельку, когда папа получит в кассе денежки и принесет их домой.

– Почему в этой кассе так редко дают денежку нашему папочке? Он же хороший и добрый, почему касса ему не дает денег каждый день?

– Ответа на поставленный вопрос я, честно говоря, не знаю, Вика. Я сама была бы не против, если бы папе «касса» давала денежки каждый день. Это было бы здорово!

– Дааа. Тогда бы я каждый день играла с новыми игрушками... и каждый день надевала бы новое платье.

– Кто-то, кажется, снова замечтался и улетел на облака, – сказала Мария, посмотрев на мечтательное выражение дочери, которая устремила свой взор на потолок автобуса.

– Мечтать не вредно! – подметила Виктория, обняв маму еще крепче.

– Как провела время у бабушки? – поинтересовалась мама.

– Замечательно. Играли, смотрели фильмы, ходили в магазины. – Она снова задумалась. – Дедушка пообещал мне, что в следующий раз мы пойдем в парк развлечений. А потом в зоопарк. А потом будем смотреть мультим «Книгу джунглей», который мне так нравится. Помнишь, мам, этот мультим?

– Конечно, помню. Мы смотрели с тобой этот мультим раз десять, если не больше. Он тебе еще не надоел?

– Как может надоест то, что нравится? Он мне никогда не надоест. Я всегда буду его смотреть! Да-да, всегда!

– Молодец, смотри мультики. Все лучше, чем дедушкины боевики из видеосалона.

– Мне нравится боевики... И как его... блин... мам, я забыла, как зовут...

– Не блин, а оладушка! – исправила ее мамы. И они обе засмеялись.

– Ооо! Я вспомнила! – воскликнула она. – Я люблю фильмы с Арнольдом Швашииннегером.

– Как, как? – искренне смеясь, спросила Мария.

– Арнольд Швашииннегер, – повторила Вика. – А почему ты надо мной смеешься?

– Прости, моя дорогая, – извинилась Мария. – Просто ты так смешно обзываешь актера, что мне трудно не смеяться. Его зовут Шварценеггер, а не Швашииннегер.

– Ой, точно, мамочка! – Она засмеялась. – Я немножко перепутала. У меня получился какой-то Фаршснегер!

Люди, которые невольно стали соучастниками данного разговора скромно улыбались, а некоторые даже засмеялись.

– Мам, мам, скорее смотри сюда! Я сейчас видела, как в лес забежала лисица! – закричала Вика.

– Прости, но я никого не вижу, – сказала мама, когда стала смотреть на дорогу, вблизи которой возвышался густой и непроницаемый лес.

– Жаль, что не успела. Я тоже плохо разглядела. Но ничего скоро и так посмотрю на лисицу, когда мы с дедушкой пойдем в зоопарк. Это будет здорово!

– Не сомневаюсь. Большие у вас планы с дедикой на следующие выходные, ты не заметила?

– С дедушкой, – исправила маму Вика. – Я уже давно так его не называю. Только иногда. Когда я так говорю, он отчего-то не злится на меня, а радуется и смеется. Почему ему нравится, когда его я неправильно называю? Или он уже к дедике привык?

– Наверное, привык, – предположила Мария. – Ты целый год так дедушку называла. А потом вдруг выросла, научилась хорошо говорить и перестала так его величать.

Виктория и Мария лежали в постели.

– Уже девять часов вечера... пора спатеньки, – сказала Мария сладким, нежным материнским голосом.

– Мне так хорошо с тобой, мамочка. – Вика чмокнула маму. – Даже спать не хочется.

– А мне с тобой.

Мария поцеловала дочурку в горячий лобик.

– Mam, считаешь мне сказку перед сном?

– Какую?

– Про Василису Прекрасную! – воскликнула Виктория и захлопала в ладоши.

– Ну, хорошо...

– Ура!

– Тише, тише, не кричи так громко, а то сон может убежать в сказочную страну «Бессонницы».

– Почему?

– Потому что Его Величество Сон не любит суеты, шума и криков. Ты разве не знала?

– Нет, – отвечала Виктория уже шепотом, оглядываясь по сторонам. – А он сейчас рядом с нами? Он невидим? Он добрый?

– Добрый и невидимый. Он приходит только тогда, когда ты закрываешь глазки, погружаясь в мир сновидений.

– Mam, а что он делает, колдует?

– Можно и так сказать. Он – Волшебник!

– Вау! Он, наверное, с седой бородой, длинными-предлинными волосами, со смешными носиком-картошкой, добрыми глазиками, пухлыми щечками и большим животиком. Эх... Mam, а можно мне на него взглянуть, хотя бы на секундочку? Ну, пожалуйста, мам!?

– К сожалению, нельзя.

– Почему? – расстроено спросила дочь.

– Я бы с удовольствием показала его тебе, моя роднунечка, да вот только я сама его не вижу.

– Так нечестно! Его Величество Сон не должен скрываться! Дед Мороз же не скрывается от людей и всем-всем дарит счастье. Почему, мам, он не хочет показаться?

– Не знаю, Виктория, и не могу знать. Я знаю одно, что сейчас моя дочь задает слишком много вопросов, чтобы оттянуть время до сна, тем самым заставляя Его Величество Сна нервничать и переживать. Ты ведь не хочешь, чтобы он от тебя убежал прочь, как убегает от плохих девочек?

– Нет, мамочка! Не хочу, не хочу! Пускай остается, останови его! Я ведь хорошая, я не хочу быть плохой.

– Тогда быстренько ложись под теплое одеяло, ложи голову на подушку и слушай сказку о Василисе Прекрасной. – Виктория нырнула под одеяло и озорно смеясь, вынырнула из него. – Теперь глазки закрывай и слушай. Готова?

– Да, мамочка.

Улыбка Ангела, подумала про себя Мария.

– В некотором царстве, в некотором государстве...

Через несколько минут Виктория уже тихо сопела, прижимая к себе большого плюшевого мишку.

Мария закрыла книжку, положила на комод, укрыла одеялом дочь, поцеловала, включила ночник и вышла из комнаты.

Она чувствовала, как ее тело переполняется от счастья, от гордости и от любви к этому дивному созданию, к дочери.

1 часть

Глава 1

28 июня 1997 года

Семья Шолоховых позавчера переехала из огромного пыльного мегаполиса в тихий пригород, где купила кирпичный двухэтажный домик в непосредственной близости от чарующего пруда и его желтых берегов. До этого они арендовали квартиру с тесными комнатками в девятиэтажном доме в центре города.

Глава семейства, Константин Ярославович, и его жена, Мария Александровна, всегда мечтали жить в собственном доме. Подальше от городского шума и безумия.

И вот их мечта стала реальностью. Благодаря повышению Константина на работе, они решили взять долгосрочный кредит на покупку собственного дома.

Познакомились Константин и Мария в метро. Как это обычно бывает – случайно! Купив себе жетон, Константин положил бумажник в левый карман джинсов, поднял голову и увидел ее – светловолосую, кудрявую девушку с зелеными глазами в красивом желтом платье, обтягивающем ее стройное тело. И мгновенно влюбился. Он не мог оторвать взгляд от нее, от ее неземной красоты, отчего поскользнулся на только что вымытом полу подземки. Упав на попу, он выронил из рук жетон, который волшебным образом покатился именно к ней и врезался в ее элегантные белые босоножки. Мария подошла к нему, помогла ему встать и протянула блестящий жетон. Он сказал, что она самая красивая женщина, которую он когда-либо видел. Она засмутилась и, поблагодарив за комплимент, пошла своей дорогой. Константин нагнал ее, признался в любви и пригласил на свидание. Возможно, другие девушки посчитали бы его безумцем, но только не Мария, увидевшая в глазах Константина искренность, мужественность и отвагу. И согласилась.

Так они познакомились.

Через шесть месяцев после случайной или судьбоносной встречи в метро они поженились. Ему было двадцать три, ей – всего двадцать. Он только окончил институт, она еще училась на втором курсе. Против брака были настроены как родители Марии, так и родители Константина. Но молодожены не хотели никого слушать и делали то, что им хотелось делать – брали от жизни все то, что она им предлагала. А предлагала она так много (проблем) и одновременно так мало (счастья). Постоянные переезды из одной съемной квартиры в другую. Поздние приходы Константина в нетрезвом виде после трудового рабочего дня, которые неминуемо вели к разборкам, недомолвкам и обидам. Работа, которая не приносила желаемого дохода, чтобы как-то улучшить благосостояние семьи, которой не хватало не то чтобы на одежду, но и на еду (у родителей просить было стыдно!). Да еще ненужная беременность в столь тяжелые для супругов времена.

Через год после свадьбы у них родилась дочь, Виктория. И их жизнь кардинально изменилась, в лучшую сторону. В съемных квартирах появились уют и счастье. Супруги, охладив свой молодой и игривый нрав, стали идти друг другу на уступки, нежно заботясь о себе и том, чтобы их девочка была самой счастливой и не нуждалась ни в чем.

Константин после рождения дочери почувствовал дополнительный груз ответственности и устроился на другую, более перспективную и хорошо оплачиваемую работу в развивающемся издательстве – помощником редактора. Он завязал с алкоголем, как и с вечерними посиделками с закадычными друзьями, чтобы как можно больше проводить время с любимой дочерью, которая росла не по дням, а по часам. Он стал мечтателем, как его жена, которые пламенно мечтали о том, как их дочь вырастет и станет самой красивой, самой умной девочкой, способной покорить мир любовью и добротой.

По истечению пяти лет работы в процветающем издательстве, директорат назначил Константина старшим редактором, отвечающим за большой и трудоемкий раздел «Научной фантастики».

Подъехав к дому, Константин спросил у семьи:

– Не правда ли, замечательный домик?

– Прекрасный! Мне все еще не верится, что это наш дом, – воодушевленно сказала Мария и прильнула к мужу на переднее сидение, чтобы поцеловать в щечку. – Я так счастлива! А ты счастлива, моя дорогая принцесса? Счастлива? – спросила Мария у дочери, которая опустила свой печальный взгляд на куклу, теребя ее в руках.

– Да, мамочка. Но не совсем. Мне грустно.

– Отчего же тебе грустно, любовь моя? – спросил отец, повернувшись к дочери. – Теперь у тебя будет большая комната, где ты можешь со своими куклами устраивать спектакли и не переживать из-за того, что в комнате мало место. А впереди – школа, новые знакомства, новые друзья. Разве можно грустить из-за этого?

– Но я любила свою маленькую комнатку, – ответила она; ее глаза заслезились. – Мне грустно, потому что я больше там никогда не поиграю в кукольный спектакль. И еще, потому что я уже никогда не поиграю во дворе с подружками в классики или в прятки, не попрыгаю с ними на скакалке. Поэтому мне грустно. Простите меня. Я честно хочу радоваться, но не могу.

– Мы тебя понимаем, родная, – ласково сказала Мария. – Мне самой грустной от одной только мысли, что мы больше никогда не вернемся в нашу старую квартиру. Сейчас там уже живут другие люди, которые изменили ее до неузнаваемости. Но не переживай Виктория, я обещаю, что через несколько дней наш новый дом будет таким же уютный и красивый, какой была наша бывшая квартира. И ты уже не захочешь возвращаться обратно. Никогда.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Взявшись за руки, они шли по вымощенной камнями дорожке, ведущей к двухэтажному кирпичному дому с темно-коричневой черепицей на крыше. На втором этаж был построен крохотный балкон, увитый зеленью. Крыльцо украшал декоративный фриз. Дом окружили живые изгороди. Рядом с домом рос старый дуб, крона которого просвечивалась в лучах летнего солнца.

– Доченька, как ты смотришь на то, чтобы сегодня посидеть на балконе и посмотреть на вечерний закат? – спросил Константин.

– Ой, папочка с огромным удовольствием! – согласилась она.

Константин открыл деревянную дверь, и они зашли в дом...

Глава 2

28 сентября 1997

Воскресенье.

Солнце только озарило лучами сонный мир, а Вика уже не спала и лежала на кровати, прислушиваясь к безмолвной тишине. Кроме тиканья часов и стрекотания сверчка за креслом она ничего не слышала.

– Значит еще рано, – сказала она и встала с мягкой кровати, посмотрев в окно. – Как же сегодня красиво!

Голубое небо с кучными облаками нависло над землей, купаясь в утренней дымке. Безмятежный пруд сверкал в бликах восходящего солнца; в нем игриво плескались рыбы и мальки. В воде, по колено, стояли рыбаки и держали в руках длинные деревянные удочки, пытаясь как можно дальше закинуть красные поплавки. Над прудом кружили голодные чайки, которые впивались в воду и вытаскивали оттуда рыбу. Пожелтевшая трава на соседнем берегу пруда колыбался на тихом осеннем ветру, пригибаясь к земле. Величественные сосны все также безмолвно смотрели и охраняли лес от чужаков, скрывая за собой лесной мир полной тайн и загадок.

Вика глубоко вздохнула от прекрасного вида и снова легла в постель, окинув взглядом платяной шкаф, дверки которого были немного приоткрыты.

Прошел час.

За этот час Виктория успела причесать волосы куклам, переписать из черновика в чистовик домашнюю работу по русскому языку, застелить постель и навести порядок в шкафу, постоянно всматриваясь в темные уголки шкафа, с опаской, с томительным ожиданием.

Когда прошло еще пятнадцать минут, она решила больше не ждать, когда проснутся ее родители и на цыпочках спустилась на первых этаж. Зашла в ванную комнату. Она тщательно почистила зубы, умылась и заплела себе две косички. Потом на цыпочках пробралась на кухню, приготовила себя чашку чая, положила в тарелку мучное печенье и три конфетки – и пошла обратно в свою комнату. Родители продолжали спать. Отец храпел, а мама тихо сопела. Виктория с облегчением вздохнула.

Поставив кружку чая и тарелку со сладостями на кукольный розовый столик, за которым уже сидели две подружки-игрушки в нарядных платьях – Кристина и Полина – Виктория открыла комод, извлекла из него пластмассовую тарелку, вилку и стаканчик и разложила все на столе.

Вика в очередной раз посмотрела на платяной шкаф и со злостью отвернулась. Начала кокетничать с Кристиной и Полиной.

– Жаль, что с другими девчонками я не могу так легко общаться, как с вами, – сказала Виктория и сделала глоток бодрящего чая. – Я в классе как серая мышка. – Куклы трагично вздохнули. – Я для всех пришелец, которого никто не ждал. Мне никогда с ними не подружится.

– Не говори так! – сказала одна кукла писклявым голосом Виктории. – Ты со всеми подружишься. Просто ты новенькая. И все.

– Надеюсь. Я бы очень хотела с кем-нибудь подружиться. Я даже вчера одной девочке рассказала о вас. Она собиралась зайти ко мне в гости.

– А не рано ли? – возмущенно сказала другая кукла грозным Викиным голосом. – Ты же практически ее не знаешь. А вдруг она сломает мне руку или ногу. Или хуже всего – сворует. Я этого не переживу!

– Нет! Не смей так плохо говорить о ней. Она хорошая, – успокаивала Вика растроганную куклу. – И помните, мои милые, я вас никогда не оставлю. – Она посмотрела сначала на двух

кукол за столом, а потом на маленький кукольный домик, в котором сладко спали еще пять счастливых куколок. – И вас тоже, дорогие мои.

– С кем это ты опять разговариваешь? – шепотом спросил он, выйдя из платяного шкафа.

– Ни с кем! – ответила она и покраснела.

– Да я-то знаю, снова с куклами общалась. И что они говорят? – ухмыльнулся он.

– Не скажу. Это женский разговор. Я уже думала, что ты никогда не вернешься, – обиженно сказала Виктория, не глядя на него. – Я начала завтракать со своими преданными куклами, которые никогда не опаздывают и всегда рядом со мной.

– Так ведь они же куклы. И сегодня воскресенье. Хотелось выспаться перед тяжелым понедельником.

Он потянулся и подошел к ней.

– Ты ведь не работаешь? Какая тебе разница воскресенье или понедельник?

– Как это я не работаю!? А кто будет охранять этот славный дом, если не я? – Он сел на крохотный стульчик, напротив недовольной Виктории, которая смотрела в окно, пытаясь уловить стремительный полет птиц. – Кто-то сегодня в обиженку играет.

– Почему ты не сдержал свое обещание? Ты ведь обещал мне! Я ждала тебя вчера целый день!

– Меня не отпускали. Отец заставил меня читать ужасно скучные книги, а потом прибираться в собственной комнате. Как же я это ненавижу! Он не понимает, что бардак – это весело и круто.

– Это ни весело и ни круто!

– Ну прости меня. Я честное слово хотел посмотреть на твой спектакль. Может, ты мне его сейчас покажешь, пока твои родители спят?

– Сейчас не получится. Нужно собирать декорации и репетировать с актрисами, – ответила Виктория.

– С куклами ты хотела сказать?

– Они не просто там какие-то бездушные куклы, а самые настоящие актрисы, которые явно общаются между собой, когда я закрываю глаза от усталости.

– Да не может быть такого! – возразил он. – Куклы не умеют говорить. Они ведь искусственные, без души и сердца.

– Почему ты так уверен? Ты же со мной можешь говорить. Так, может, и они умеют говорить, только не хотят в этом признаваться?

– Ну, так я-то живой. У меня есть душа. А они – бездушные пластмассовые куклы.

– И что? Из-за этого они не могут общаться друг с другом?

– Давай не будем спорить, а лучше проверим, кто из нас прав, – предложил он.

– Как мы это проверим?

– Все просто. Мы не будем спать две ночи подряд и следить за куклами, что они делают по ночам, когда все спят. И таким образом проверим, кто был прав в этом споре. Как ты на это смотришь?

– Отлично, – обрадовалась Вика. – А тебя отпустит отец?

– Как только он уснет, я постараюсь незаметно проскользнуть в твою комнату. И мы начнем наблюдение.

– Снова меня обманешь и не придешь, как ты это сделал вчера?

– Я думал, ты меня давным-давно простила. – Теперь он отвернулся от нее и уставился в окно. – Я перед тобой извинился. А ты? Мы ведь с тобой настоящие друзья и должны прощать друг друга. Каждый может ошибиться.

– Я тебя давно простила. Просто этот спектакль я посветила тебе. А ты не пришел. Это и был мой сюрприз.

Виктория просияла в улыбке.

– Для меня? – Его лицо прозрело, он скромно улыбнулся ей. – И в правду неожиданный сюрприз. Мне уже не терпится увидеть твой спектакль. Давай, я тебе помогу построить декорации, пока ты будешь репетировать с куклами?

– Но скоро родители проснутся. Нам не успеть...

– Еще только девять часов утра. Они еще долго будут хрюкать. Поверь мне, взрослые спят дольше детей. Мы успеем. Ну, пожалуйста! – умолял он, встав на колени. – Я так хочу посмотреть. Пожалуйста, пожалуйста!

После этих слов он сделал невинную и умильную рожицу, перед которой Виктория не могла устоять.

– Хорошо. Давай попробуем.

– Ты мой лучший и единственный друг.

– А ты мой. – Ее щечки покрылись румянцем. – Ты помнишь ту декорацию, которую я тебе неделю назад показывала? – Он кивнул. – Сможешь собрать?

– Без проблем!

– Надеюсь, ты будешь аккуратен, а не как обычно неуклюж.

– Таковая моя натура. Но я постараюсь не шуметь.

Глава 3

24 августа 1997 года

– Виктория, помоги маме помыть посуду. А я пока вынесу мусор, – ласково попросил Константин у дочери, которая смотрела в комнате любимую телепередачу «Тысяча свечей», где юные мальчики и девочки отвечали на вопросы и выигрывали призы.

– Хорошо. – Она нехотя встала с пола (лежать на полу было куда забавней, чем лежать на мягком диване) и быстро побежала к маме на кухню, успевая подпрыгивать, словно жизне-радостный кузнечик. – Мамочка, я пришла тебе помочь. Давай я буду вытирать полотенцем посуду.

Мария улыбнулась дочери, все еще не веря в том, что ее родная дочь, которую она еще недавно гордо носила в своем животе... уже через неделю пойдет в школу.

– Тебе что, папа сказал мне помочь?

– Да.

– Не дает нам папа отдохнуть? – Они улыбнулись друг другу. – Ты смотрела передачу «Тысячу свечей»? – Виктория кивнула. – Тогда нечего здесь стоять. Я и сама справлюсь. А когда папа придет, я скажу, что ты мне помогала. Договорились?

– Спасибо, мамочка. – Вика прильнула к матери и со всей любовью чмокнула ее в щечку и побежала обратно в комнату.

Мария смотрела ей вслед и невольно по ее щекам побежали слезы. Такая маленькая, беззащитная и наивная дочурка, ради которой она живет и дышит, будет от нее вдали почти полдня. Заведет подружек, запишется на танцы, познакомится с юным красавцем, влюбится и забудет про свою дорогую маму.

От неприятных мыслей, летающих в ее голове, Мария не заметила, как вернулся домой Константин и обхватил ее талию рукой. Она вздрогнула.

– Прости, любимая, что напугал. Я думал, ты меня заметила, – сказал он, прижавшись к ней ближе.

– Да ничего страшного, дорогой. Немного задумалась.

– О чем же? – Он развернул ее к себе лицом и посмотрел в ее заплаканные глаза. – Ты что, плакала?

– Совсем чуть-чуть. Не обращай внимания. У женщин это бывает.

– Я не могу ни обращать внимания, когда моя жена плачет. – Он поцеловал ее. – Что случилось? Признавайся...

– Да глупости. Я просто только сейчас осознала, что совсем скоро наша дочь вырастет и оставит своих стариков в этом доме, когда найдет своего юного принца на белом коне.

– Ей же всего семь лет!

– Еще недавно она была в моем животе, а через неделю она пойдет в школу, в первый класс и на целый день оставит меня. Оторвется от маминого крыла, от твоей опеки. А еще через десять лет она уедет в колледж и тогда-тогда...

Мария положила голову на вздымающую и опускающую грудь Константина и заплакала.

– Успокойся, любимая. – Он гладил ее волосы. – Она еще никуда не уехала. Она рядом и любит нас. И поверь мне, она никогда нас не оставит. Она у нас самая хорошая. Ты разве забыла?

– Нет, не забыла, – тихо всхлипывая, ответила Мария. – Она самая добрая девочка на свете...

– Вот именно. Самая-самая. Так что успокойся, пока Виктория не увидела твоих слез.

– Все, кажется, успокоилась. Спасибо, дорогой, – поблагодарила она мужа за поддержку.

– Нет проблем.

– Что бы я без тебя делала?

– Пап? А почему мама плачет? – спросила Виктория, когда зашла на кухню. – Мама, тебе плохо?

– Я немножко всплакнула, когда мой пальчик уколол острый ножик, – соврала она, подняв дочь на руки.

– Тебе не медленно нужна помощь! – воскликнула Вика. И спросила: – Какой у тебя пальчик болит?

– Вот этот. – Она протянула ей указательный палец левой руки. – Ты знаешь, как его вылечит, чтобы он не болел?

– Конечно, мам. Я лечу своих куколок много-много лет. Надо просто взять твой пальчик в руки, чтобы согреть. А потом поцеловать, чтобы вылечить.

– Поцелуй вылечивает раны. Невероятно! – прокомментировал отец и улыбнулся.

– Не просто там какой-то поцелуй. А искренний поцелуй от любимого. Так что папа быстрее целуй мамин пальчик. – Он поцеловал. После чего Вика спросила у мамы. – Ну, как мамочка, пальчик больше не болит?

– Это просто сказка какая-то! Он перестал болеть. Спасибо, Виктория, ты меня исцелила. Ты чудесный врач!

– Не за что, мамочка. Ты, пожалуйста, в следующий раз зови меня, когда тебе будет больно, и я обязательно вылечу тебя от любой боли. Хорошо?

– Хорошо, – ответила мама.

– А мне тебя, Виктория, можно будет позвать, когда мне вдруг станет невыносимо больно? – поинтересовался Константин, посмотрев на дочь умиленными глазами.

– Папочка, конечно. Я всех вылечу, кого сильно-сильно люблю, – сказала она и обняла родителей. – Я вас сильно-сильно люблю. А знаете, что я еще забыла?

– Что? Мы не знаем.

– Забыла показать вам свой рисунок, который нарисовала еще днем. Пойдемте в мою комнату. Он лежит на столе. Надеюсь, он вам понравится.

– Пойдем, посмотрим. Там папочка будет? – спросил Константин, улыбаясь дочери.

– Не скажу. Сами сейчас все увидите.

Не успели Константин и Мария зайти в комнату дочери, как Виктория им подала в руку разукрашенный цветными фломастерами альбомный листок и спросила:

– Ну, как? Нравится?

– Да. Замечательный рисунок, – сказала мама, еле сдерживала слезы, глядя на рисунок, на котором была изображена она, Константин и Виктория. Они держались за руки подле двухэтажного дома, на крышу которого ниспадали золотистые лучи солнца. За ним текла синяя речка, за рекой – возвышался темно-зеленый лес. На белых облаках была написано голубой акварелью: «Мама, папа, я – дружная семья».

– Доченька, у тебя талант! – похвалил ее отец. – Ты ведь не бросишь рисовать, когда вырастишь?

– Нет. Мне нравится рисовать. Или как говорит наша воспитательница в детском саду – творить. – Виктория посмотрела на маму и спросила. – Мама у тебя, что пальчик не прошел?

– Прошел.

– А почему ты снова плачешь?

– Все хорошо. – Мария сделала пауза и продолжила. – У меня появилась идея. Давайте рисунок повесим на стену. Как вы на это смотрите?

– А разве можно, мамочка? Правда-правда? А как же новые обои?

– Твои рисунки будут дополнять новые обои, – ответила мама. – Папа, я надеюсь, не будет против.

– Буду! – Он сделал хмурую гримасу, а потом засмеялся. – Как я могу быть против такого!

– Спасибо! – закричала от радости Виктория и показала, куда хочет повесить рисунок (возле зеркала).

– Завтра я куплю рамку, а папа прикрепит ее к стене. Хорошо, дорогая?! – Виктория кивнула и прыгнула на кровать. – А теперь пора бы вам, юная мисс, почистить зубы и в кроватку.

– Но мам... еще только девять часов вечера! Детское время! Можно еще полчасика книжку почитать.

– Только если книжку. Но полчасика. Договорились?

– Да, мамуля. Через полчасика я буду уже хрюкать.

– Ну, хрюкать-то не надо. Не будь как твой папа, – сказала Мария и засмеялась.

– **Это** что получается? Я – свин, что ли!? – Константин захрюкал, насупил, приставил руки к голове и выставил указательные пальцы. – Ну, держитесь!

Он побежал за счастливой женушкой, повалил ее на кровать, поцеловал. Потом обнял дочь и, прислонив губы к ее нежному животу, выпустил воздух из легких.

– Ой, доча-доча, как тебе не стыдно? Может, хватит выпускать сероводородные газы.

Они громко засмеялись, утопая в блаженстве семейной гармонии.

Когда родители ушли в другую комнату, Вика достала книгу «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и с лету плюхнулась на кровать, прижав к себе плюшевого мишку. Начала читать по слогам (мама научила ее читать в четыре года!).

Ей так понравилась книга, что она полностью погрузилась в мир полных опасностей, лихих и авантюрных приключений вместе с обаятельным задирой и маленьким бунтарем Томом, забыв о времени. Когда Виктория посмотрела на часы, она ахнула. Прошел час. Она должна была уже спать.

Услышав мамины приближающие шаги, она закрыла книгу, положила ее на стол, выключила ночник и быстренько легла под одеяло.

Виктория притворилась спящей, когда Мария зашла в детскую комнату. Она подошла к кровати, посмотрела на своего юного и беззащитного ангела и поцеловала его в щечку, прошептав на ушко:

– Я знаю, что ты только что легла, Виктория. Я слышала топот твоих маленьких ножек. – Вика не могла больше притворяться и улыбнулась, но глаза не открывала. – Но я не сержусь. Ты у меня умница. Я люблю тебя.

– А я тебя! – сказала она, крепко обняла маму за шею. – Мама, а может, ты мне сегодня споешь ту веселую и добрую песенку, которую ты мне пела, когда я еще была маленькой девочкой?

– Ты и сейчас маленькая девочка.

– Неправда, – возразила Виктория. – Теперь я уже взрослая. Скоро я пойду в школу! А маленькие девочки не ходят в школу. Ведь так?

– Ты права, доченька, – согласилась с дочерью Мария. – Но ты для меня всегда будешь маленькой девочкой, которую я должна оберегать и защищать.

– Почему?

– Потому что я твоя мама. Ты все еще хочешь услышать колыбельную перед сном?

– Очень хочу!

– Хорошо.

Мария запела дивным и красивым голосом:

*Ты ложись скорее спать,
Чтобы завтра рано встать.
Чтобы сон во сне явился,
Самый добрый и красивый,
Самый сказочный и былинный.
Чтобы с арфами летать,
В звездном небе утонать.
Чтобы ангелами стать,
Песни в море напевать.
В общем, глазки закрывай,
Спи малышка, баю-бай.*

Когда мама закончила, Виктория захлопала в ладоши. Потом пожелала Марии спокойной ночи и приятных сновидений.

– Спокойной ночи, – сказала Мария, встала с кровати, поцеловала Викторию в лобик и вышла из комнаты.

Через две-три минуты Виктория благополучно провалилась в дивный сон, в котором она вместе с Томом Соьером красила забор, соревнуясь, кто лучше сделает это. Закончив покраску забора, они беззаботно побежали во двор к другой беспризорной ребятне и начали дурачиться в детские забавы. Она даже чуть-чуть влюбилась в Тома, когда он ее взял за руку и посмотрел прямо в ее кроткие глаза. От своих мыслей она покраснела, заробела и ударила Тома по руке. За это Том ее дернул за длинную косичку, да так больно, что Виктория взвизгнула и проснулась.

В комнате было темно и страшно. На улице неутомонно гавкали собаки. Через большое окно проникал бледно-серебристый лунный свет. Она посмотрела по сторонам в надежде, что не увидит ни одного монстра из ее платяного шкафа и с облегчением вздохнула, когда не заметила призрачных движений посторонних существ в темноте, окутавшей маленькую комнату.

Виктория с облегчением вздохнула и положила голову на подушку. И только она закрыла глаза, чтобы вновь уснуть и предаться дивным сновидениям, как вдруг – дверь платяного шкафа предательски и зловеще закрипела, немного приоткрывшись.

– *Кто-то зашел или вышел из него!* – подумал про себя Вика.

Виктория не растерялась и быстро включила ночник, который стоял на прикроватном коричневом комодe – и посмотрела на шкаф, пытаясь увидеть то, что не способен увидеть взрослый человек.

Ее сердце бешено колотилось, а белая наволочка стала мокрой от пота. Она знала, что кто-то три ночи подряд вальяжно ходит по ее комнате. Виктория недавно рассказала об этих

загадочных странностях матери, которая не поверила дочери и сказала, что это только ее бурно разыгравшаяся фантазия и что, мол, в шкафу никого нет.

Она смотрела на шкаф, наверное, минут пятнадцать. Ничего. На всякий случай Виктория решила не выключать «спасительный» свет ночника, который, по ее мнению, отпугивает злых духов и монстров, что скрываются в темных уголках комнат и спряталась под одеялом.

Попыталась уснуть.

Безрезультатно.

Виктория дрожала от каждого постороннего звука в комнате.

Вика думала, что сейчас возле ее кровати стоят самые страшные существа на всем белом свете и хотят вцепиться в ее обнаженные лодыжки. Она свернулась калачиком, наивно полагая, что пока она под одеялом ее никто не посмеет схватить и утащить в темный шкаф.

Ей даже показалось на мгновение, что кто-то проводит острым ногтем по белому одеялу, желая добраться до ее плоти.

Двери от шкафа снова пугающе заскрипели, и тогда Виктория не выдержала и визгливо закричала что было сил.

Через мгновение в ее комнату вбежали взволнованные и напуганные родители.

– Что случилось? – спросил отец, подбежав к Вике.

– Тебе больно, Виктория? Ты заболела? В чем дело? – спрашивала обеспокоенная Мария.

– Папа, в моем шкафу живет злой дух! – сказала дрожащим голосом Вика. – Я слышала, как он зашел в него. Я так боюсь, что он меня заберет!

Она заплакала.

– Милая, не плачь. Никто тебя не заберет пока мы рядом, – начала успокаивать Мария испугавшуюся дочь. – Сейчас папа проверит шкаф и прогонит злого духа. Правда, милый?

– Да, – сказал он, и смело пошел к полуоткрытой двери шкафа.

– Пап, будь осторожен. Вдруг он окажется очень сильным и не один. Я не могу на это смотреть.

Виктория закрыла глаза, когда отец взялся за ручку платяного шкафа и...

– Вика, не переживай. Там никого нет. Ни единой души. Но если даже кто-то и был в этом темном шкафу, то теперь он трусливо убежал и вряд ли сюда вернется, – сообщил Константин и посмотрел на свою девочку со всей любовью и отцовской лаской. – Они не вернуться, если...

– Если что? – поинтересовалась она, все больше прижимаясь к матери.

– Если ты их сама перестанешь бояться, потому что они питаются твоими страхами.

– Правда?

– Конечно. Когда я тебе обманывал?

– Но пап, – засомневалась Виктория. – Это для меня слишком – не бояться монстров. Я же та еще трусиха! Я темноты-то боюсь!

– Ты смелая. Мы все боимся темноты.

– Мама права, – поддержал Константин жену. – Ты смелая и не должна бояться всякой там нечисти. Если почувствовала невидимого духа, закрой глаза и скажи себе, что его не существует, что он всего лишь иллюзия. Фантазия. Как вампиры, оборотни и снежные люди с дубинами в руках.

– Я постараюсь их больше не бояться, папочка, – неуверенно заверила Вика. – Надеюсь, они больше не вернуться в мою комнату.

Когда дочь успокоилась, Константин и Мария пожелали Виктории спокойной ночи и вышли из комнаты, разрешив Вики спастись с ночником, если ей все еще немного страшно спать в темноте.

Но как бы она не старалась уснуть, все ее попытки увенчались провалом. Сон словно рукой отбило. Она продолжала верить в чудовищ и отчаянно пыталась себе внушить, что никого в комнате нет, а только ее страхи и фобии.

Дверь от шкафа вновь скрипнула.

– Это все неправда! Ты смелая! – говорила она вслух, успокаивая себя. – Посмотри своим кошмаром в лицо. Не будь трусихой!

Она опустила одеяло до носа и начала смотреть на шкаф, в его черное нутро, в котором таилось что-то необъяснимое и жутко страшное.

Ветер свистел за окном все сильнее и сильнее.

Ветка дерева ударила по стеклу.

Вика вздрогнула.

– Кто здесь? – тихо спросила она, трясаясь от страха. – Я знаю, здесь кто-то есть! Но послушайте меня, я вас не боюсь. Не боюсь, кто вы бы ни был! Хоть вы будите самым страшным чудовищем во Вселенной, я вас не испугаюсь. Так что уходите из моей комнаты.

Ей никто не отвечал.

– Какая же глупая и пугливая! – ругала себя Виктория. – Монстр в шкафу! Ну и трусиха! А еще в школу собралась!

Она снова посмотрела на шкаф и неожиданно для себя увидела в приоткрытой дверце две ярко-красные сверкающие точки.

Глаза!

Она закричала, снова разбудив родителей.

Когда Константин и Мария ворвались в комнату, некогда вспыхнувшие во мраке глаза, словно по взмаху волшебной палочки, исчезли.

Той страшной ночью Вика спала вместе с родителями на большой кровати в спальне. Она любила там спать. Когда родители обняли ее, она сразу почувствовала себя защищенной и тот же миг успокоилась, быстро уснув беспокойным сном. Она что-то кричала, от кого-то убегала и молила о пощаде. Мария всю ночь следила за дочерью, постоянно убаюкивала ее, когда она просыпалась.

Глава 4

25 августа 1997 года

Виктория встала рано, когда мама готовила папе завтрак, который, в свою очередь, сонно и вальяжно собирался на работу. Она с удовольствием и огромной радостью проводила вместе с Марией папу до машины, поцеловала на дорожку (как мама!) и долго махала рукой, пока его машина, сверкающая от бликов утреннего солнца, не скрылась за горизонтом.

– Ну что, Виктория, собираешься делать? – спросила мама, посмотрев на безмолвный пруд.

– Хочу покачаться на качелях, – ответила Вика. – Только вот скучно одной. Может быть, вместе покачаемся? Сначала – ты, потом – я.

– Нет уж, качаться я не буду. Давай я тебя покачаю?

– Хорошо.

Взявшись за руки, они подошли к дубу, к толстой ветке которого были привязаны две веревки, соединявшиеся между собой резиновой шиной.

Немного покачав дочь, Мария вспомнила, что забыла вытащить мясо из морозильника, чтобы приготовить вечером фирменное блюдо: жирное мясо под толстым слоем картошки и плавленого сыра. Поэтому она пошла в дом, наказала Вики быть как можно осторожнее и сильно не раскачиваться.

Вике нравилось часами качаться на качелях, слушая мелодичное пение птиц над головой. Она чувствовала себя парящей птицей, освободившейся из стальных оков, когда качель

стремительно поднимала ее вверх, отчего ноги утопали в голубом небе, а потом стремительно опускала вниз, захватывая дух.

Вдоволь накачавшись, она слезла с качели и села на зеленую, цветущую поляну подле величественного дуба и начала фантазировать, что она сейчас в волшебной стране Париан, где живут добрые феи и злые тролли. И что она сейчас сидит не на поляне, а в райской ромашковой долине, окаймленной скалами и дремучими, непроходимыми лесами. К ней подлетали со всех сторон красивые феи, приветствуя и клонясь принцессе Париане. Она любезно благодарила их за учтивость и предлагала каждой феи поиграть с ней в веселую детскую игру, на что они услужливо соглашались.

Вика прыгала и бегала по поляне, озорно смеялась и картинно охала и ахала, погружаясь в пучину фантазий все глубже и глубже. Потом залезла на дерево и притаилась за его толстым многовековым стволом, пряталась от фей. Но как бы она не пыталась спрятаться от фей, они ее всегда находили. Она спрыгнула с дерева и побежала по ромашковой роще, купаясь в райских благоуханиях, в теплых объятиях волшебства. Когда феи полностью облепляли Викторию, они начинали подбрасывать ее вверх. Вика, ликуя и радуясь, падала на ромашки (на поляну) и не чувствовала боли, так как белые лепестки ромашек были мягче, чем само перышко.

Вдруг неожиданно-негаданно в их владение ворвался злобный и ужасный тролль, который возомнил, что он тут главный и начал выгонять несчастных фей из ромашковой долины. Но Вика возразила, и гордо сказал ему, что это территория принадлежит ей и только она вправе решать, кому здесь быть, а кому нет. Поэтому она попросила его удалиться из ее чудесных мест туда, откуда он пришел, то есть на болото. Но тролль только посмеялся над ней, взял дубину в руки и пригрозил принцессе Париане, что если она помешает ему, то он будет играть не по правилам.

– Ах, так! – возмутилась Вика, взяла в руку камень и запустила в него. Бросок оказался точным. Тролль грохнулся на землю, заскулил как дворняга и убежал обратно в темный лес, пообещав, что ещё вернется. – Беги-беги, подлый трус! Мне не страшны темные силы!

– Во что ты играешь? – спросил кто-то.

Жизнерадостные феи, злобные тролли, ромашковая долина, темный лес и скалы, вздымающиеся к звездам – в один миг растворились. Виктория снова очутилась в реальном мире, на зеленой поляне возле дуба. Она обернулась. Перед ней стоял мальчик лет семи.

– Что? – переспросила Вика.

Мальчик был высоким, худым и бледным, как сметана. Длинные черные волосы, зачесанные влево, глаза, отливающиеся красными оттенками, сгорбленный нос и синие губы. Он был одет в красную футболку и в черные шорты. Босые и вымазанные в грязи ноги он спрятал в траве.

– Я спросил, во что ты играешь? – повторил он и сел рядом с ней.

От него пахло рыбой.

– Да так, ни во что. Просто дурачусь! Я представляла другой мир и обороняла свою территорию от врагов. Ты что рыбачил? – спросила она и заткнула нос рукой.

– Нет. Я с рождения так пахну, – сказал он и посмотрел на нее украдкой.

– Странно. У тебя что, нет мыла? Сейчас его в магазинах целые горы. С ромашкой, шалфеем, лавандой, есть даже с ароматом кофе. Ты вообще, что ли не моешься?

– Конечно, моюсь. Каждый день, но ничего не выходит. Я все равно продолжаю вонять тухлой рыбой. Поэтому я так одинок. – Его красные глаза увлажнились. – Поэтому никто не хочет со мной дружить.

– Прости меня. Я не хотела тебя обидеть. Я тебе понимаю.

– Правда? – недоверчиво спросил он. – Но ты ведь не пахнешь тухлой рыбой, как ты можешь меня понять?

– Я не про это. Мне тоже сейчас очень одиноко и грустно. Мы недавно переехали из города, а всем мои друзья остались там. А тут я еще ни с кем не успела познакомиться. Вот! – Она протянула руку мальчику. – Меня зовут Вика! А тебя как?

– Ты хочешь со мной дружить? – удивился он.

– А ты не хочешь? Если нет, то я напрашиваться не буду.

– Нет-нет. Я с удовольствием буду с тобой дружить. Просто мне еще никто не предлагал дружить. Вот я и растерялся. Меня зовут Домовой.

Он улыбнулся, обнажив белые зубы.

– Странное имя, – возмутилась Виктория. – Домовой! Ты, наверное, обижаешься, когда тебя так называют?

– Отчего же я должен обижаться, если у меня такое имя. Тебе не нравится?

– Нет, что ты! Просто необычное какое-то имя!

– Но...

– Я поняла, ты родился не здесь. Ты ни на кого не похож. У тебя странные глаза...

– Ты правильно поняла. Я родился и вырос совсем в другом месте. Далеко отсюда, – сказал он, почесав голову. – Не обращай внимания на мой странный вид, ты скоро привыкнешь к нему. Можно с тобой поиграть в твою игру?

– Давай. А ты умеешь фантазировать? Без фантазии... ээ... ты не сможешь видеть то, что вижу я.

– А что ты видишь?

– Очень многое. Фей, русалок, троллей, благоухающие поля, скалы, реки и озера. В этой игре нет правил. Просто представляй и играй. Попробуй! Давай же, не стесняйся.

– Я не стесняюсь. – Бардовый цвет лица говорил об обратном. – Я вижу красно-фиолетовое небо, которое ежесекундно пронзают разноцветные вспышки падающих звезд. Там же, на небе, сияют три голубые планеты. На земле, повсюду, одни лишь песок и бесформенными кактусами. Мы с тобой бежим по горячему песку быстрее ветра.

– Почему мы бежим?

– А за нами гонятся трехметровые скорпионы...

– Классно! – перебила его Вика. – Жутко, конечно, для девочки, но все равно классно! Для опасных приключений – самое оно. А почему они за нами гонятся?

– Потому что мы не должны дружить. Никогда-никогда. Потому что мы из разных миров.

– Как интересно! Нам срочно нужны мечи, чтобы обороняться от скорпионов!

– Точно! – поддержал ее идею Домовой.

Вика лихо забралась на ветку дуба и через минуту уже держала в руках две палки.

– Держи меч, храбрый воин Семи Пустынь. – Она кинула ему палку и спрыгнула с дерева. – Ты готов сразиться с врагом и вернуться в наш славный мир, где мы можем дружить.

– Готов! – Домовой поднял вверх меч. – А что это за место такое, где мы можем с тобой дружить?

– В Морской Пучине! Где же еще?! – сказала Вика, схлестнувшись с грозным противником, который тщетно пытался ее пронзить своим ядовитым жалом. – Не отвлекайся, воин! А лучше помоги мне справиться со скорпионом!

– Хорошо, подруга! – Он самоотверженно побежал к противнику, не боясь ни смерти, ни выносимой боли. – Получай гнусный скорпионишка!

Домовой хлестким ударом меча пронзил скорпиона, отчего тот жалобно запищал и убежал прочь.

Вика обняла своего спасителя и закричала:

– Мы его победили! Победили! Ты молодец!

– Спасибо.

– О, нет! Сюда летят кровожадные ястребы! Надо бежать!

- Скорее нам нужно подняться в небо и уничтожить их! – героически сказал Домовой.
- Точно! Я забыла, что у нас есть крылья. Быстрее забирайся на качели!

Они залезли вдвоем на качель и начали представлять, как летят через песчаную бурю в бликах красно-фиолетового неба, обороняясь от гигантских ястребов.

- Их все больше и больше! – крикнул Домовой. – Мы не справимся и погибнем!
- Нет!

Виктория подлетела ближе к Домовому и помогла ему отбиться от свирепой птицы.

– Осторожно, Домовой! – закричала Вика, но уже было поздно, ибо разгневанная не на шутку птица вцепилась острыми когтями в крылья Домового и разорвала их.

Домовой стал падать, кружа в воздухе.

Виктория, не зная страха и упрека, стремглав полетела за Домовым, который утопал в красных облаках.

Землю не было видно.

Долетев до него, она схватила Домового мертвой хваткой.

Крылья не справились с дополнительным весом, поэтому они начали падать вниз.

– Это конец! – сказала Виктория.

– Нет! – возразил он. – Посмотри, мы падаем в глубокое синее море!

– Невероятно! Это же наш дом! Мы в Морской Пучине!

Они упали далеко не в воду, а на твердую землю цветущей поляны, вернувшись из сказки в реальность.

– Невероятно!

– Невероятно!

Отдышавшись от фантастических приключений, слушая, как чирикают птицы и жужжат мухи над их потными, неподвижными телами, Домовой сказал:

– Вдвоем и правду веселее и интересней. А ты как думаешь?

– Ты прав! Намного интересней. А во что ты еще играешь, когда тебе одиноко?

– В прятки.

– Как можно играть в прятки одному?

– Я привык. – Он искоса улыбнулся. – Люблю прятаться в темных уголках.

– Бррр! – фыркнула Вика. – А я наоборот ненавижу! Не люблю темноту – и все тут! Мне всегда кажется, что во мраке кто-то прячется (обычно страшный монстр с когтями), чтобы незаметно подкрасться сзади и напасть. Я пытаюсь быть храброй и взрослой, но все равно боюсь.

– Странно. Меня наоборот больше страшит день!

– Как такое вообще возможно? Ты случайно не вампир?

– Да вроде нет. А кто это?

– Ты что не знаешь, кто такой вампир?

– Нет. Ни разу не слышал.

– Ну, ты даешь! Вампир – это человек с клыками. Он впивается ими в шею своей жертвы и высасывает всю его кровь! Кровь для него, как для нас, шоколад!

– Ужас! – Домовой поморщился. – Конечно, у меня острые зубы. Но я никогда не буду впиваться в горла людей, чтобы пить человеческую кровь!

– Это хорошо. Значит ты не вампир, – подытожил Вика.

– Вика, мороженое готово! Пойдем! – позвала мама.

– Мне пора, Домовой. Мама зовет. Через полчаса еще поиграем.

– Не смогу. Мне надо идти домой, читать книги. А то папа будет ругаться. Он не любит, когда я много отдыхаю. Может, вечером?

– Хорошо. Тогда до вечера. Я рада, что мы с тобой познакомились! Пока...

– И я рад. Пока.

Когда Виктория бежала домой, она обернулась и помахала ему рукой. Он тоже махнул. Домовой встал с поляны и побрел по дороге. А потом исчез.

Виктория забежала домой преисполненная неописуемой радостью; она вся светилась от счастья.

Еще час назад она играла в гордом одиночестве на поляне, а сегодня у нее появился новый друг. Друг, с которым ей было весело и интересно. Они играли в ее любимые игры. Он понимал ее с полуслова, словно в его голове появлялись те же самые фантазия, что и у нее. Ее даже не смущало, что он был бледный как день, и что у него были страшные красные глаза, и что звали его как-то странно, Домовой, и что он был плохо одет, и что от него пахло, точнее, несло протухшей рыбой. Ей было на все это наплевать. У нее был друг. И этим все сказано!

Вика, топая пятками, забежала на кухню, где мама стояла за кухонным гарнитуром салатного цвета и аккуратно накладывала в две глубокие стеклянные тарелки мороженное, сверху политое шоколадным сиропом и обсыпанное грецким орехом мороженное. Мороженое от невыносимой летней жары, мгновенно таяло в тарелках, расплываясь по ней, превращаясь в аппетитную жидкость.

Мама спросила:

– Как погуляла?

– Хорошо! Mamочка, тебе помочь? – спросила запыхавшаяся Вика и села за деревянный, овальный стол.

– Нет. Я уже закончила.

Мария оставшееся мороженное положила в морозилку, а приготовленное поставила на стол. У Вики потекли слюнки. Она взяла ложку, и хотела было уже начать приятную трапезу, как вдруг мама ее остановила, сказала:

– Ты кое-что забыла, любовь моя!

– Я ничего не забыла, так как не брала с собой игрушки на улицу.

– Я не об этом. – Мария грозно и одновременно ласково посмотрела в ее глаза и Виктория все сразу же поняла.

– Ой, мамочка, прости! Какая же я дурочка! Я же забыла помыть руки, перед тем как сесть за стол! – заключила она, вылезла из-за стола, подошла к блестящему хромированному умывальнику и на два раза помыла руку с мылом.

– Молодец! Вот теперь можно смело кушать и не бояться грязных рук. И, пожалуйста, не забывай мыть руку, когда будет кушать в школьной столовой!

– Не забуду!

Они сели за стол и принялись поесть сладкое мороженное.

– Очень-очень вкусно! Мммм! – промычала от удовольствия Виктория. И добавила. – Мама, знаешь, что сейчас со мной произошло?

– Что? Ты не упала?

– Нет. Не падала еще сегодня. Ты же знаешь, какая я неуклюжая. – Она хихикнула, закрыла улыбку крохотной ладошкой. – Со мной произошло нечто поинтересней, чем падение с качели.

– Так что же это? Ты меня заинтриговала.

– Я познакомилась с мальчиком. Он тут рядышком живет. Мы сразу сдружились. Теперь у меня есть новый друг!

– Ну вот, а говорила, что никогда здесь ни с кем не познакомишься?

– Но... он такой фантазер, как и я, мам. Представляешь? И даже не плохой, ни разу меня за косичку не дернул!

– Не все мальчики плохие. Ты сейчас с ним познакомилась? – Виктория кивнула. – Странно.

– Почему странно?

– Странно, что я его не заметила, когда смотрела за тобой в окно. Он настоящий или невидимый?

– Самый-самый что ни на есть настоящий! Ты, наверное, увлеклась мороженым и не заметила его. Тем более он все это время сидел или лежал в высокой траве... в ромашковой долине!

– Где?

– В ромашковой долине, что растет возле нашего дома в моем воображении, – ответила Вика. – Ты разве не видишь волшебные места, что скрываются за нашим домом?

– К сожалению, доча, моя фантазия ограничивается только зеленой поляной, поросшей травой.

– Ну так совсем неинтересно!

– Что теперь поделаешь. Нет у меня фантазий! – Мария отложила тарелку в сторону, немного подумала и спросила. – Как его зовут?

– У него странное имя. Домов... Дима.

– А что тут странного? Хорошее имя.

– Не знаю. Не нравится.

– И из какого он дома?

– Ой, мамочка, я не знаю. Он мне не сказал. Сегодня вечером у него спрошу, он обещал придти. Если, конечно, его папа отпустит. Он у него строгий. Заставляет его читать!

– Значит, я тоже строгая?

– Ты же меня не заставляешь!

– Ну ладно. – Мария подмигнула дочери. – Ты познакомишь меня со своим новым другом?

– А как же, обязательно. – Виктория посмотрела в мамины большие, красивые глаза и призналась. – Только одно мне не понравилось в нем. От него жутко пахло тухлой рыбы. Ведь это ничего, мам?

– Наверное, нет. Он просто рыбачил с мальчишками – и все! – разумно заключила Мария.

– Он говорит, что этот отвратительный запах у него с рождения. И никакое мыло не помогает!

– Ты моя, наивная деточка. Он просто не хотел тебе признаваться в том, что рыбачил. Поэтому он придумал эту нелепую и глупую байку. Все-все новорожденные младенцы пахнут чудесно. Когда ты родилась, я не могла насладиться твоей сладко-молочной кожей. И все еще не могу. В будущем ты меня поймешь, когда будешь держать в руках собственное дитя.

– В далеком будущем! – добавила Вики и прижалась к груди матери, купаясь в ее материнской ласке и заботе.

Виктория сидела на качели, ждала отца с работы и прихода ее нового друга. Но ни того, ни другого не было на горизонте, отчего она впала в легкое отчаяние. Минуты стали для нее – вечностью. И чтобы хоть как-то скоротать время, Виктория решила почитать книгу на свежем воздухе и снова погрузилась в другую вселенную, где беспризорник Том Соейр влюбился в прекрасную девочку.

Прошло минут десять, когда на их улицу завернула «Тайота», за рулем которой сидел Константин. Он посигналил, три раза. Виктория вздрогнула, оторвалась от книги, посмотрела в сторону приближающейся машины, улыбнулась и стала махать ручкой, положив книгу на качели.

Ее самый-самый любимый папочка приехал!

– Привет, доча! – сказал он, выйдя из машины. – Соскучилась по папе?

– Ты просто не представляешь как сильно!

– Насколько сильно?

Вика развела в стороны руки настолько, насколько могла. Потом засмеялась, нежно – со всей детской любовью – поцеловала папу в губы и прижалась своим личиком к его грубой щетинистой щеке.

– Этого мне не хватало целый день.

– Правда?

– Правда.

К ним незаметно подошла Мария.

– И чем вы тут занимаетесь? А?

– Привет, дорогая! – Мария и Константин поцеловались. – Как дела?

– Все хорошо. Ужин приготовила. У тебя как? Ты сегодня поздно?

– Все как обычно. Работа кипит полным ходом!

– Папа, а я сегодня познакомилась с мальчиком! – похвасталась Виктория.

– А не рано ли с мальчиками знакомиться? Я же начну сильно-сильно ревновать!

– Не зачем ревновать! Я всегда буду любить тебя сильнее, чем других мальчиков.

– Приятно слышать. А если честно, то я рад, что у тебя появился новый друг!

Константин посмотрел сначала на нее, а потом на жену и ухмыльнулся.

– Что за взгляд? – спросила Мария.

– Вы ни за что не догадаетесь, что я вам купил!

– Ты нам приготовил подарки? – поинтересовалась Виктория и захлопала от радости в ладоши.

– Дорогой, у нас и так мало денег, а ты тратишься!

– Что за мужчина тогда, если не балует своих дам подарками! – красноречиво сказал он, открыл вместительный багажник, достал оттуда что-то большое, завернутое в подарочную упаковку и протянул это дочери. – Держи! Надеюсь понравится. Долго выбирал!

– Такой большой... мне и не удержать! – вскрикнула Вика, нетерпеливо разрывая шелестящую бумагу, в которую был упакован большой серо-белый плюшевый мишка. – Спасибо, папочка! Мне он очень нравится! Теперь я буду с ним спать каждую ночь. Он будет моим защитником от тех монстров, которые прячутся в шкафу.

– Не за что, моя хорошая! – Константин закрыл багажник. Посмотрел на жену и сказал. – А теперь твоя очередь, мама!

Константин подошел к Марии, обнял ее за талию и достал из кармана черных штанов маленькую бархатную коробку, увитую золотистыми надписями.

– О, милый, не надо было так тратить!

Она открыла приятную на ощупь коробку и увидела там золотую цепочку с кулончиком. Внутри кулона была вставлена свадебная фотография с их юными и счастливыми лицами.

– Какая красота... спасибо.

Константин помог Марии надеть кулон. По ее щекам сверкнули слезы.

– Красивый кулон, – оценила Виктория. – Мне нравится.

– Мне тоже он понравился.

Константин взял за руку Марию и Викторию, и они пошли в дом. В их дом.

Домовой сидел на ветке дуба и наблюдал за этой трогательной сценой. Он пообещал себе, что эту прекрасную семью он не будет пугать по ночам, вопреки наказу своего отца.

Вдоволь наевшись, Виктория картинно взялась за живот и сказала, что ей необходимо сходить на улицу и подышать свежим воздухом. Родители обменялись взглядами ипустили Викторию погулять. Но только при одном условии, что дальше дуба она не уйдет. Виктория,

удовлетворенная таким условием, согласилась и вприпрыжку побежала на улицу, мгновенно забыв о тяжести в животе.

Выйдя во двор, она почувствовала долгожданную вечернюю прохладу. Улицу окутал волшебный запах цветущих цветов и русских бань, извергающих из труб облачка черного дыма, восседающего поверх домов. Солнце не спеша опускалось за линию горизонта. На золотистом небе появились красно-бардовые линии. На фоне вечернего неба мельтешили целые рои мошкары и кровожадного комарья. Птицы неустанно продолжали щебетать.

Вдруг Виктория вспомнила, что положила на качели книгу. Теперь книги не было. Осмотрев периметр поляны, она разочарованно вздохнула, села на качели и задумалась, куда же она ее подевала.

Сверху кто-то тихо кашлянул. Она посмотрела наверх и увидела Домового. Он сидел на толстой ветке дуба и как бы читал книгу, перелистывая страницы, якобы, не замечая Викторию.

– Что ты там делаешь?! – спросила она.

– Вика! Ты наконец-то пришла, я уже замучился тебя ждать! – сказал Домовой и слез с дерева, держа в одной руке книгу. – Прости я взял твою книгу, чтобы скоротать времечко.

Домовой протянул книгу Виктории.

– Да ничего страшного. Я уже подумала, что ее потеряла и придумывала, что скажу маме, если она спросит, где библиотечная книга. Хорошо, что нашлась! И как ты туда умудрился забраться?

– Очень просто! Каждый уважающий себя мальчик должен уметь лазить по деревьям, – гордо заявил он. – У меня большой опыт лазанья по деревьям! Хочешь, я и тебя научу?

– Да... очень хочу! А когда ты меня научишь?

– Да хоть сейчас!

– Не обманываешь, как это любят делать мальчишки?

– Я же твой друг, как я могу тебя обманывать? Что мы тогда за друзья такие, если будем обманывать друг друга?

– Спасибо, спасибо! – заливала Виктория и обняла Домового, который смутился и покраснел. – Потом и я тебя чему-нибудь научу, если захочешь! Обещаю!

– Я поймал тебя на слове.

– Как тебе книга? – вдруг спросила Виктория.

– Интересная, – соврал он. – Лучше чем все эти заумные книги, которые мы с тобой зубрим в школе. Дашь потом почитать?

– Конечно, дам, когда дочитаю. Ты уже ходишь в школу?

– Ага. Я первый класс закончил. Сейчас пойду во второй. Ужас! Как представлю, что еще учиться девять лет, аж плакать хочется! А ты разве еще не учишься?

– Нет, – с грустью ответила Вика, притупив взгляда на книгу. – Очень хочется начать учиться. Я каждый вечер мечтаю об этом. Мечтаю, чтобы поскорее наступило долгожданное первое сентября, и я, такая нарядная и красивая, пойду в школу!

– Я-то думал, ты тоже во второй класс пошла, как и я. И кто же тебя научил читать?

– Мама.

– Тебе повезло.

– Повезло?

– Что у тебя есть мама...

– У тебя нет мамы? – взволнованно спросила она.

– К сожалению, нет. Когда я родился, она умерла. Я не видел ее.

– Тебе ее, наверное, не хватает? Если бы моя дорогая и любимая мамочка умерла. – От этих слов Вика вздрогнула и онемела. – Мне даже думать об этом страшно!

– Очень не хватает. Папа у меня строгий. Постоянно заставляет меня делать то, что я не хочу делать! Кричит, ругается. Иногда даже и по затылку влетает за неповиновения. Он ОЧЕНЬ требовательный, скрытный. Он не умеет хвалить, утешать, подбадривать...

– Это ужасно... расти без мамы, – попытожила Вика, искренне соболезнуя горю Домового.

Он посмотрел на солнце и сказал:

– Мне уже скоро домой идти, а ты еще даже не научилась лазать по деревьям. Ты готова? Не боишься, что от мамы влетит?

– Если честно, боюсь, но все равно хочу залезть на ту ветку!

– Тогда следи за мной, что я делаю. – Домовой ухватился за торчащие сучки и стал подниматься все выше и выше. – Все очень просто! Главное, чтобы ноги стояли устойчиво, а руки крепко держали за выемки и сучки.

Через десять минут волнительного и будоражащего подъема по дереву, Виктория с облегчением вздохнула и села на ветку, облокотившись на широкий ствол дуба. Ее колени дрожали, голова кружилась от высоты, а сердце словно ушло в пятки. Вика вскрикнула от счастья и переполняющей ее тело радости, что она смогла побороть свой страх и теперь сидит вместе с новым другом здесь, высоко-высоко над землей, что аж захватывает дух.

– Это классно! – сказала она. – Спасибо, что научил меня. Без тебя я никогда бы не справилась и не решилась залезть на дерево.

– Всегда, пожалуйста! Правда здесь хорошо и спокойно? Я люблю здесь сидеть.

– Да, – мечтательно ответила Виктория, любуясь прекрасным вечерним закатом. – Это место теперь тоже мое любимое! Сейчас я только одного боюсь, как я буду спускаться обратно. – Она посмотрела вниз и ахнула. – Так высоко!

– Не переживай. Спускаться намного проще, чем подниматься.

– Надеюсь! А в каком доме ты живешь?

– Ээ... не в одном из этих домов. Я с другой улицы...

– Понятно. – Молчание. – А чем ты еще занимаешься в свободное время?

– Да ничем. Все время учись тому, что мне не нравится. Но отцу я не смею перечить.

– Неужели в школе так все плохо?

– Да, – сухо ответил он.

– Странно.

– Я тоже раньше мечтал поступить в школу. Каждый день я грезил, как пойду в школу и наконец-то стану взрослым. Но теперь я знаю, что такое школа и мечтаю уже о том, как бы вернуться назад и никогда не знать о ней. Там учат плохому! Честно.

– Я слышала другое мнение. Мой папа говорит, что без школы ты не станешь личностью. Я правда не знаю, что это означает. Но что-то точно хорошее!

– Видишь ли, я хожу в особую школу.

– В особую?

– Мне нельзя тебе об этом говорить.

– Почему?

– Я как бы особенный. Так, по крайней мере, отец говорит. И учусь в особенной школе для особых учеников. А там учат не тому, чему хотелось бы.

– Чему же?

– Прости, но я не могу тебе сказать. Мне нельзя об этом говорить. Если кто-то узнает, у меня будут большие проблемы. Прости. Если бы я мог, то все давно бы тебе рассказал.

– Ты такой загадочный. Ты случайно не с другой планеты?

– Если бы...

– Вика! – крикнула мама из окна. – Пора домой! Где ты?

– Мамочка, я спрячусь за деревом от страшного тролля, – обманула Виктория. – Еще минуточку! Мне нужно защитить Ромашковую долину от зла! Можно?

– Только минуточку!

– Мне пора.

– Я уже понял.

Виктория, медленно и боязливо, спускалась с дерева, за ней следовал Домовой, который советовал ей за какую ветку зацепиться, на какой сучок опереться.

– Кажется, я это сделала! – весело сказала она, когда была почти в двух метрах от земли.

– Не отвлекайся! – посоветовал ей Домовой.

– Хорошо.

Виктория опустила ногу на следующий сучок – и тот предательски затрещал и надломился. Она вскрикнула и зажмурила глаза, чтобы не видеть своего нелепого падения.

– Все хорошо, Вика. Я тебя поймал. Можешь открыть глаза.

Виктория открыла глаза и увидела его лицо.

– Как? Как ты меня успел поймать!?! – спросила она. – Ты же был...

– Я же говорил тебе, что я не такой как все. Я – особенный! Кстати, сюда бегут твои родители. Скажи им, что тебя укусил овод. Мне пора. Они не должны меня увидеть.

– Но почему?

– Не знаю. Так надо, – сказал он и побежал по дороге.

– Спасибо, – крикнула она ему вслед. – Ты меня спас...

– Что случилось Виктория? – спросила напуганная Мария, когда подбежала к дочери.

– Меня больно-больно укусил овод в ногу! – соврала она.

– Боже ты мой! Ты нас напугала до смерти! – раздраженно сказал отец.

– Простите. Я не хотела. Я сейчас играла с новым другом. Вон он бежит! – она показала указательным пальчиком на пыльную дорогу и не увидела никого, кроме черного кота, перебегающего дорогу. Домовой словно испарился.

– Где же твой друг? Я никого не вижу.

– Уже убежал...

– Ладно, пойдем домой. Пора спать.

Глава 5

28 сентября 1997

Виктория с дотошной ей усидчивостью и усердием наряжала миниатюрных кукол-актрис в шелковые и вельветовые платья с длинными развивающимися подолами, любезно сшитыми умелыми ручками Марии. Позже нарисовала им губки красной помадой, напудрила щечки, уложила прически, покрасила старой тушью ресницы и что-то шептала на ушко. От прекрасных дам-кукол Виктория перешла к кукольным кавалерам, которые лежали в одних белых трусах; одного одела в черный классический костюм, второго – в богатое бархатное одеяние; на голову надела корону.

Тем временем Домовой с присущей ему неуклюжестью и вспыльчивостью пытался собрать декорацию для долгожданного театрального представления, поставленного Викторией и посвященного ему – лучшему другу. Домовому еще никогда не делали таких подарков, поэтому он не мог нарадоваться этому, несомненно, счастливому событию в его нелегкой жизни. Мысли его где-то летали на седьмых облаках, из-за этого из рук постоянно что-то выскальзывало, падало, ломалось.

– Мы уже почти готовы! Сегодня мои королевские актрисы и актеры ведут себя хорошо, не капризничают. Я думаю, через минуты две они выйдут покорять сцену своей красотой, обаянием и талантом, – серьезным тоном заявила Виктория.

– Я тоже практически закончил, – соврал Домовой. – Таких волшебных декораций ты еще не видела! Твои актеры будут приятно удивлены.

Домовой стал судорожно строить то, что ни единожды разрушал, когда парил в облаках.

За прошедший месяц они сблизились так близко, что им стало казаться, что они были знакомы всю жизнь. Каждый день с утра до вечера они были неразлучны: общались, рассказывали друг другу о себе, гуляли возле дома, беззаботно играли в самые разнообразные детские игры. Домовой ее научил в совершенстве лазать по деревьям; после падения с дерева Виктория не испугалась продолжать осваивать данное ремесло, а наоборот: еще с большим рвением стала учиться. Виктория, как и обещала, научила Домового, тому, чего он не умел. А именно читать. В тот первый день их знакомства Домовый обманул Вику, когда говорил, что ему понравился «Том Сойер» и что он умеет хорошо читать. Сначала у него ничего не получалось, отчего злился и ненавидел весь белый свет. Виктория, как особа более уравновешенная, с должной ее строгостью и усидчивостью не обращала внимания на его жуткий гнев и злобу, продолжала повторять одно и то же, не сдавалась, верила в его потенциал. И как в воду глядела. По пришествии трех недель у Домового стало получаться читать, чему он был только рад. Они каждый вечер забирались на дуб, и Домовой читал Виктории «Тома Сойера» Марка Твена.

Им хорошо было вместе, даже ни взирая на тот факт, что их дружба была первым протестом родителям, которые не одобряли их странную и немислимую дружбу.

Домовому запрещал отец общаться с *людьми*, ибо считал, что люди ужасны и недостойны его внимания; предрекал, что в один прекрасный день *она, его друг*, без угрызения совести предаст Домового. Он не верил отцу, что Виктория способно на такое, они же все-таки друзья, а друзья не предадут друг друга.

Родители Виктории, узнав *правду* об ее новом друге, не стали запрещать ей с ним общаться, но недвусмысленно намекнули, чтобы она нашла себе *настоящих* друзей. А потом еще пригласили домой одного странного и неприятного человека, который ей задавал череду непонятных и дурацких вопросов. После окончания беседы он вынес свой вердикт тонким, рассудительным голосом: «Все в порядке. Можете успокоиться. Ваша дочь, несомненно, здорова! Скоро это пройдет. У детей ее возраста частенько неожиданно всплывают вот *такие* друзья и поверьте моему многолетнему опыту, скоро она о нем забудет».

После этого неприятного инцидента Виктория мудро решила больше не говорить родителям об их встречах с Домовым, чтобы они лишний раз не переживали за нее и за ее здоровье (еще тогда она поняла, что взрослому трудно поверить в то, что он не может увидеть!).

Домовой с облегчением вздохнул, когда воздвигнул декорацию для театрального представления. Декорация состояла из массивного стола и четырех деревянных стульев, принесенных с кухни, два из которых размещались прямо на столе. Декорация напоминала цирковой шатер. Правда, собранная Домовым конструкция немного накренилась влево. Казалось, что одно легкое соприкосновение с ней и она в одночасье развалится.

Виктория, взяв в руки кукол и какие-то разноцветные рисунки, развернулась, посмотрела на декорацию, воздвигнутую в ее комнате, пришла в щенячий восторг и похвалила Домового за мастерство и ловкость. Он в знак признательности поклонился, как подобает джентльмену – и они засмеялись.

Виктория залезла вовнутрь красного шатра и начала раскладывать свои рисунки на стол, заставляя ножки стульев. На бумаге были изображены леса, поля, реки и голубое небо с желтым солнцем.

– Вы готовы увидеть новую пьесу, мой дорогой зритель? – спросила она и посмотрела на Домового, который сидел напротив декорации и не мог дождаться представления.

– Готов!

– Тогда начинаем! – радостно воскликнула Виктория, спряталась за стол, достала листок бумаги из кармана и начала читать вступление.

– Эта история начинается с того, что однажды в одной волшебной Стране Незабудок одним летним днем одна очень отважная и гордая Принцесса Евгения наперекор своим родителям, Королю и Королеве, отправилась на поиски прекрасного принца, в страну Лилипутов. Родители всячески убеждали ее не ходить в густой лес, доказывали, что страны Лилипутов вообще не существует, что это только ее бурная детская фантазия и ничего больше. Но все их бесчисленные попытки оказались тщетны. Рано утром она направилась в долгий путь по лесу.

Виктория достала из-за стола светловолосую куклу, одетую в шикарное голубое платье и изысканным движением руки стала изображать, как та идет по непроходимым лесам.

«– Ох, как же долог мой путь! Но ради принца на белом коне я готова пройти хоть тысячу миль, – говорила кукла притворным голосом Виктории. – Я даже и не знала, как страшен и одновременно прекрасен этот лес, на который я смотрела столько лет из окна комнаты. Почему я раньше здесь не была?»

– И так она шла весь день и весь вечер, – продолжала повествовать уже своим голосом Виктория, – общалась с добрыми, гостеприимными зверушками и пела с птичками, которые кружили над ее головой весь долгий путь. А потом наступила ночь. – Виктория поменяла рисунки; на них было изображено черное звездное небо, овальная и дырчатая, словно сыр, луна и темный-темный лес. – Птицы улетели, зверье разбежалось кто куда, а величественные деревья превратились в Темных Властелинов со зловещими ветками – руками! Принцессе стало не по себе и не так весело, как раньше, когда светило солнышко. Она заплакала и тысячу раз пожалела, что ослушалась родителей.

Евгения погрузившись в свои мысли, не заметила сучок и наступила на него. Он громко хрустнул, она взвизгнула и побежала. Ветки деревьев стали цепляться за ее платье. Вдалеке кто-то протяжно рыкнул. Евгения запнулась о корень дерева и упала, больно стукнувшись коленом о землю. Она окинула взглядом лес и увидела двоих серых волков. – Вика свободной рукой положила на стол две собаки. – Они рванули к ней, раскрыв голодные пасти.

Домовой напряженно смотрел за действием и искренне переживал за принцессу, которой угрожала смертельная опасность.

– Принцесса стала звать на помощь, – продолжала рассказ Виктория, – но никто не откликнулся на ее голос, ибо она была в глухом лесу. Закрыв руками лицо, она громко заплакала и не заметила движущийся силуэт в деревьях. Это был принц. Он спрыгнул с коня и обнажил из ножен меч.

Виктория поставила на стол красивого принца.

«– Не бойтесь, принцесса, я вас спасу!»

Доблестный и отважный принц бился с волками не на жизнь, а на смерть. В итоге, он прогнал прочь волков.

«– Спасибо вам! О, благороднейший принц!» – благодарила Принцесса.

«– О мадам, не надо меня благодарить! Так бы поступил любой честный человек. Скажите лучше, почему вы одна в глухом лесу?»

«– Я убежала из дому, потому что никто не верил мне!».

«– Во что не верят?».

«– В волшебную страну Лилипутов, где правит благородный принц, которого я ни разу не видела, но который каждый вечер сидит в одиночестве, у окна, в большом замке, смотрит на луну и мечтает встретить красивую принцессу, чтобы влюбиться и стать любимым».

« – Откуда вы узнали об этом? ».

« – Мне снится каждую ночь один и тот же сон, – ответила она и спросила у принца. – Вы знаете об этой стране? ».

« – Конечно, знаю. Я тот самый принц! ».

« – Я вас нашла! – вскрикнула принцесса и обняла его ».

Виктория соединила кукол вместе. Домовой ахнул.

– И вот они стоят в темном лесу и нежно обнимают друг друга.

Потом принц посмотрел в ее глаза и спросил:

« – Вы выйдете за меня замуж? »

« – Да! – согласилась она ».

Принц поцеловал ее.

Через два дня они поженились и жили долго и счастливо.

Конец.

Домовой встал с пола и стал аплодировать, не касаясь ладошек, чтобы не разбудить родителей в соседней комнате. Виктория встала в полный рост и поклонилась.

– Тебе правда понравилась? Мне мама помогала сочинить. Я бы сама так не смогла.

– Это было здорово! Твоя лучшая театральная постановка! Я так сильно переживал за Принцессу, что думал сейчас встану и помогу ей одолеть волков. Но меня опередил принц.

– Спасибо. Я старалась.

Глава 6

10 августа 1997 года

Виктория проснулась от того, что ей приснился страшный сон; она шла по наклонной шиферной крыше и поскользнулась.

Первым делом Виктория, когда просыпалась, смотрела в окно, чтобы разглядеть какая погода на улице. Если солнечная, то она радовалась. Если хмурая и дождливая, то она грустила и была во власти печальных мыслей, которые никогда не пришли бы ей в солнечный день.

К ее недовольству за окном властвовала хмурая и ненастная погода. Ветер сильно раскачивал веточки дуба и люто завывал. Моросило. Даже птицы не летали и не пели романсы, спрятались в кронах деревьев.

Виктория нахмурилась, соединив брови в единую черную дугу, и нехотя встала с кровати. Зевнула.

Придется просиживать дома, пока не кончится дождь, подумала она.

Подходя к кухне, она услышала, как бренчит посуда, как шумно бежит из водопровода вода, как что-то булькает в кипящих кастрюлях, как играет музыка из радиоприемника, как скрипит деревянный пол от быстрых шагов матери. Мария стояла за газовой плитой, пританцовывала и мешала ложкой кипящий на огне суп.

– Привет, мам.

– Привет. Уже выпалась?

– Ага.

– Почему грустная? Неужели из-за погоды?

– Не люблю дождь.

– А я люблю. Особенно бегать босиком под дождем.

– Мама, ты бегала под дождем?

– А что ты так удивляешься? Я тоже была когда-то маленькой и с особым трепетом ждала дождь. Помню, когда поливал дождь, мы с друзьями дружно снимали обувь и беззаботно бегали

по лужам. Нам было всё нипочем. Эх, было же время! – с грустью в голосе сказала Мария, на секунду покинула нынешний мир и очутилась в том далеком детстве, которое она безвозвратно потеряла и которое уже никогда не вернет. Оно осталось в прошлом – в памяти, которая со временем сотрет многое, но оставит безудержные танцы под дождем. По крайней мере, она так думала.

– Кажется, я влюбляюсь в дождь. Мама, теперь я больше всего на свете хочу пробежать под дождем. С тобой!

– Со мной?! Мое время ушло, чтобы сейчас так же, как в детстве, беззаботно бегать по лужам.

– Но мамочка, пожалуйста, умоляю тебя, пойдем на улицу! Вдруг сейчас дождь закончится! Я не могу пропустить дождевого танца. И ты тоже!

– Ох, какая же я дуручка, что рассказала тебе об этом, когда должна была молчать! – начала ругать себя Мария. – Мы обе простудимся и заболеем!

– Что-что? Ты согласна? – спросила Вика, глядя на маму лучезарными глазами.

– Конечно, – ответила она и улыбнулась.

– Спасибо, мамочка! – Она прильнула к Марии. – Будет весело! Я даже не верила, что ты согласишься.

– Когда еще представится шанс побегать под дождем с дочерью, которая через пару недель пойдет в школу, познакомиться с другими девочками и забудет про свою маму.

– Нет! – возразила Виктория. – Я никогда о тебе не забуду! Ты же знаешь об этом, мамочка!?

– Знаю, родная. Знаю. – Она поцеловала дочь в волосы и сказала. – Но помни, что это будет нашим маленьким женским секретом от папы. Хорошо?

– Хорошо, мам. Он никогда не узнает об этом.

Они вышли на улицу. Дождь не на шутку разыгрался и незаметно превратился из измороси в самый настоящий ливень. По каменистой дороге бежали ручейки. На зеленой поляне возле дома зияли лужи, отражая хмурое небо и зеленые листья возвышающегося дуба.

Сняв галоши и вступив на землю, Виктория вскрикнула.

– Что такое, родная? – спросила Мария, посмотрев на дочь.

– Земля такая холодная! Ужас!

– Может быть, ты передумала? Воротимся домой пока еще не поздно? А?

– Нееет! Я готова! Побежали! – закричала Виктория, взяла маму за руку и потянула ее за собой...

Волшебная и чудесная сказка возродились в душе Марии, когда она, держа за руку дочь, бежала по скользкой траве, а дождь нежно ударял ее, скользя по ее стройному телу.

Еще недавно, казалось, она бегала с семилетними сорванцами под дождем, под летней безумной феерией, впитывала в себя все самое прекрасное, что есть на Земле, а именно жизненную силу и энергию воды. И смотрела на мир детскими, невинными и наивными глазами. А теперь она взрослая, гордая женщина со своими моральями и устоями бежит с семилетней дочерью и смеется так звонко и громко, как не смеялась еще никогда. И не верит в то, что она решилась на эту детскую шалость, от которой ее тело дрожит и трепещет от удовольствия, удовольствия стать хотя бы на миг ребенком и уйти от повседневной суеты, забот, проблем и ответственности.

Виктория смеялась вместе с мамой, чувствуя, как в ноги впиваются невидимые пиявки.

Вдруг Вика поскользнулась и потянула маму за собой. Они с взвизгом и охами упали на землю и засмеялись еще громче, лежа в сырой траве.

Встав с земли, Мария вытерла слезы радости вместе с капельками дождя, взяла дочь на руки и стала кружить в танце, поя мелодичным голосом детские песенки. Виктория ей подпевала.

И вот – они танцует возле дуба, все промокшие до ниточки, но счастливые и гордые и поют песни, забыв обо всем на свете. Их мир сузился и теперь существует только там, где они вдвоем и больше никого. Они любят друг друга и ни с кем больше не хотят делиться этим волшебным чувством, что согревает их холодные тела, даже когда сыро и ненастно.

Виктория, положив голову на мамино плечо, посмотрела на толстую и пропитавшуюся «летним чудом» (дождем!) ветку дубу, где они сидели с Домовым каждый вечер. И увидела ЕГО.

Домовой сидел и зачарованно смотрел на них, сверкая в дождливом блеске красно-голубыми глазами, свесив ноги с ветки. Видно было, что он чем-то расстроен и по его щекам бегут не только капли дождя, но и слезы.

– Домовой, ты здесь!? – закричала Вика.

Он вздрогнул и чуть не повалился вниз спиной с дерева, весь покраснел, как помидор, не ожидая того, что он будет замечен. Ведь никто не должен был его увидеть, даже Вика.

Как же ей это удалось? – подумал он про себя.

– Мам, он здесь! – крикнула Виктория.

– Где? – спросила Мария. – Я никого не вижу.

– Вон же на дереве. На той ветке. – Она показала пальцем и увидела, что на ветке никого нет. Он испарился. Исчез. – Ничего не понимаю! Я же только что его видела!

– Обозналась, наверное? – предположила Мария. – Сама подумай, какой нормальный человек будет сидеть на дереве в такую ненастную погоду?

– Но мы же с тобой бегаем по дождем!

– Так мы с тобой две дурочки! – сказала мама, и они засмеялись. – Пойдем домой, пока не окоченели, – сказала мама. – Сначала погреемся в ванне, а потом я приготовлю твой любимый горячий шоколад.

– С удовольствием, – согласилась Вика и забыла о своем странном видение.

Но видение ли это было?

Дома Мария и Виктория приготовили горячую ванну, наполненную ароматной пеной, которая источала ароматы лесных цветов (полевых), впитавшихся себя всю теплоту лета.

Они залезли в ванну и словно растворились в умиротворенной воде, став частью ее существования.

Мария обняв дочь, безмолвно смотрела, как та берет в ладошку белую пену и дует на нее. Пена взлетает вверх и медленно опускается, растворяясь и кружа подобно снежинки.

Мария незаметно взяла горстку воздушных облаков и положила на голову Виктории, которая в свою очередь игриво облепила пеной и себя, и маму, отчего они стали похожи на снеговиков, тающих на весеннем солнышке.

Виктория, смеясь и радуясь, неугомонно подбрасывала вверх искрящуюся пену. Еще и еще. В скором времени ванная комната превратилась в пенное царство – царство сверкающей белизны.

– Ладно, милая, хватит баловаться. Кажется, отогрелись. Пора и помыться.

После помывки они попили горячего шоколада с шоколадными пряниками и решили полежать немного на крохотной кровати в Викиной комнате, чтобы передохнуть, а после заняться одним важным делом: приготовить вместе новое блюдо к папиному приходу. Но только они легли, сон тут же окутал их в свои объятия. Мать и дитя, обняв друг друга руками, лежали на кровати и тихо посапывали, видя разные, но, несомненно, приятные сны.

Когда Вика проснулась, мамы уже не было. С кухни тянулись манящие, запахи домашней выпечки. Как же ей нравился этот запах – запах дрожжей, пшеницы и мака, посыпанного сверху на воздушную, мягкую и теплую выпечку, которая во рту начинает таять подобно мороженому.

Виктория глубоко вдохнула, облизала губы и представила, как откусывает кусочек горячей булочки.

Она надела серые тапочки с собачьими милыми мордашками и пошла к маме на кухню. Как вдруг увидела, что в приоткрытом платяном шкафу сверкают знакомые зловещие красно-голубые глаза. Она не закричала от страха и не позвала маму на помощь, так как уже не боялась их. Она знала – это Домовой.

Наверное.

Глаза продолжали гореть ярче огня, ярче раскаленного металла, и не отводили пристального взора от окаменевшей Виктории, которая стояла в ожидании того, что же будет дальше. Она заметила, что к шкафу ведут мокрые следы, а пластиковое окно приоткрыто.

– Домовой, это ты!? – спросила она, и сделала неуверенный шаг вперед. Глаза отпрянули от дверцы и углубились в шкаф, став меньше.

Каждый шаг отдавался в груди от сильных ударов бешено колотящегося от страха сердца. Викторию слегка потряхивало, но она отважно, шаг за шагом, продолжала идти вперед – к шкафу.

И наконец, дойдя до заветной цели, взявшись за ручку, она на свой страх и риск открыла дверь, вскрикнула и зажмурила глаза.

Дневной свет проник в платяной шкаф, обнажив его богатый внутренний мир. А именно: бесчисленное количество пестрой и разноцветной крохотной одежды, висевшие на белых вешалках; над одеждой, на полках, лежали огромные мешки, набитым ненужным хламом, рядом – три пары обуви. И больше ничего и никого. Глаза исчезли. *Нечто* снова ускользнуло от ее взора.

– Я знаю, ты здесь!

Бах!

Она резко развернулась на сто восемьдесят градусов и увидела привычный интерьер: кровать, комод, стол с красивым зеркалом и куклы, сладко спящих в домике в собственных кроватках.

И снова никого.

Она осматривала безмолвную и таинственную комнату, за каждым темным уголком которой могло скрываться нечто злое или доброе, нечто невиданное или совсем обыденное, нечто такое, что пугает и отталкивает, но и одновременно притягивает и пленит к себе.

Виктория с томительным ожиданием ждала хоть какого-нибудь ответа, слыша громкое тиканье механических часов.

– Я знаю, это ты, Домовой! И не надо меня принимать за какую-то там дурочку! Я вижу твои глаза, я чувствую слабый, но все же запах затхлой рыбы и сырость от дождя. Как и знаю, что ты особенный и можешь делать то, что не могут другие люди. Так что не дурачь мне голову и выходи из своего убежища, а не то я на тебя рассержусь, и больше никогда с тобой не буду разговаривать. Вот так вот! – решила она, насупила лицо и скрестила руку на груди.

– Хорошо-хорошо, я сейчас же появляюсь, только не сердись на меня и на мою трусость и, пожалуйста, закрой двери на всякий случай. Меня не должны видеть.

Виктория закрыла двери и увидела, как появился Домовой, покрасневший от смущения и робости.

– Прости меня. Я честное слово не хотел тебя пугать и уж тем более причинить тебе зло. Я не такой, – потупив в пол глаза, вымолвил он.

– Тогда почему ты прятался от меня?

– Я – другой. Не человек. Мне нельзя с тобой общаться.

– Но ты первый ко мне подошел!

– Потому что ты единственная девочка, которая увидела меня. – Он сел на кровать и вытер рукой потный лоб. – Я хотел поиграть с тобой. Извини.

– Не извиняйся. Ты же не виноват, что я наделена...

– Даром! – добавил он.

– Ну, наверное, даром. – Она подошла к нему и села на кровать. – Я сама рада, что мы с тобой познакомились. Мне было одиноко в последнее время из-за переезда. И вдруг проявляешь ты, и я забываю о своих грустных мыслях. – Она замолчала и решила спросить. – А почему ты следишь за мной, мы ведь и так все эти дни были вместе? Почему прячешься в шкафу?

– Нет, я за тобой не следил. Зачем мне это!? Просто задняя стенка платяного шкафа отодвигается и ведет в мой дом...

– В дом? – спросила Вика.

– Да.

– Значит, мой платяной шкаф – волшебный. Слово из детской сказки «Хроники Нарнии». Мне даже не верится, что такое на самом деле бывает!

– Почему?

– Потому что родители всегда убеждали меня, что нет никаких волшебных миров в тайных, темных уголках. Что нет монстров и чудовищ в чуланах, на чердаках, в шкафах – да где угодно! Что нет эльфов, русалок, троллей, гоблинов и других волшебных существ. Все это только плод фантазии людей. Ты понимаешь?

– Конечно, понимаю. У меня отец такой же! Вечно он меня учит, что люди злые, жестокие и со временем предадут и даже убивают! Но общаясь с тобой, я вижу, что вы другие – не такие, какими видит вас отец. Вы добрые и счастливые.

– Домовой, раз ты не человек, так кто же ты?

– Я являюсь духом этого дома.

– Вау! Неужели это правда, а не очередной волшебный сон?! – спросила она сама у себя и посмотрела на поникшего Домового. – Почему ты загрузил?

– Как бы я хотел когда-нибудь стать человеком...

– Это твоя мечта?

– Да. Моя жизнь – сплошная скука смертная, если сравнивать с жизнью человека. Я сижу в темнице и учу разные «черные» книги, а когда выбираюсь на волю – в мир людей – я снова попадаю в ту же самую непроглядную пещеру, где я один и мне не с кем обмолвиться даже словечком, так как меня никто не замечает, проходя мимо. Я не могу, как мои «земные» сверстники, целыми днями напролет гулять на улице и радоваться каждому новому летнему дню. Не могу вместе с ними купаться в пруду. Гонять мяч по вытопанному полю. Дурачиться в прятки в заброшенных домах. Лазать по деревьям, а потом сидеть на верхушке мира, смотреть на голубое небо, кушать свежие зеленые яблочки и рассказывать друг другу смешные и матершинные анекдоты, словно взрослые. Ходить в лес, на рыбалку, глядя на в кино, на аттракционы, в парки, в школу, в спортивные секции, чтобы научиться бегать быстрее всех и прыгать выше всех. Вот о чем я мечтаю! Я тысячу раз видел, как мальчишки при встрече, по-мужски жмут друг другу руки и идут навстречу новым приключениям и новым открытиям.

– А ты не можешь стать человеком?

– К сожалению, мне никогда не стать человеком. По крайней мере, так говорит отец. А он всегда говорит только правду. Однажды он мне сказал, чтобы я выбросил эти ненужные мысли о подлых людишках и больше не смел думать об этом бреде, потому что я рожден для другого. – Виктория хотела спросить у него, для чего он рожден, но в последний момент передумала. – Я, честно говоря, сам не знаю, для чего рожден. Но мне кажется не для того, чтобы нести добро людям.

– Почему ты так решил? – поинтересовалась Виктория.

– Мой дом не так прекрасен, как ваш или любой другой дом на этой планете. Ты бы видела мои обои и мебель, от которых у меня дрожь по телу. Никак не могу к ним привыкнуть. Ты бы знала какое я испытываю облегчение, когда мне позволяют посетить этот чудесный и милый

дом. Я в нем чувствую себя хорошо и уютно. Он дарит счастье, нежели страх и отвращение. Отец говорит, что я не от мира сего и постоянно меня бьет за то, что я слушаюсь его и не пугаю...

Домовой смолк.

– Пугать? Какого пугать?

– Тебя и твоих родителей.

– Зачем?

– Моя домашняя работа на лето – напугать вас, чтобы вы боялись этого дома. Но я не могу этого сделать.

– Этому вас учат в школе?

– Да. И еще мой отец, – ответил Домовой.

– А он что, тоже пугает людей? – спросила она.

– Да. Наверное. Я не знаю. Он мне никогда не говорит, куда уходит по ночам. Но приходит он всегда ранним утром с улыбкой на лице и уставший, как сторожевая собака. Иногда я вижу кровь на его руках, на теле (в эти дни он особо весел и добр ко мне). Но я не смею его спрашивать об этом. Он всегда говорит одно и то же, что со временем я стану, как он, и тогда узнаю все правду о его великих делах. Мол, пока я слишком мал для таких дел и должен заучивать огромные тома, состоящие из всякой нудной ерунды.

– Ужас какой-то! Но ведь ты не злой и не коварный, а добрый и скромный. Ты ведь не причинишь вред моей семье и мне?

– Нет.

– Обещаешь?

– Обещаю! Честно-причестно!

– Спасибо. А что скажет тебе отец, когда узнает, что ты не выполнил его задание?

– Возьмет плеть и начнет хлестать по спине, пока не побежит кровь, – сказал он и всхлипнул.

– И ради других ты будешь терпеть боль?

– Да, – без колебания ответил Домовой.

– А еще говоришь мне, что твое предназначение – делать больно людям. Нехорошие Домовые обижают семьи, а хорошие помогают им обрести счастье. Так?

– Наверное.

– Значит, ты хороший, – заключила Вика. И спросила. – А что если он тебя заставит?

– Не заставит. А если будет, то я сбегу из дому и помру где-нибудь в дороге к черному океану.

– И все ради нашей семьи?

– Я влюблен в вашу семью. Признаюсь честно, я сегодня даже всплакнул, когда увидел, как вы под дождем, стоя босиком в лужах, кружились в странном, но красивом танце, не скрывая своей радости. Я даже на секунду тебе позавидовал Вика, что у тебя есть такие добрые родители, которые тебя любят. И мне тоже захотелось с вами потанцевать.

– Так почему ты исчез? А вдруг у моей мамы тоже есть этот дар – видеть Домовых? – предположила Виктория. – Поверь мне, она не отказалась бы с тобой потанцевать. Она вообще мечтает с тобой познакомиться!

– У нее этого дара нет, так как она уже взрослая, – сказал он. – Жаль, я бы с удовольствием бы с ней познакомился, но ...

– И что, что взрослая? – перебила его возмущенная Вика. – Не понимаю? Если у меня есть дар, значит, и у нее должен быть! Какая разница сколько лет человеку?

– Большая. Нам с тобой проще поверить во что-то такое нереальное, фантастическое, чем взрослым. Ты же сама знаешь, что они не чему не верят! Не верят в чудеса! И вообще я спрятался не от нее, а от тебя, Вика.

– Неужели ты думал, что из-за такой глупости я не буду с тобой дружить?

– Да. Я думал, ты испугаешься и перестанешь со мной общаться, когда узнаешь правду. Вот поэтому я ничего не говорил. Мы все еще друзья? – смущенно спросил он.

– Конечно! Мне не важно, кто ты и где живешь. Главное, что ты настоящий друг и защитишь меня, когда другие захотят мне причинить зло. А знаешь, что самое замечательное?

– Что?

– Мы теперь с тобой как брат и сестра. Мы практически будем жить в одной комнате и можем в любое время – даже ночью – общаться и играть. Правда, здорово? Брат и сестра, – мечтательно сказала она.

– Ага, – поддержал он Викторию и широко ей улыбнулся. – Брат и сестра.

– Я всегда мечтала о братике, – добавила Виктория и запрыгала на кровать от радости. Металлические пружины заскрипели. – Чего же ты стоишь, как истукан, братик мой. Теперь это и твоя кровать, на которой ты можешь прыгать столько, сколько тебе захочется. Давай же забирайся. Вместе веселее!

Домовой встал ногами на кровать и неуверенно прыгнул, сухо улыб-нувшись.

– Ты что никогда не прыгал на кровати? – Он кивнул. – Ты чего, все мальчики и девочки прыгают на кровати. Это же так весело и классно, когда отрываешься от земли и паришь в воздухе, а потом приземляешься на мягкую кровать попой и подпрыгиваешь вновь. Давай повторяй за мной. – Она прыгнула, он за ней. – И еще. – Снова прыжок. – И еще, еще, еще!

И вот они прыгают на кровати, пружинистое дно которой со страшным скрипом опускается почти до пола, а потом снова поднимается вверх.

– Это и правду потрясающее! – закричал Домовой. – Никогда бы не подумал, что прыгая на кровати, так захватывает дух. Я словно лечу! Эх!

– А я тебе что говорила! Сестра плохого не посоветует!

Так они прыгали минут пятнадцать-двадцать, смеялись и хлопали в ладоши, пока не выбились из сил.

Тяжело дыша, они легли на мягкую постель, чтобы отдохнуть.

– Как же жарко!

– Ага! Невыносимо жарко! – согласился Домовой.

– Домовой, а расскажи мне, пожалуйста, про свой мир, который окружает стены твоего нелюбимого дома? – спросила она.

– Я попытаюсь тебе обрисовать то ужасное место, где мне приходится жить.

Он начал рассказывать о том, что в его мире нет деревьев, по листьям которых ползают симпатичные букашки: гусеницы, жуки, божие коровки, пожарники, пауки, окутывающие ветки своей тонкой серебристой паутиной. На кривых и длинных ветках не набухают и не цветут почки (пахнущие летом), не растут вкусные, сочные плоды. Нет зеленой травы, обрамляющей *нашу* землю вдоль и поперек. Нет вездесущих папоротников, крапивы, кустов можжевельника, барбариса, ежевики, малины земляники и малины. Нет в его мире (в мире одиночества и лишений) голубого небо с белоснежными кучными облачками, которые бы не спеша проплывали по нему каждый день, как алые паруса деревянных шхун, бороздящих бушующий синий океан. Нет и грациозно парящих в небе птиц, которые летали бы изо дня в день, чирикавая песни жизни, наполняя мир гармонией и теплотой. Нет скалистых гор, пологих холмов, песчаных дюн, многоэтажных домов. Нет ни дождей (а соответственно и радуги), которые наполнили бы узкие тропинки, дороги и благородную землю холодной живительной водой. Нет ни снега, который окутывал бы землю в белую пелену снежных сугробов, в которые могли бы прыгать дети. Нет ни океанов, ни морей, ни озерков, ни извилистых рек, ни прудов, ни водопадов и водоемов. Нет ничего того, что так дорого каждому человеку на этой земле. Только сухая пустошь, изборожденная извилистыми трещинами.

– А что вы тогда пьете, кушаете? И где ты тогда живешь, раз говоришь, что ваша земля – одна сплошная, выжженная от яркого солнца пустошь?

– Мы ни едим и ни пьем, так как мы духи и не нуждаемся в этом. А живем наверху, в небе.

– Вроде бы страшно и жутко, если представить. Но я бы все равно посмотрела на твой мир, – сказала Вика.

– Нельзя, – отрезал он.

– Почему?

– Потому, – напугал он. – Разве ты хочешь оставить своих родителей?

– Нет конечно!

– Тогда лучше не думай о моем мире. Наслаждайся своим – он прекрасен!

Неожиданно в комнату зашла Мария и спросила у дочери:

– И с кем ты на сей раз разговаривала?

– Я... эээ... – Она посмотрела по сторонам и, не увидев Домового, наконец, сказала: – Я разговаривала с куклами. С кем же еще?

– Ну... может быть со своим новым другом? – предположила Мария.

– Мам, он же настоящий! Как бы он сюда пробраться? Ты что!?

– А я подумала, что он все-таки плод твоей фантазии.

– Нет, – врала Виктория.

– Тогда извини. Ты давно проснулась?

– Нет. Минут десять назад. Хотела спуститься к тебе, но решила сначала сочинить пьесу и поиграть с куклами.

– Понятно. Ты еще хочешь мне помочь в приготовлении нового блюда? – Вика кивнула. – Тогда пойдем, брось пока кукол, позже доиграешь.

– Хорошо, мамочка!

Вика поднялась с кровати, взяла маму за руки, посмотрела на Домового, жестом руки позвала его за собой и захлопнула дверь.

Виктория часто помогала маме готовить какие-нибудь особенные блюда, от запахов которых невольно текли слюнки, а животе начинало бурлить. Виктории нравился сам процесс готовки, не смотря на то, что он был выматывающий и изнурительным и требовал от повара постоянного контроля, усидчивости и ловкости. Раньше ей казалось, что приготовить что-то вкусненькое, раз плюнуть. Но оказалось все иначе. Когда она впервые увидела, как мама практически одновременно шинкует капусту, убавляет газ на плите, ставит в духовку приготовленную мясную запеканку и еще ко всему этому успевает перемыть горы грязной посуды – она изумилась и пришла в неописуемый восторг. Виктория открыла для себя простую истину: готовить блюда – это такое же искусство, как, например, рисовать гуашью, писать сочинения или ездить на двухколесном велосипеде (она все еще ездила на четырехколесном!).

– Что, мамочка, будем сегодня готовить? – спросила Виктория, глядя на Домового, который с неподдельным интересом смотрел на них, подмигивая Виктории.

– Очень вкусное блюдо – бешбармак, – ответила она и улыбнулась.

– Ох уж и странное название у этого блюда. Бишмармак!

– Бешбармак, – исправила Мария дочь, – это национальная еда казахов. Или его еще называют мясом по-казахски. Я его еще ни разу не готовила, но думаю, вместе мы справимся со сложной задачей.

– Мы с тобой мамочка приготовим самое вкусное горячее блюдо, а попочка будет охать да ахать, когда будет его есть. Что нужно делать?

– Первым делом нужно сварить мясо, опустив его в холодную воду и варить три часа.

– Три часа!?! – переспросила Виктория. – Это же так долго! Мы не успеем до папиного прихода.

– Не переживай мясо уже вариться на медленном огне и скоро будет готово. Сейчас наша с тобой задача замесить крутое тесто, раскатать его до толщины один миллиметр, а потом порезать на ровные, небольшие квадратики и сварить его в мясном бульоне. Ты же помнишь, дорогая, какие нужны ингредиенты, чтобы замесить тесто? – спросила Мария.

– Да. Мука, яйца, дрожжи, молоко или вода, сахар и соль по вкусу, – отчеканила скороговоркой Виктория.

– Молодец, – похвалила ее мама. – Только вместо воды мы зальем в него немного мясного бульона.

После того как тесто было вымешано и охлаждено, Мария начала учить Викторию правильно и равномерно его раскатывать.

Домовой смотрел на маму и дочь. Он широко улыбался, когда Вика брала отрезанный кусок тягучего теста и начинала раскатывать его с помощью деревянную скалку – туда-сюда, туда-сюда – потом брала раскатанный лоскуток и переворачивала его, подбрасывая так, что вокруг нее стояло белое облачко муки.

– Кому это ты там подмигиваешь, чумазая моя? – спросила мама, улыбаясь.

– Нашему Домовому! – ответила Вика.

– Аааа, ну тогда понятно.

– И я не чумазая! Только чуть-чуть испачкалась в муке, – сказала Вика, лицо которой побелело от муки. Мама засмеялась и сказала:

– Точно, самую малость. – Она нежно прикоснулась указательным пальчиком к ее миниатюрному носу.

– Мама, я так тебя люблю. – Виктория поцеловала Марию и положила белые ладони на ее румяные щечки. – Теперь и ты чумазая! – воскликнула она и засмеялась.

– Ах ты, хитрая лисица. Ну, держись, – пригрозила Мария, опустила руки в муку и начала мазать лицо и шею Виктории, щекоча ее.

– Ой, мамочка, хватит, хватит! Я сейчас умру от смеха, – умоляла сквозь смех Виктория.

И только Мария прекратила щекотать дочь, как Виктория начала щекотать ее.

Домовой все это время смотрел на счастливую маму и дочь, и на секунду ему показалось, что он почти человек – член этой семьи и в любой момент может прыгнуть в объятия Марии и Виктории и вместе с ними готовить, резвиться и щекотать друг друга. Ему хотелось верить, что придет время и у него будет право выбора, в каком мире жить. И если бы у него спросили сейчас, где ему лучше, он без раздумий сказал бы, что здесь. На земле.

Виктория с папой сидели за кухонным столом, взяв в руки вилки, наблюдали, как мама накрывает на стол. Сначала она положила на стол три салфетки, на них расписные фарфоровые тарелки, потом поставила на середину стола большой черный казан, с одного краю стола – пластмассовый поднос с нарезным хлебом, намазанным аппетитным паштетом из куриного филе, с другого – салат из свежих огурцов и помидор. Виктория облинулась.

– Что интересно там, в казане? Ты случайно не знаешь? – спросил отец у Виктории.

– Знаю, но я тебе не могу сказать. Ты сейчас сам все увидишь и попробуешь, – ответила Вика, посмотрев украдкой на маму, которая села за стол рядом с Викой.

– Сегодня у нас необычный ужин, – сказала Мария.

– Да? Почему же? – спросил он.

– Сегодня мы готовили вместе с доченькой.

– Молодец, Виктория, – похвалил ее отец и поцеловал в щёчку, – мне уже не терпится отведать ваше блюдо.

Виктория, не отрывая взора от папиного лица, внимательно наблюдала за его реакцией, когда тот положил в рот горячий кусочек мясного блюда. Ей больше всего на свете хотелось, чтобы ему понравилось. Для каждой девочки, девушки, женщины важно, чтобы их кулинарные изыски мужчины оценивали по достоинству, а не как обычно.

– Очень-очень вкусно! – сказал Константин. – Просто превосходно!

– Тебе понравилось?

– Правда-правда. А зачем мне вас обманывать? Ты сама-то хоть попробуй кучек, а то все остынет.

– Сейчас. – Вика подцепила вилкой кусок бишмармака и подивилась, как же вкусно получилось. – И правда вкусно! Надо завтра еще что-нибудь сварить. Мы такие молодцы с мамочкой.

Глава 7

– Что ты сейчас сделала? – грозно спросила он.

– Я...я...просто хотела попробовать, как это – поцелуй по-взрослому, – ответила она. – Тебе не понравилось?

– Нет! Какая гадость!

– Мне тоже, – обманула она. – Больше никогда не буду целоваться. Плохая была идея.

– Вот именно. Никогда. Друзья не должны целоваться, а только играть, резвиться, веселиться и помогать друг другу. Но не целоваться. Мы же с тобой не муж с женой! – Он протянул ей руку. – Давай заключим сделку, что этот поцелуй последний.

– Давай.

Они пожали друг другу руки и посмотрели в чужие, но в тоже время такие знакомые глаза и снова смутились, покраснев еще больше от неловкой ситуации. Их обоих одолевала внутренняя дрожь, волнение и радость.

Они вместе и они поцеловались...

– Поможешь мне убрать декорации, Домовой?

– Ага!

Прибравшись, они легли на постель, слушая, как за окном звонко поют птицы. Как лают рассерженные сторожевые псы, мечтающие выбраться на волю и побегать вдоволь, пока лапы не начнут изнемогать от боли, а потом поваляться на зеленой траве, чувствуя ее ласковые прикосновения. Как проезжает машина по каменистой дороге. Как кто-то неутомимо стучит молотком. Как звучит льющаяся по всей улице музыка из старенького радиоприемника. Как бегают и катаются на велосипедах ребятня.

– Домовой, ты так мне и не рассказал, как же так получилось, что папа тебя не отпускал в наш мир целых два дня? Он что-то узнал, о чем не должен был узнать? – спросила обеспокоенная Виктория, глядя на стену, залитую золотом от проникающих через стекло солнечных лучей.

– Не знаю, что на него нашло. Я сидел как всегда за столом, когда он зашел домой после работы и учил черную книгу, где описывалось, как можно безнаказанно причинить боль людям. Его руки были в крови, а лицо все горело и искажилось от ненависти и злобы. Он медленно приближался ко мне, с рук капала кровь на пол. Он схватил стул, остановился, посмотрел в мои глаза, безумно оскалился, потом поднял стул выше головы, и с такой силой опустил его, отчего тот разлетелся на осколки. Потом он подошел еще ближе и сказал, что я наказан на неопределенный срок и больше никогда не увижу ту, которая сделала меня сопляком. Я хотел ему уже возразить, но не успел. Он начал меня бить своими огромными ручищами. Я потерял сознание.

– Ужас-то какой! – вскрикнула Виктория. – Почему он так жесток к тебе? Он ведь твой отец? Как он может? А он случайно не заметил, как мы...

– Не заметил. Точно, – перебил ее Домовой. – Не все отцы добры к своим отпрыскам. Мне даже кажется, что когда меня бьет мой отец, он получает удовольствие.

– О, Домовой! – она его по-дружески обняла. – Если не хочешь говорить об этом, давай не будем. Я не хочу, чтобы ты страдал.

– Да ничего страшного, Вика. Минутная слабость. Я сам тебе хочу рассказать, что было дальше. Очнувшись, я лежал на его кровати. Представляешь!? Первый раз в жизни он меня положил на свою кровать. Даже когда я был маленький и боялся спать один в крошечной, пугающей темноте, он не разрешал мне спать вместе с ним.

И вот я лежу, ничего не понимая, как вдруг в комнату заходит отец. Увидев меня с открытыми глазами, он вздрогнул, переменялся в лице и подбежал ко мне. Я испугался, закрыл лицо руками, думал, он начнет меня снова бить, за то, что я в его комнате, да еще и лежу в его кровати. Но он, как ни странно, сделал совершенно все наоборот. Обнял меня. Стал извиняться. Я не мог поверить в происходящее. Мой отец никогда в жизни не просил ни у кого прощения и тем более у меня. А тут он стал обещать, что больше и пальцем меня не тронет и разрешит общаться с земной девочкой. С тобой.

– Это же хорошо! – обрадовалась Виктория. – Только почему твой папа изменил свое решение?

– Потому что я лежал без сознания два дня. Он думал, что потерял меня. Он решил, что потерял единственного сына и только тогда осознал насколько я ему дорог. – Домовой сделал паузу, – Не понять мне этих взрослых. Мне кажется, он меня обманул.

– Почему же? Ты же сейчас здесь, со мной? Значит, он сдержал обещание?

– Сейчас-то он меня отпустил, но пройдет время, и он забудет о своем обещании и снова запретит с тобой видеться.

– Не запретит, – уверено сказала Вика. – Я надеюсь, что он не запретит. И я надеюсь, что он не заметил, как мы...

– Не заметил. Не говори лучше об этом, он может услышать. Вдруг он сейчас следит за нами. Не хочу снова быть побитым и два дня летать во снах, которых я не помню.

– Хорошо. Не буду...

Глава 8

25 июля 1997 года

Летний ветерок обдувал пушистые белоголовые одуванчики, поднимая вверх его мягкий и легкий хлопок с семенами, окутывая голубое небо летним пушистым снегом. Ветер проскальзывал через лабиринты травы, в которой стрекотали кузнечики и пели сверчки, ласкал прохладой и свежестью, проникал в каждый дом через щели, открытые окна, своды и кладку.

Виктория проснулась и услышала, как из приоткрытого окна в ее комнату с характерным завыванием проскальзывает ветер, обувавший утренней прохладой ее тело.

От горячей воды овальное зеркало, которое висело над умывальником, запотело. Виктория положила щетку и налила в ладошки воды. Умылась холодной водицей.

– Как же хорошо! – Она вытерла лицо махровым полотенцем, пахнущим ромашками. – Ой, стекло запотело.

Протерев зеркало рукой, она увидела в отражении свое отражение и отражение Домового. Она вскрикнула.

– Это я, Вика. Не пугайся, – сказал Домовой.

– Ты меня так напугал, что мое сердце чуть в пятки не убежало. Больше никогда так не делай.

– Прости, я не хотел. Я подумал, будет весело.

– Совсем не весело.

В ванную ворвалась напуганная Мария и спросила:

– Что случилось, Виктория? Я слышала, как ты кричала.

– Да ничего, мам. Я просто...просто...

– Что просто?

– Я просто...даже стыдно признаваться...я увидела огромного паука и убила его, – соврала Вика. – Я такая бояка. – Она прижалась к матери.

– Ничего. Я тоже боюсь пауков. Ладно, умывайся, я пошла, подогрею завтрак.

Мария вышла, Вика включила воду и прошептала:

– Из-за тебя мне пришлось обманывать. Маму! Знаешь ли, это нехорошо.

– Не обижайся, пожалуйста. Ты же знаешь я не нарочно.

– Знаю. – Они обнялись в знак примирения и дружбы. – Кстати, ты с нами сегодня пойдешь к бабушке?

– Я бы хотел, но мой отец будет против.

– А ты у него спрашивал?

– Нет, – устало сказал он, посмотрев на зеленый махровый коврик, лежащий возле умывальника.

– Почему?

– Потому что я знаю, что он меня никогда не отпустит дальше этого дома.

– Откуда тебе знать наверняка, если ты еще не спрашивал?

– Просто знаю...

– Но ты все же попробуй, пока мы с мамой не ушли. И игрушки клади на место, когда ими играешь. До скорого! – Она открыла двери и побежала на кухню.

– Пока, – прошептал он.

Они подошли к панельному пятиэтажному дому, напротив которого благоухал яблоневый сад; в центре двора располагалась детская площадка. Войдя через черную дверь, испитую бранными словами, в подъезд, с потолка и стен которого осыпалась извеська и синяя краска, Мария и Виктория почувствовали неповторимый запах бабушкиного стрепья.

Дверь была открыта. Они зашли в квартиру, окутанную дымкой. Бабушка жарила пирожки. Пирожки на любой вкус – с рыбой, луком, мясом и рисом, зеленью и яичком. Сегодня нельзя было уловить аромат душистых бабушкиных духов, которые уже словно вьелись во все стены, потолок, пол, в каждый шкафчик, в каждый темный уголок, и аромат крепкого дедушкиного табака, который он любил покуривать не спеша, с удовольствием, набив им свою изысканную элегантную трубку ручной работы.

Не успели они снять обувь, как бабушка зашагала к ним, шоркая тапочками по коридору.

– Раздевайтесь, не стесняйтесь!

Бабушка была по-прежнему красива. В ее зачесанных в пучок густых волосах не было ни малейшей седины. Красивые зеленые глаза, совсем такие же, как у Марии, обрамляли густые ресницы. На губах красовалась добрая улыбка. Ее округлые черты лица, по-прежнему оставались привлекательными, привлекательными настолько, что заставляли дам такого же возраста смотреть на нее не только с восхищением, но и с завистью.

Подойдя к Марии и Виктории в легком, как платьишко, халате, на который был одет красный симпатичный фартучек, измазанный белыми разводами от муки, и в коричневых тапочках

с резиновой подошвой, она лучезарно улыбнулась. Поцеловала Марию в щеки, потом ловко нагнулась к Виктории и чмокнула ее в сладкие, как воздушная вата, губки.

Бабушке было всего шестьдесят, но Виктории казалось, что ей намного больше. Не потому что она плохо выглядела. Вика была ребенком, и для нее этот возраст казался каким-то нереальным. Она не верила, что и ей когда-нибудь стукнет столько же лет, сколько сейчас бабушке и она превратится из крохотной девочки в старушку.

Как и не верила, что бабушка когда-то давно была юной и наивной шестилетней девочкой, как она. Вика считала, что бабушка всегда была бабушкой.

– Как же я по вам, любимые мои, соскучилась. Забыли совсем про старушку.

– Мы по тебе тоже соскучились, – сказала Мария.

– Сильно-сильно соскучились! – добавила Вика. – Как же вкусно пахнет.

– А как же. Давайте, проходите-проходите, надо еще столько всего сделать. Так, а где Константин?

– Работает.

– Так сегодня же суббота!

– Да я знаю. Ругаешься с ним, что надо отдыхать. Бесполезно. Упертый, как баран. Хочет заработать все деньги мира. Обещал придти в двенадцать дня. А где у нас папа?

– У меня такой же упертый баран. Только хуже! – Они звонко захохотали. – Ну, ты же знаешь нашего рыбака?! – Мария кивнула. – Ни дня без своей рыбалки. Уехал в четыре утра. Практически ночью. Сказал, что в одиннадцать будет. – Молчание. – Так, давайте мойте руки и быстренько на кухню стряпать пельмешки, хватит о мужиках. Фарш и тесто я уже приготовила.

На кухонном столе лежали в ряд миниатюрные уже слепленные пирожки, присыпанные мукой. Тут же располагались ножи, скалки, пустой поднос, тарелка с фаршем и кастрюля с тестом. В сторонку были убраны солонки для соли и перца, сахарница, кувшин с водой, заварочный чайник и ежик Чарли, на спине которого росли не иголки, а зубочистки.

Бабушка хлопотала подле газовой плиты – жарила пирожки. Горячее масло на сковороде трещало, как разогретый попкорн, и брызгало во все стороны, оставляя жирные точки и на карамельном гарниюре, и на белоснежной поверхности плиты, и на халате бабули. По правую сторону от нее на столешнице стояла тарелка с золотистыми пирожками, от которых исходил жар и приятный запах. Увидев эту картину, Мария запахивающая халат, поинтересовалась:

– Ты во сколько встала?

– Как всегда рано. Это вы сони можете спать до полудня. И ничего. А мы старики просыпаемся в пять утра и уже не может сомкнуть глаз. Так почему я еще не вижу в ваших руках по пирожку?! – Мария и Виктория взяли по горячему пирожку.

Откусив пирожок, Виктория почувствовала, как из него извергается горячее дыхание, обжигая небо, а на чувствительный язык падает воздушное дрожжевое тесто с кусочками филейного мяса рыбы.

Надев фартуки, Мария и Виктория сели за стол. Бабушка на секунду оторвалась от жарки пирожков; одной рукой вытащила из кастрюли кусок теста и положила его на стол.

– Теперь дело за вами, девочки! Ножи, скалки, подносы на столе. Справитесь? – Она улыбнулась и легко, словно ночной мотылек, порхнула к газовой плите и перевернула пирожки, чтобы они не подгорели.

– Справимся! – весело ответила Виктория.

Виктория отрезала кусочек от большущего кусища теста, похлопала его ладошкой, чтобы примять, окунула в муку, схватила скалку и с лихим мастерством равномерно его раскатала. Потом взяла чайную ложку, зачерпнула в нее сырого мяса и положила в центр раскатанного

кружка. После, с такой же завидной быстротой, тонко зашипала края, соединила два конца полумесяца и положила на поднос первый аккуратный пельмешек.

– Первый есть! – сказала Вика, улыбаясь маме и бабушке.

– И где же ты так научилась хорошо готовить?

– Это мама меня научила.

Мария и Виктория не заметили, как пролетело время. Как закончилось тесто с фаршем.

– Кто-то обещал прийти в одиннадцать, – пробубнила бабушка и положила два подноса с пельменями в холодильник. – Уже двенадцать! Ох уж эти мужчины!

– Мамочка, а можно я погуляю пока деда с папой не пришли? – спросила Вика.

– Можно.

Виктория выбежала на улицу и к своему счастью и радости увидела знакомую девочку, с которой она пару раз гуляла, когда оставалась ночевать у бабушки с дедушкой.

– Привет, Настя! – поздоровалась Вика с девочкой, которая чертила мелом классики на асфальте. Та посмотрела на нее.

– Ой, привет, Вика. Давно тебя что-то не было видно. Куда пропала?

– Да мы переезжали...

– Ааа, понятно. Ну и как в новом доме?

– Нормально. Поначалу было непривычно.

– Так всегда бывает, – предположила Настя. – С кем-нибудь познакомилась?

– Да. С одним очень хорошим мальчиком.

– Правда? Мне казалось, что нет ни одного хорошего мальчика в этом мире. Только одни вредины и вредители, которые бьют девочек и дергают их за длинные косички.

– Нет, он совсем не такой. Он – другой, – ответила Вика.

– А ты чего там стоишь, присоединяйся ко мне, если хочешь?

– Я что-то не хочу сейчас прыгать в классики. Может, полазаем по деревьям?

– По деревьям?! Я не умею...

– Я могу тебя научить, если хочешь! – предложила Вика.

– А если нас с тобой увидят? Я не хочу получить ремешком по попе. Знаешь, как это больно.

– Если честно, не знаю...

– Тебя ни разу не били ремешком?

– Нет. Ни разу. Мои родители обычно со мной разговаривают, чтобы я все поняла и больше так не делала.

– Вот это да! Везет же некоторым!

– Ну что ты решила? – нетерпеливо спросила Вика.

– Пускай мальчики лезут по деревьям, а девочки будут играть в классики, – гордо сказала она и отвернулась от Вики.

– Как хочешь!

Вика прибежала к разноцветной клумбе, по краям которой росли синие васильки, за ними – ярко-красные тюльпаны вперемешку с желтыми нарциссами. Вика, нюхая цветы, закрыла глаза от феерии сладких запахов. Открыв глаза, она увидела, как на цветок приземлилась желтокрылая бабочка – лимонница – и заморожено стала наблюдать за ней.

Отдохнув несколько мгновений, бабочка снова взлетела вверх, грациозно порхая крыльшками, просвечивающиеся на солнце, и улетала прочь куда-то далеко, в неизвестные дали.

Вика долго наблюдала за бабочкой, любуясь и мечтая о том, как в следующей жизни она непременно станет бабочкой. Но когда мимо нее пролетел жужжащий шмель и сел на желтый нарцисс, она потеряла из виду бабочку и отпрянула прочь от клумбы и побежала к яблоне, на ветках которой красовались маленькие красные яблочки. Убедившись, что мама не увидит

ее из окна, она ловко забралась на первую же ветку, села, облокотившись об толстый ствол и начала смачно грызть кислые яблочки.

После того как она съела полдюжины крохотных яблочек, она слезла с дерева и побежала к турникам, в надежде поговорить с двумя девочками, которые сидели в высокой траве и что-то весело рассказывали друг другу.

Спустившись с дерева, Вика уже приготовилась бежать, как вдруг она увидела рядом собой силуэт Домового, который смотрел на нее и улыбался.

– Домовой, это ты! – вскрикнула Виктория.

– Кто же еще!

– Просто ты какой-то другой. Бледнее что ли!

– Не исключено. – Он сел в траву. – Я сбежал из дому против воли отца, потому что больше не мог оставаться в одиночестве и пришел сюда на твой дивный голос. Хорошо хоть твоя бабушка недалеко живет. А то я так перепугался!

– Чего ты перепугался?

– Когда я летел сюда, я видел множество страшных лиц, которые хотели меня поймать; и как мне показалось убить. Возможно, про последнее я нафантазировал, но папа был прав на счет того, что мне еще рано путешествовать по земному миру.

– Я не поняла, ты спросил разрешения у отца?

– Да. После твоих слов я решился.

– И что он?

– Он запретил мне. – Домовой посмотрел в небо. – Но как ты уже поняла, я его послушался и чуть не поплатиться за это. В общем, ты меня спасла. Точнее: твой голос, который звал меня в густом тумане, скрывающим в себе страшных монстров.

– Ты весь дрожишь! А сейчас, когда ты видишь меня, ты видишь привычные земные очертания: деревья, траву, дома, голубое небо, солнце?

– Когда я приближался к тебе – к твоему энергетическому полю, как было написано в одной книге – туман рассеивается, а монстры исчезают. Сейчас я вижу все то, что видишь ты. – Он замолчал, но явно хотел сказать еще о чем-то.

– Ну, говори! Я вижу, что ты хочешь мне что-то сказать.

– Вика ты – хранительница.

– Кто я? Хранительница?

– Я толком не знаю, что это такое. Я еще не проходил эту тему. Но я слышал, как он говорил, что хорошо иметь хранительницу, так как она всегда указывает верный путь. Вот я и подумал, что ты хранительница.

– Понятно. А как ты будешь возвращаться обратно?

– ТЫ поможешь?

– Что нужно делать?

– Нужно, чтобы ты держала меня за руку, когда мы пойдем домой. Хорошо?

– О чем речь, я все для тебя сделаю, друг.

– Виктория! – кричал родной голос издалека.

Она обернулась и увидела, как к ним приближается силуэт в рыбацких снастях и машет ей рукой. Это был дедушка.

– Деда! – вскрикнула она и протянула руку Домовому. – Держись за меня и не вздумай отпускать. Хорошо?

– Хорошо, – согласился он и взял ее за руку.

– Тогда побежали!

Они взяли за руку и побежали навстречу дедушке, который раскинул руки в сторону и обнял любимую внучку.

Дедушка был высоким и стройным. Его черные, как смоль, волосы, трепал тихий летний ветерок, то поднимая вверх, то опуская вниз шелковые пряди, выющиеся на кончиках. Загорелое, худощавое лицо с глубоко посаженными глазами, длинным подбородком и двухдневной щетиной на щеках сияло в солнечных бликах.

Как и бабушка, он выглядел моложе своих сверстников. Это и неудивительно: он с ранних лет активно заниматься спортом. Он ходил в секцию по футболу, волейбол, успевая заниматься плаванием и туризмом. Когда ему исполнилось одиннадцать лет, вышперечисленные виды спорта ему порядком надоели, и он открыл себя то, что соответствовало его требованиям как физическим, так и психологическим и духовным – туристический кружок «Скалолаз», где не надо было бегать взад вперед по полю или оттачивать одно движение годами. К двадцати годам он покорил все красивейшие и труднопроходимые лесные места в Уральском регионе и получил множество престижных наград, которые до сих пор хранятся и стоят на самых видных местах в большой комнате. Уже к двадцати пяти годам он организовал в городе собственный туристический кружок для начинающих спортсменов-туристов, назвав его «Сильные духом!». И как бы это ни звучало банально – посветил свою жизнь любимому делу, путешествовать, ощущая каждой частичкой тела уединение с природой. И не только. Путешествуя с детьми, он воспитывал в них такие сильные черты характера, как смелость, ответственность и вера в собственные силы.

– Как же я соскучилась, деда!

– Я тоже. – Он поцеловал ее в лобик и в кончик носа. – Какая же ты вкусная, Вика. Так бы и съел тебя, как волк красную шапочку. – Он оскалил зубы, и они засмеялись.

Дедушка опустил Викторию на землю, больше не в силах держать ее на руках, и они побрели к дому.

– Мне вот интересно, с кем это ты там разговаривала возле дерева и кого продолжаешь держать свободной рукой? – спросил дедушка.

– Своего лучшего друга, – ответила она, Домовой ее дернул за руку. – Жаль, что он невидимый, я бы тебя с ним познакомила.

– Что ты делаешь? – шепотом спросил он. – Я же просил тебя никому обо мне не говорить. Ладно, маме...

– Успокойся. – Она обратилось в пустоту. – Не переживай. Дедушке можно доверять, он всегда меня понимает. Я делюсь с ним самым сокровенным. Он очень мудрый.

– Спасибо, Вика, – поблагодарил ее дедушка. – Я смотрю, он у тебя скромный, что даже стесняется безобидного старика. – Он улыбнулся, остановился и посмотрел туда, куда смотрела Вика. – Уважаемый невидимый друг, я обращаюсь к вам. В силу своего почтенного возраста я не могу видеть то, что видит моя внучка, а именно вас, но это не означает, что нам незачем знакомиться друг с другом. Меня зовут Александр Васильевич. Вас как величать? – Он протянул руку.

Домовой, не ожидавший такой реакции от старого человека, оробел и не знал, что и делать, но через некоторое время, посмотрев на умоляющее лицо Виктории, осмелел и сказал, что его зовут Домовой и протянул свою маленькую дрожащую руку.

– Дедушка, он говорит, что его зовут Домовой и он рад новому знакомству.

– Взаимно.

– Деда?

– Что родная?

– Ты правда-правда веришь мне?

– А почему я не должен тебе верить!?

– Но ты же взрослый. А взрослые не верят в невидимых друзей.

– Раз ты говоришь, что он существуют, значит, он существует. Тем более в детстве у меня у самого были пару-тройку невидимых друзей.

- Да!? Расскажи мне об них?
- Ну... одного звали весельчак Иван, а другого – мудрый Вова. Один меня всегда смешил, а другой – учил уму разуму. Они жили в доме, где я вырос. В доме моих родителей. Что я такого тебе сказал? – спросил он, когда посмотрел на ошарашенное лицо Викторию.
- Да ничего, дедуль. Я просто не ожидала...
- Чего не ожидала?
- Того, что ты мневеришь и расскажешь про своих бывших друзей.
- От чего же бывших? Они и сейчас существуют, просто теперь я их не вижу и не знаю радоваться этому или грустить. В общем, нам надо с тобой об этом поговорить дома. Хорошо?
- Хорошо, деда. Много рыбы поймал?
- Эх. Лучше бы ты не спрашивала, – расстроенным голосом ответил он.
- Все так плохо!? Ну, хоть одну рыбку-то поймал?
- Даже и не знаю можно назвать ее рыбой, настолько она мала, что можно и не заметить.
- Что это за такая маленькая рыбка?
- Дома увидишь.

Как выяснилось дома, дедушка шутливо обманул всех домочадцев, заверив, что ничего не поймал, кроме крохотной рыбки. На самом деле, когда он открыл рюкзак и достал оттуда огромного карпа на четыре кило, все ахнули.

Через полчаса они сидели за общим стол, объединенные невидимыми узами, узами даров природы, переплетающие между собой серебристыми нитями, и с наслаждением кушали пельмени, макая их в уксус и в густой домашний майонез. Съев полную кастрюлю пельменей и банку майонеза, рассказав друг другу разных истории, бабушка с Марией убрали со стола грязную посуду и поставили на стол горячий алюминиевый самовар, кружки и глубокие тарелки с аппетитными пирожками.

– Чувствую сегодня мне не встать из-за стола, – сказала Вика, взявшись за живот, когда мама принесла еще одну тарелку с пирожками.

– Не переживай мы тебе поможем, – сказала Константин, подмигнув дочери.

– Ты сам-то хоть встанешь? Столько пирогов слопал! – Она засмеялась.

– Это уже другой вопрос. – Константин зевнул. – Чтобы мы делали без любимых женщин. Очень-очень вкусно. Спасибо.

– Научились бы готовить, – сказал дедушки, и все засмеялись. – А если серьезно. – Он глотнул чаю. – Спасибо вам дамы за чудесный ужин.

– Не за что, – сказала счастливая Виктория. – Мы старались творить волшебство. – Она посмотрела на бабулю и подмигнула.

– А теперь разрешите удалиться на балкон, – сказал дедушка и встал из-за стола. – Ибо я мечтаю покурить.

– Все бы тебе покурить, – пробубнила недовольная бабушка. – Бросать надо. Цветы на балконе вянут от твоего едкого дыма. Вся квартира провоняла табаком.

– Да неужели? Мне казалось твоими духами.

Все снова засмеялись.

– Деда, я с тобой! – сказала Вика и встала из-за стола, не отпуская руку Домового.

– Покурить что ли? – спросил папа.

– Нет, конечно! Я не курю и никогда не буду! У нас очень важный разговор.

– И что это за важный разговор? – спросила Мария.

– Это очень важный и очень секретный разговор, – уточнила Вика. – Так что прости мама, мы с дедушкой не может тебе рассказать.

– А ты поделись секретом и мы все вместе обсудим то, что вас волнует с дедой, – предложила бабушка.

– Нее... так не пойдет. Что это будет за секрет-то такой? Секрет – это же секрет. Простите. Деда пойдём же?

– Сейчас, внученька, только возьму свою трубку и табак, – ответил он и открыл свой личный шкафчик, извлек оттуда трубку, которая лежала в стеленном футляре и мешочек с душистым и крепким табаком. – Вот теперь пойдём, я тебе расскажу тайную историю.

Дедушка открыл деревянную дверь, ведущую на застекленный балкон, по правую сторону которого разместилось мягкое кресло, а по левую – белый шкаф, куда складывали различную домашнюю утварь. На шкафу стояли большие, глиняные горшки с цветами.

– А не будет страшно? – спросила она. Деда ничего не ответил, закурив.

– И что же тебя интересует? – спросил он, когда удобно сел на кресло-кровать, вытянув вперед длинные, тощие ноги.

– Ты правда не видишь моего друга? – серьезно спросила Виктория.

– Нет. Я слишком старый, чтобы увидеть то, что видел раньше, – ответил он, прикуривая трубку горящей спичкой.

– Жаль. Тогда расскажи мне все-все о твоих невидимых друзьях! – попросила Виктория и бахнулась вместе с Домовым на деревянный пол балкона, застеленный мягким ковром.

– Это было так давно, что, кажется, и не было вовсе. – Он положил еще щепотку душистого табака в трубку, раскурил и продолжил рассказ. – Мне было шесть, когда я впервые увидел его – мальчика, сидевшего на полу. Он был странно одет: ковбойский костюм, продолговатая шляпа, черные сапоги с заостренными носками и с лязгающими бляхами по бокам. Он, беззаботно посвистывая, сидел и играл моими игрушками. Он их без разрешения, что меня расстроило и взбесило, потому что я очень ревностно относился к своим игрушкам и хранил их как бесценные алмазы Мая и давал только тем мальчикам, которые, по моему мнению, умели обращаться с игрушками. Так вот я не стал его спрашивать, кто он и что делает в моей комнате, я спросил, почему он взял МОИ игрушки без разрешения? Он явно опешил от моего вопроса и сидел как вкопанный, боясь пошевелиться, и смотрел на меня изумленным взглядом. Я повторил свой вопрос и усердно ждал незамедлительного ответа, пыхтя и злясь еще больше. Наконец он вместо ответа дрожащим голосом спросил: «Ты видишь меня?». Я сказал ему, чтобы он перестал прикидывать дураком и ответил, почему он наглым и подлым образом взял чужие игрушки без спроса. На что он ответил, что всегда берет мои игрушки без спроса, потому что это и его дом тоже, а значит и его игрушки. И вот тогда я по-настоящему взбесился и хотел было ему стукнуть по плечу, чтобы больше не воображал черт знает что. Но не успел, так как в комнату зашел другой мальчик моего возраста, который улыбался во весь рот сияющей и доброй улыбкой. Он был одет еще чуднее. На нем были надеты серебристые кальсоны, обтягивающие его тонкие то ли ноги, то ли спички; на плечах весела широкая безразмерная белая майка, свисающая до попы и смотревшаяся на нем как женское платьице; а на кучерявых рыжих волосах восседала шапка-цилиндр, в которой ходят фокусники. Посмотрев на это чудо-юдо, я расхохотался, что даже упал на пол, взявшись за живот. Он тоже опешил, улыбка сошла с его лица.

Я встал с пола и задал тот же самый вопрос, что и первому мальчику. На что он мне ответил, что, конечно, играет. Я не удивился этому ответу, как и его последующему вопросу: «Ты меня видишь?».

Они загадочно переглянулись друг на друга и спросили, почему я их вижу. Согласись странные невидимки? – спросил дед у внучки. Виктория кивнула. – Что было дальше ты, наверное, уже догадалась. Мы разговорились, подружились, нашли море общих интересов и через пару часов уже играли – втроем! в «машинки» и продолжали играть до моего десятилетия, пока нам это не надоело и мы не перешли на более взрослые игры, как «Крестик-нолик», картежный «Дурак» и в «Прятки». – Дедушка посмотрел на Вику и сказал. – Признаюсь честно – это было лучшее время!

– Кто же они были?

– Моими друзьями, – ответил он. – Я знаю, ты хотела услышать от меня нечто иное. Это справедливо. Но прошу заметить, что меня не волновало их истинное происхождение и откуда они родом и почему их не видят другие. Для меня было главное, чтобы они были рядом. Они для меня стали, словно родными братьями, которых у меня, к слову, не было. Если, начиная с трех лет мне было одиноко, то после шести, мне некогда было скучать, я перестал просить у родителей сестренку или братишку на день рождения или на Новый год.

– Но ведь они были Домовыми? Ведь так, деда?

– Да. Но в те времена меня тоже можно было считать Домовым. Так как после тренировки я не шел с мальчишками играть на улицу, а сидел дома и играл в Пиратов или в Богов со своими невидимыми друзьями. Одно время я считал себя больным на всю голову. Эти мысли, может быть, и не проскальзывали, если бы ни опасения родителей за мое психологическое здоровье. Они всерьез думали, что я болен. Но мне было без разницы на всякие там мнения, я продолжал верить, ни взирая на то, что мне каждый день навязывали обратное мнение. К двенадцати я стал умнее и стал скрывать свою «болезнь» от родителей, которые, к слову, успокоились и перестали ходить дома, как на иголках. А потом случилось то, что должно было случиться.

– Что же? – спросила Вика, глядя на дедушку большими зачарованными глазами.

– Они исчезли! – ответил он и снова прикурил трубку, засыпав туда новую порцию табака. – Исчезли...

– Но почему?

– Они исчезли, потому что я вырос и перестал их замечать, сам не осознавая сего факта. Я не заметил, как променял их веселое и дружеское общество на девушку из параллельного класса, в которую я по уши влюбился и с которой впервые ощутил всю жгучую и яркую боль – темную сторону любви – когда она меня бросила, начав заигрывать с другим мальчиком. Вот такая грустная история, в которую поверят только дети, так как их души наивны и чисты в отличие от взрослых.

– Я тебе верю. Как и верю, что бабушка мне передала дар готовить, а ты деда – дар видеть Домовых.

– Возможно. Свою историю я тебе поведал, теперь может быть, ты мне расскажешь свою? Если, конечно, Домовой не будет против.

Вика посмотрела на одобряюще кивающего Домового, взвизгнула от радости и начала рассказывать, как и где она познакомилась с Домовым.

Внимательно дослушав до конца историю Вики, дедушка глубокомысленно посмотрел на внучку и спросил:

– Я так и знал, что он скромный и хороший мальчик. Ты точно ее не бросишь? – спросил он у Домового.

– Он говорит, что никогда не бросит меня, потому что друзья не бросают друг друга, – сказала Виктория. – Еще говорит, что они – твои друзья – не бросали тебя, а наверняка остались в том же доме и с теплотой и любовью смотрели на тебя и не единожды мечтали с тобой поиграть, обнять пока ты жил в родительском доме, но не могли.

– Мне вот интересно, Домовой, в этом доме нет других духов?

– Он говорит, что нет.

– Однажды Весельчак сказал мне, что существует помимо добрых духов – жестокие и злые, способные причинять вред людям. Что об этом думает твой друг?

– Передай ему, что это правда и что по дороге к этому дому я видел множество злых духов. Жуть, – поморщился Домовой и прижался к Виктории.

– А сейчас ты некого не видишь? – спросила она.

– Нет. Пока ты рядом вся нечисть убегает прочь.

– Домовой говорит, что существует злые духи. Но ты не переживай, когда я рядом они к нам и близко не подойдут. Они меня боятся. Видимо знаю, каков мой тяжелый кулачек.

– Еще бы.

Они засмеялись.

Через пару минут к ним на балкон зашла мама и сказала:

– Может, хватит уже секретничать и присоединись к нам?

– А почему бы нет? Сейчас идем, – сказал дедушка, провожая Марию взглядом. – Ну что пойдете, друзья мои, в комнату, пока нас не раскусили и не подумали чего плохого. Приятно было поболтать с тобой Виктория и с тобой Домовой.

– И нам, – ответила Вика за двоих. – Я бы даже и не подумала, что мой деда – прям как я!

– Ну родственники как-никак! – Они улыбнулись друг другу, войдя в душную комнату.

Виктория никак не могла выкинуть из головы, постоянно всплывающие образы дедушкиных духов. Зайдя в спальную комнату, ей показалось, что они сидят на полу и машут ей руками.

– Что ты там увидела? – спросил Домовой.

– Да так ничего. Почудилось... как будто на полу сидели *весельчак* и *мудрый*. Они махали мне руками, звали поиграть.

– Неужели ты их увидела?

– ЧТО? Они здесь!?! – вскрикнула Вика.

– Не кричи так! – шепнул он ей, прижав к ее губам указательный палец. – Да, они здесь. И как я понял, никогда не покидали твоего дедушку, – ответил он, посмотрев по сторонам. – Самое странное, что я их тоже не вижу, только чувствуют их прерывистое дыхание и испуганные голоса.

– Но ты же сказал дедушке, что в этой квартире нет духов! – все также громко говорила Вика.

– Да не кричат так сильно, а то нас услышат. Я просто испугался и растерялся, когда он меня спросил об этом и ответил то, что он ждал. А ты считаешь, мне нужно было рассказать ему о домовых, которые не бросали его?

– Почему они не остались в том доме, где жил раньше дедушка?

– Твой дедушка перестал их видеть, но не перестал их любить. Поэтому они продолжают за ним следовать, – ответил он и задрожал.

– Что случилось, Домовой? Ты весь дрожишь!

– Они... говорят, говорят...они.

– И что же они говорят?

– Они приказывают мне, чтобы я немедленно покинул их частные владения, в которые я не имел право вторгаться без разрешения. Я нарушил свод правил и указов. И они собираются наказать меня за столь своевольный поступок. Сурово наказать.

– Извините меня, – начал извиняться Домовой, его голос дрожал. – Я не хотел вам причинять неудобства и не знал, что это ваши владения. Пожалуйста, не наказывайте меня за мою бестактность и безграмотность. Я сейчас же покину этот дом. – Он посмотрел на Вику и сказал. – Мне нужно как можно быстрее покинуть этот дом. Тебя мама отпустит на улицу?

– Если она не отпустит – я сама уйду. Не брошу же я тебя одного, когда ты в такой опасности, – сказала она и побежала к маме на кухню. – Mamochka, mamochka, можно мне еще погулять? Пожалуйста! Так хочется порезвиться на улице.

– Можешь.

– Спасибо, мамочка! Я побежала!

– Беги. Только будь осторожна и смотри по сторонам, когда переходишь дорогу. И...

– Не переживай мам, я помню, далеко убежать нельзя, – добавила Вика и побежала к входным дверям.

– Неугомонная девочка, – сказала Мария, глядя вслед убегающей Виктории.

– Ты такая же была, – добавила бабушка. – Мне не верится, что она нынче пойдет в первый класс.

– Ой, мам, и не говори. Еще вчера, казалось бы, стирала ее грязные пеленки с крохотными пинетками, кормила грудью и радовалась, когда она сказала первое слово «Ма». Она замолчала, быстро вытерла слезы руками и отвернулась от матери, посмотрев в окно. – Прости. Всегда себя считала сильной. Но тут ничего с собой не могу поделать. Абсолютно. Не хочу ее отпускать. Просто не хочу. Она ведь моя единственная дочь...

– Не за что извиняться. Не переживай, моя дорогая, школа не так страшна, как, например, свадьба собственной дочери, когда понимаешь, что теперь ты ее отпускаешь НАВСЕГДА, как белокрылую голубку из стальных оков. – Бабушка подошла к Марии. – Никогда не забуду, как я три или четыре дня подряд рыдала, укутавшись в подушку и закрывшись с ног до головы теплым одеялом, чтобы твой папа не видел моих «стыдливых» горьких слез. Мне бы так горестно, когда ты не возвращалась после репетиций, после занятий в институте, после десяти часов вчера. Я сидела, как дура у окна и ждала, когда же моя дочь воротится домой, обнимет, поцелует, поговорит, поделиться секретом, рассмешит, успокоит, подарит счастье ранимой материнской душе, в которой загорит как и прежде огонек любви, согревающий холодными одинокими вечерами. Но ты не приходила...

– Прости меня за то, что не часто захожу в гости. И редко звоню. Я была такой эгоисткой, пока сама не осознала, что такое отпускать свое дитя, – дрожащим голосом сказала Мария и тихо зарыдала на ее плече, чтобы не беспокоить мужчин, которые громко обсуждали вчерашний футбольный матч в соседней комнате, перекрикивая включенный телевизор.

– Шшш. Не говори глупостей. Ты никогда не была эгоисткой. Ты хорошая дочь и самая лучшая мать. Но не забывай звонить, чтобы мой огонек любви горел, а не потухал от холодного ветра безмолвия.

Бабушка гладить ее шелковистые волосы и мгновенно улетела в прошлое, когда она была еще молодой и красивой женщиной, обрамленной семейной суматохой и заботами. Когда она была для дочери – единственным лучшим другом. Они были неразлучны и делились друг с другом самым сокровенным и потаенным. Когда она была для дочери – единственной опорой, помогающая ей справиться с любыми невзгодами и ненастьями.

– Мария. Мама. Что случилось? Почему вы плачете? – взволнованно спросил Константин, увидел рыдающую жену на плече матери, когда зашел на кухню.

– Ничего.

– Как это ничего! А почему ты тогда плачешь? Что-то болит?

– Душа, – ответила она.

– Константин, не переживай, пожалуйста. Это слезы радости гордых и счастливых женщин, – ответила бабушка. – Бери то, зачем пришел и иди в комнату, через минутку мы подойдет.

– Ну, вы даете. Такой прекрасный день нынче, а вы плачете. Никогда мне не понять женщин, – пробубнил он, взяв в руки газету, лежащую на кухонном гарнитуре.

– Не тебе одному, милый – подметила Мария.

– Точно все в порядке?

– Ну, конечно. Все просто чудесно!

– Честно говоря, вы меня напугали, – сказал он и ушел в другую комнату.

– Все-таки он у тебя славный. Тебе лучше?

– Да. Намного лучше. Уже месяц хотела с кем-нибудь поговорить об этом. Спасибо, что выслушала. Как камень с души.

– Не за что. Давай умоемся и пойдем к нашим мужчинам.

Напуганная Виктория с не менее взволнованным Домовым выбежали на улицу и побежали к яблоням. Забравшись на верхушку дерева, они облегчено вздохнули, наконец, почувствовав себя в безопасности.

– Они исчезли? – спросила с надеждой в глазах Виктория, посмотрев на дрожащего Домового.

– Кажется. Хотя я думал, что они меня догонят в подъезде, так как я чувствовал их холодные прикосновения рук. Бррр... Они говорили мне, что поймают и больно-больно накажут. Я так испугался. Спасибо, что спасла меня, когда крикнула на них и в последний момент вытащила меня из подъезда.

– Да, пустяки, – скромничала Вика.

– Как раз не пустяки. Обещаю, что сделаю все, о чем бы ты меня не попросила.

– О чем угодно?

– О чем угодно!

– Покажешь мне свой мир? – спросила Вика.

– Ты ведь не хуже меня знаешь, что мне нельзя приводить человека в мой мир.

– Но я же не просто человек, а твой друг. Тем более, прошу заметить, ты сам пообещал мне, что сделаешь все, о чем бы я тебе не попросила – вот я и прошу у тебя, хотя бы одним глазком взглянуть, как и где ты живешь. Буквально на минуточку. Туда и обратно. Никто и не заметит.

– Если папа узнает, то мне будет очень плохо.

– Ты согласен? – не веря своему счастью, спросила Виктория. Он кивнул. – Ура! – закричала она и обняла Домового, да так сильно, что они чуть не свалились с дерева.

Успокоившись, Виктория сказала Домовому, что нужно немедленно спуститься с яблони, если ему не угрожают злые духи и пойти на качели, о которых она ему так много рассказывала.

Через пять минут они уже качались на качелях, забыв обо всем на свете, наслаждаясь волшебным моментом, который длился целую вечность.

Они раскачивались все сильнее и сильнее, ласкаясь в теплых лучах солнца и в летнем ветерке, представляя, как они превращаются в разноцветных мотыльков, порхающих в голубом небе, поднимающихся все выше и выше до самых сверкающих звезд, где тишина и покой, где умиротворение и неопишное удовольствие. Там, где рай.

– Виктория! Пора домой, – позвала ее мама.

– Иду, мам! – ответила Вика и посмотрела на Домового, сказав. – Мы возвращаемся домой.

Прибежав к подъезду, она крепко-крепко обняла бабушка, поцеловав ее в щечку на прощание, а потом дедушку, который взял Вику на руки и шепнул на ушко, чтобы она больше не лазала по деревьям и никому не говорила об их тайном разговоре.

Через мгновение машина завернула за угол, сверкая в солнечных бликах, и скрылась за углом.

– Ну вот, снова мы остались одни-одинешеньки в этом мире.

– Да... как бы я хотела, чтобы они вообще никуда не уезжали. Но... да ладно, главное, что ты рядом, мой милый и вредный старикашка, – сказала она.

– Главное, что ты рядом моя нежная и ворчливая старушечка.

Он обнял ее, поцеловал в лоб, и они пошли домой, шоркая домашними тапочками по разгоряченному асфальту от летней жары.

Вечером того же дня.

Виктория смотрела в окно, глядя на поднявшийся ветер, который поднимал вверх облака пыли, прогибал мощные стволы деревьев, обрывая листья с веток, и нес за собой иссиня-черное облако, простирающиеся по всему небу. Внутри облака сверкали молнии, и где-то вдалеке был слышен протяжный гром небес.

Она ждала Домового, который должен был придти еще полчаса назад, но его почему-то не было. Виктория начала переживать, не узнал ли его отец о том, что он вместо того, чтобы охранять дом и пугать его домочадцев, путешествовал далеко от него, рискуя своей жизнью.

Гром становился протяженнее и громче, отчего стекла в деревянных рамах дрожали. Первая капля хлестко стукнулась о металлический карниз. Вика вздрогнула, отвернулась от окна, и хотела было уже спуститься к спящим родителям, как вдруг скрипнула дверка платяного шкафа, из которого вышел запыхавшийся Домовой и сказал:

– Прости, Вика, не мог придти раньше, папа не отпускал.

– Он ничего не заметил?

– К моему большому удивлению, нет. Только спросил, почему я так долго не приходил, когда он меня звал. Пришлось наврать. У тебя родители уснули?

– Да. Но они могут проснуться от грома. Слышишь? – спросила она.

– Ага. Жутковато, – сказал Домовой и поежился.

– Не то слово. А у тебя папа ушел на работу?

– Да. Он проверил мою домашнюю работу и второпях скрылся из дому. Ну, так что ты решила, пойдешь смотреть, где я живу или в другой день?

– Пойду, только немного боюсь, что мои родители проснутся и потеряют меня, – ответила она.

– Не потеряют. Мы ведь ненадолго. На пару минут, – заверил ее Домовой.

– Хорошо, – согласилась она. – Подожди секунду, сейчас я проверю, спят они или нет, чтобы до конца быть уверенной. – Вика засеменила на цыпочках в спальню, чтобы не разбудить родителей, заглянула в полуоткрытую дверь, убедилась, что они спят, и вернулась обратно в свою комнату.

– Спят? – шепотом спросил Домовой.

– Ага, – ответила Вика.

– Ты только на многое не рассчитывай. Наш мир не столь красив, как ваш, – сказал он, открыл настежь дверку шкафа и положил руку на стену.

Стена тот час исчезала, и появился проход в другое измерение, в другую вселенную.

– Придется ползти, – сказал он. – Следуй за мной и не отставай.

Домовой нырнул в проход; Вика последовала за ним.

Виктория, к своему удивлению, обнаружила, что пол туннеля, ведущий в неизведанные дали, оказался мягким на ощупь и ее крохотные ручки проваливались в него, словно в липкое желе.

– Домовой, почему мои руки проваливаются под землю?

– Не волнуйся, не провалишься.

– Я надеюсь на это. Странное ощущение. Как будто ползешь по манной каше, которая затягивает тебя все глубже и глубже.

– А что, похоже. Ты не переживай. Я тысячу раз проползал по этому туннелю – и ничего.

– Немного страшно. А почему стало так темно?

– Потому что мы подползли к спуску, – ответил он и остановился. – Сейчас нам нужно спустить вниз по скользким ступенькам. Я тут не единожды раз падал и чуть серьезно не пострадал. Так что будь осторожна. И не торопись. Сначала спущусь я, а потом ты. Договорились?

– Договорились.

Домовой медленно спустился вниз, встал в полный рост и махнул рукой, чтобы Виктория спускалась. Вика без особых проблем добралась до Домового, посчитав пятнадцать ступенек и сказала:

– Странный у вас тут потолок! Нельзя было сделать повыше, чтобы можно было удобно ходить, а не ползти?

– Прости. Но не я его конструировал. Ты заметила, что здесь сейчас просторно и светло?

– Да. Очень красивое голубое сияние. Домовой, откуда исходит этот свет?

– Изнутри туннеля. Скоро ты увидишь нечто неопишимо!

Стены туннели, некогда испускающие голубое сияние, стали прозрачными и обнажили открытый космос во всем его великолепии. Мириады сверкающих звезд и пролетающих мимо комет; Голубая планета, покрытая белоснежными облаками, закрывающими зеленые континенты; серебристая луна, освещающая Землю бледным сиянием.

– Красиво?

– Очень, – шептала Вика, думая, что это всего лишь сон, что такого не бывает на самом деле, а если бывает, то только в сказках. – Неужели, мы в космосе? А это моя планета?

– Да, мы в космосе. Это Земля – ты права! Я люблю здесь сидеть и смотреть на звезды. Видишь ту звезду, что светит ярче всех. – Он указал пальцем на звезды.

– Нет, не вижу! Где? Они все такие яркие!

– Поверни голову налево и смотри выше, – подсказал он ей. – Ага, вот так. Видишь треугольник или как вы его там называете?

– Да, вижу.

– Видишь, как в центре треугольника ярче всех горит крохотная точка – звезда. Посмотри внимательно. Поначалу может показаться, что она светит, как все затерянные звезды в черной необъятной космической бездне, но это не так.

– Чудесно! – восторженно сказала Вика, когда увидела ту самую звезду. – Ты прав. Она действительно горит ярче всех.

– Эту звезду я назвал – Виктория. В честь тебя. Она такая же красивая, как ты, – сказал Домовой и покраснел.

– Спасибо.

– Когда мне грустно я смотрю на нее и мгновенно вспоминаю тебя. Твое лицо. Твою улыбку. Твои платишки. Твои истории. И мне становится хорошо и радостно. Классно я придумал?

– Ага, классно. Я тоже хочу! Та звезда, что горит рядышком с моей, будет твоей звездой. Звезда Домового. Можно, так? – Он кивнул. – И я тоже, как и ты, буду тебя вспоминать, глядя на нее из окна своего дома.

– Теперь у нас у обоих есть свои звезды! – подытожил он.

– Кажется, что все это волшебный сон и что вот-вот в комнату зайдут родители и разбудят меня. Я же не сплю?

– Нет, ты не спишь. Все, что ты сейчас видишь, происходит наяву.

– В это трудно поверить, – говорила она, не отрывая взгляда от Земли. – Скажи, пожалуйста, как это мы так быстро очутились в Космосе?

– Если бы я знал, Вика, я непременно бы тебе объяснил. Но я не знаю. Как я тебе уже говорил, я не создатель туннеля. Вика, надо уходить, а то твои родители тебя потеряют. Ты еще не видела мой мир. Время идет быстро...

– Точно. Какая же я дуруха! Совсем забыла о том, что надо возвращаться домой.

– Сейчас нам надо пройти сквозь стену, – сказал Домовой.

– Сквозь стену!? Как же у нас тобой это получится?

– Легко. Давай свою руку! Теперь ничего не бойся и доверься мне. Будет немного кружиться голова, но это ненадолго. Будет немного шумно, но это тоже ненадолго. Готова, Вика? – спросил он.

– Готова! – ответила она.

– Тогда держись крепче за мою руку и падай на стену. Не сомневайся, мы провалимся вовнутрь.

Через минуту они лежали на сухой и пыльной земле, изборожденной длинными, черными трещинами. Яркое, палящее солнце обжигало кожу. Вика открыла глаза, привстала с земли и увидела пустынные холмы, на которых восседали черные пеньки некогда пышных деревьев. Рядом рос черный пречерный ствол с ровными ветками, на концах которых висели черные плоды, похожие на гирлянды. В центре пустоши, простирающейся на многие километры, был воздвигнут неказистый двухэтажный дом, собранный из гнилых палений.

– Я тебя предупреждал, что ваш мир в тысячу раз красивее! – сказал Домовой, посмотрев на обескураженное лицо Виктории.

– Ты был прав. Здесь так жарко и почему-то жутковато. Это твой дом?

– Да. Он не такой красивый, как твой. Пойдем, я тебе покажу свою комнату.

– Пойдем, – согласилась она, и они пошли к дому.

– Я тебе приготовил подарок.

– Ооо... не надо было.

Они подошли к черным, покосившимся в сторону дверям дома; одна петля была сорвана. Домовой открыл дверь пластинкой, что висела на веревке вокруг его тонкой гусиной шеи, провернул трижды, и они зашли вовнутрь дома, пахнувшим пылью, горелым деревом, смогом и копотью.

Виктория не удивилась, когда увидела черную мебель, черные шкафы, комоды, двери, пол, потолок и стены. Она провела пальцем по стене, кончик мгновенно покрылся черной пленкой и пропитался резким отвратительным запахом гари.

– Моя комната выше! – сказал Домовой и пошел к лестнице, ведущей на второй этаж. – Ну что, ты идешь?

– Иду, – ответила Вика и подошла к нему, оторвавшись от необычного интерьера дома.

Они поднялись на второй этаж, прошли длинный коридор, завернули налево и очутились в комнате Домового. Черные стены комнаты были неаккуратно и неравномерно выкрашены красной и зеленой краской, от чего выглядели еще мрачнее и непригляднее. Местами были развешаны рисунки Домового, преимущественно черно-белых тонов. На полу лежал странный жесткий плетеный ковер, на потолке висел черный абажур, внутри которого летал рой светящихся жучков, смутно напоминавших светлячков. В левом углу крохотной комнаты стоял деревянный стол, забытый различными листками, тетрадями и книгами. Над столом висел ряд полок с увесистыми книгами-томами. В правом углу комнаты покоился грязный, выцветший и порванный – из дырок вылезал белая вата – матрас с двумя подушками, сплетенными из сухих веток; на одной из подушек лежала открытая книга.

– Ты спишь на полу? – спросила Виктория.

– Да. Приходится. У нас неприняты кровати.

– Понятно, – сказала Виктория и подошла поближе к рисункам. – Красивые рисунки.

– Ага, – сказал он, как можно непосредственнее, хотя видно было по его лицу, что он напряжен. – Не думал, что тебе понравится. Жаль только, что красок у меня не так много, чтобы закончить.

– Они и без красок – прекрасны. Почему ты мне не показывал их раньше?

– Не знаю. Стеснялся. Думал, тебе не понравится. Как моему отцу, – сказал он и отвернулся от Вики.

– Твоему папе не нравится, что ты рисуешь?
– Он мне не разрешает рисовать...
– Почему? – возмутилась она. – Что в этом плохого? У тебя ведь так хорошо получается!
– Он говорит, что я летаю в облаках и занимаюсь детской шалостью, которая вредит моему внутреннему развитию и мешает заниматься серьезными вещами, например, учебой. – Он потупил грустный взгляд на край стола. – Когда отец не в настроении он срывает рисунки со стены, рвет и сжигает, позже принося мне горку пепла.

– Твой папа злой... – Она замолчала, подумала, что сказала лишнего, но увидев, что Домовой с ней соглашается и совсем не злиться, она продолжила говорить. – Ты его не слушай, продолжай рисовать. Прячь их куда-нибудь подальше.

– Я не пытаюсь прятать рисунки, потому что мне это надоело, – ответил он, сдавленным голосом, почти шепотом. – Куда только я их не прятал! Но отец всегда их находит, словно заранее знает, куда я их положу. Один раз я даже отодрал доску от пола и вложил туда рисунки. Но не прошло и недели, как рисунки тлели в огне, превращаясь в черный пепел.

Виктория оставалось только тяжело вздохнуть и замолчать. А потом ей пришла идея.

– Я знаю выход! – восторженно сказала Виктория.

– Правда? – без особого энтузиазма отреагировал Домовой.

– Да. Ты можешь хранить рисунки, например, у меня.

– А можно? А если их твоя мама увидит, что тогда?

– Я их спрячу под кровать. В самый темный уголок. Но если мама их все-таки найдет, она точно не будет их рвать и сжигать. А только спросит, чьи они. Я отвечу, что они мои. И все.

– Спасибо, Виктория. – Некогда хмурое лицо Домового просияло в улыбке, глаза засветились от счастья, а голосе появились нотки радости и восторженности. – Ты лучший друг.

– Да не за что! Я всегда рада помочь другу, который оказался в беде. Ты главное продолжай рисовать. Так мне всегда мама с папой говорят.

– Хорошие у тебя родители, – сказал Домовой и смолк.

Глава 10

31 августа 1990 года

– Не люблю этот день, – сказала Вика Домовому.

Они лежали в траве и смотрели на небо. Рядом лежал оранжевый мячик.

– Почему? Завтра ты пойдешь в школу. Или ты уже не хочешь учиться?

– Учиться-то я хочу. Мне грустно, потому что это последний день лета. Скоро все цветочки завянут, трава пожелтеет, листочки опадут с веток деревьев, солнышко уже не будет греть так сильно, как сегодня. Уже не полежать на траве после игры в мячик. Не собрать букет одуванчиков, который пахнет летними вечерами. Не покачаться на качелях, не покататься в пруду, не позагорать на солнце, не поиграть в классики, не посидеть на дереве, глядя на красное вечернее небо. Тебя это никогда не печалило?

– Если честно, то нет. Я люблю зиму, не меньше чем лето, – ответил он.

– А что хорошего в зиме? Не понимаю? Всегда холодно и хмуро. Лучше бы всегда было лето.

– Нет, так точно не лучше. Лето бы тебе быстро надоело, и ты перестала бы радоваться таким мелочам, как зеленая трава, цветущая сирень или яблоня за окном. Лето стало бы для тебя обычным делом. А как же без весны? – недоумевая, спросил Домовой. – Эх, весна! Аж мурашки по телу об весенних воспоминаниях. Трава начинает проклевываться из сырой земли и тянется к теплым солнечным лучам. Почка деревьев набухают и цветут. А насекомые выползают из своих зимних убежищ, чтобы первыми почувствовать неминуемое приближение лета.

– Домовой, тут я с тобой соглашусь. – Она улыбнулась. – Весну я тоже люблю, как и осень. Но как-то зима мне все же не по душе.

– Я не верю, – возмутился Домовой и добавил. – Что-то же должно тебе нравиться в зиме?

– Лично мне нравится, когда идет снег. Нравится, когда снежинка падает на горячую ладонь и мгновенно растворяется, превращаясь в капельку воды. Нравится, как снег хрустит под ногами, как он блестит...

– А говорила, что не любишь зиму. – Он лег на бок, посмотрел на Вику и сказал. – Белые деревья, белая земля от небесного хлопка – снега, в который можно прыгать с любой высоты, в котором можно лежать и смотреть на яркие звезды и делать длинные-предлинные туннели. А когда становится теплее, можно лепить разные скульптуры, снеговика, кидаться снежками.

– Мне тоже нравится лепить снеговиков и прыгать в мягкие сугробы.

– Это еще не все. Я всегда радуюсь, когда светит зимнее солнце, от которого все вокруг начинает блестеть и переливаться. Когда морозный ветер щиплет мое лицо. Прекрасное время! – заключил он.

– Ах да я еще забыла сказать по зимнюю пору волшебства, когда все дарят друг другу подарки.

– Ты про Новый год и Рождество говоришь?

– Ага, – ответила она и о чем-то задумалась, глядя на проплывающие облака по голубому небосводу. – А ты веришь в Деда Мороза?

– В Деда Мороза? Это тот, кто в новогоднюю ночь приносит подарки всем детям, которые хорошо себя вели весь год?

– Да-да. Это он. Так веришь или нет?

– Скорее нет, чем да.

– Все дети в него верят, даже я. Или в ваш мир он не прилетает?

– Не знаю, может быть и прилетает, но не в мой дом – точно. Он ни разу не оставлял подарки в новогоднюю ночь в моей комнате, под кроватью или на столе. Ни разу.

– Какой ужас! – воскликнула Вика, не понимая такой несправедливости Деда Мороза к его лучшему другу. – Неужели ты каждый год плохо себя ведешь? Ты же хороший.

– Папа, говорит, что я – самый плохой мальчик на свете, поэтому Дед Мороз пролетает мимо нашего дома. И любит отмечать тот факт, что Дед Мороз каждый год надеется, что я исправлюсь, но каждый раз – с каждым новым годом – я его разочаровываю.

– Я не верю. Это чепуха. Дедушка Мороз – самый добрый и хороший волшебник во всей Вселенной. Он настолько добродушен, что прощает даже самых плохих мальчишек и девчонок, которые недостойно вели себя целый год. Я точно это знаю. В моей детсадовской группе было два ужасных мальчика, которые всегда дергали девочек за косички, пулялись хлебом и кашей в столовой, ругались обидными словами, дрались и более того не ложились спать в сон час. Они вели себя отвратительно и все равно после праздника они притаскивали в детский сад новые игрушки, которые им подарил Дедушка Мороз. Вот так вот.

– Значит, я еще хуже тех мальчиков, – сухо заключил Домовой.

– Да, нет. Наоборот: ты в тысячу, в миллион, в миллиард лучше тех мальчиков. Я-то знаю.

– Только вот отец думает иначе. Однажды разгневанный чем-то он пришел с работы и сказал, что Деда Мороза не существует, что это выдумка родителей, которые и кладут подарки под елку в ту самую волшебную ночь. И приказал, чтобы я прекратил в него верить, как какая-то трехлетняя мелюзга – и удалился в свою комнату.

– Я не верю твоему отцу. Ты ведь не поверил?

– Не поверил. Но после его слов я задумался. А что, если правда его не существует, а подарки дарят родители, чтобы сделать приятное своим детям? Отец всегда был мной недоволен, всегда говорил, что разочарован, поэтому я никогда не получал подарки в волшебную

ночь. А вот тебя родители любят и гордятся, поэтому каждый год тебе дарят только лучшие подарки, о которых ты написала в письме к Деду Морозу. Ведь так?

– Да. Но мне как-то не верится. Хотя... – задумалась она, – хотя в этом году я увидела родителей, когда они складывали игрушки под елку. Отец в руках держал мягкую игрушку, а мама – корзину со сладостями. Я протерла глаза руками, подумав, что это сон. Но ничего не изменилось, они продолжали там стоять и тихо шептаться. Я спросила, что они там делают. Они вздрогнули и, как мне показалось, испугались. Потом придя в себя, отец подошел ко мне и сказал, что приходил Дед Мороз и передал им подарки лично в руки, но я их сейчас не должна видеть, а должна быстренько уснуть, чтобы завтра проснуться и увидеть Новогоднее чудо. Я согласилась и, положив голову на подушку, уснула. Проснувшись рано утром, я первым делом посмотрела на елку и увидела именно те подарки, которые держали в руках родители: игрушку и корзину со сладостями.

– Ты им поверила?

– Я удивилась, что Дед Мороз сам не положил мне игрушки под елку и даже немного разочаровалась. Я все утро допрашивала родителей, почему он так поступил. На что они мне отвечали, что он был слишком занят, поэтому передал им подарки и быстренько скрылся в соседнюю квартиру, где живут другие дети. Я им поверила. Но сейчас я задумалась...

– Вот и я задумался и теперь не знаю чему и верить, – добавил Домовой, и они замолчали, слушая звуки собственного сердца, пытаясь осмыслить те слова, что сказали друг другу. А вдруг, это правда, что родители дарят подарки на новый год, а не бородастый волшебник из заснеженной Финляндии?

После того, как грустные мысли ушли прочь, на смену пришли более веселые и радостные.

Они еще поиграли в мяч, весело смеясь, когда кто-то из них падал на землю от неудачных ударов по мячу. Потом поплескались в воде, бегущей из черного шланга, прикрученного к широкому баку и в мокрой одежде, счастливые и беззаботные, разбежались по домам. Виктория побежала собирать первый раз свой школьный рюкзак, а Домовой – учить билеты по важному предмету, по которому завтра будет экзамен. И если он его не сдаст, то вряд ли сюда вернется в ближайшее время.

Виктория с волнением и трепетом складывала школьные принадлежности в новенький разноцветный рюкзак, на внешней стороне которого был нарисован желтый Вини-Пух с розовым Пяточком из одноименного Диснеевского мультсериала.

Первым делом Вика, по настоянию матери, положила в рюкзак тяжелые учебники по математике, грамматике, литературе и естествознанию. Затем аккуратно, чтобы не помять начала складывать красивые, такие же разноцветные и яркие, тетрадки в линейку и в клеточку, дневник с обаятельным котенком на лицевой обложке, кожаный пенал, набитый разноцветными ручками, карандашами, стиральными резинками, точилками.

Вика с гордостью застегнула рюкзак и поняла, что она сегодня еще на одну ступеньку стала самостоятельной. Сделала первый шаг, шаг туда, откуда возврата нет. Шаг во взрослую жизнь, как она думала.

Она взяла огромный рюкзак в руку – ей показалось, что он весит тонну – и с трудом закинула его за спину.

Мария сидела на диване и улыбалась Виктории. В комнату зашел папа с газетой в руках, в синих спортивных штанах и в белой майке, спросил:

– Все, собрала портфель?

– Да, папочка. Я не верю, что наконец-то пойду в школу. Я думала, что этот день никогда не настанет. И вот остался всего день и... и я боюсь.

– И чего ты испугалась?

Виктория сняла тяжелый рюкзак, поставила на ковер и прыгнула родителям на колени, сказав:

– Не знаю, как и объяснить. Я самих-то уроков не боюсь. Мне интересно. Я боюсь другого. – Она немного помедлила и наконец сказала. – Я боюсь незнакомых девочек и мальчиков, которые будут учиться со мной в одном классе. А вдруг я им не понравлюсь. И они будут надо мной смеяться и потешаться – и никто-никто не захочется сидеть со мной за одной партой? Или хуже, никто не захочет со мной дружить.

– Виктория, не говори глупостей, – сказала отец. – Ты добрая, скромная, умная девочка и ты без проблем подружишься с одноклассниками. – Вика смотрела на папу и верила, что будет именно так, как он говорит. – И запомни, что никто над тобой не будет смеяться, если ты этого не допустишь. Понимаешь?

– Папочка, прости, но я чуть-чуть не поняла, – ответила она.

– В детском саду ты допускала, чтобы кто-нибудь смеялся над тобой? – спросил он, поглаживая рукой ее светлые локоны, пахнувшие ромашкой.

– Нет. Но в школе, наверное, все будет по-другому? Или нет?

– И да, и нет. Видишь ли, в школе вы будете подолгу учиться и помалу отдыхать, резвиться. И это главное отличие от детского садика. Но в остальном, школа – это такой же детский сад, где общение с ровесниками никуда не денется и поверь мне будет главной составляющей для тебя и для других детей. Ты это со временем поймешь. Поэтому, Виктория, никогда не давай над собой смеяться. Если ты один раз кому-нибудь это позволишь, то боюсь, с этим придется тебе жить до конца школьного обучения. Ты ведь этого не хочешь? – спросил он; Вика усердно замотала головой. – Вот и хорошо. – Он поцеловал ее в теплый лоб.

– А знаешь, что нужно, чтобы всегда быть на высоте? – спросила мама у Вики.

– Что? И как это на «высоте»? – спросила она, глядя на маму замороженными глазами.

– На высоте – значит, быть лучше всех. Надо просто прилежно и хорошо учиться и тогда все-все ребята будут тебя уважать и любить.

– Мама, я буду хорошо учиться, – ответила она и легла на колени родителей.

– Вика, мы с папой хотели с тобой поделиться одной, несомненно, приятной новостью для нашей семьи.

– От этой новости ты придешь в восторг! – добавил Константин.

– Да? Ну и что это за новость?

– Помнишь, ты у нас чуть ли не каждый день просила, чтобы в нашей семье появился братик или сестренка, чтобы тебе не так было грустно и одиноко.

– Как же не помню. Конечно, помню! – ответила она, не понимая, к чему клонят родители.

– Так вот через восемь месяцев у тебя будет братик или сестренка, – сказала мама, вся светясь от радости.

– Что правда? Вы не шутите? – переспросила Вика, глядя то на маму, то на папу.

– С такими вещами не шутят, Виктория, – сказал отец. – В нашей семье будут пополнение. И ты скоро станешь сестрой.

– Спасибо-спасибо-спасибо! Я так мечтала о братике или о сестренке! И наконец-то моя мечта осуществится!

Константин ласково посмотрел на Марию, и они улынулись друг другу.

Через час Виктория все рассказала Домовому; он искренне порадовался ее счастью и сказал:

– Значит, скоро у меня появится новый друг.

– Точно. Я даже не подумала об этом. Я уверена, что он будет хорошим другом.

– И я тоже.

Глава 11

1 сентября 1997 года

Виктории снилось, как она с мамой и папой, взявшись за руку, подходят к четырехэтажной серой школе, на территории которой растут высокие яблони, кусты сирени и можжевельника. Светит яркое солнце, освещая улицы живительным светом. Вика с белоснежными бантами на голове, одетая в нарядную школьную форму, держит в руке тяжелый, пестрый портфель. Она улыбается всем прохожим, которые, в свою очередь, улыбаются ей и замедляют шаг, вспоминая свой первый звонок, первый урок, первую перемену. Она видит, как они подходят к таким же нарядным одноклассникам. Они яростными, красными глазами начинают обсматривать ее с ног до головы, оценивать. Ее сердце стучится так сильно, что готово выскочить изнутри, уши и лицо горят от смущения и неловкости, а по телу бегают рой мурашек.

Она со страхом открывает глаза, смотрит на серебристую лунную полосу на потолке и понимает, что она всего-навсего лежит в собственной постели, и никто на нее яростно и открыто не глазеет. Вика перевернулась на другой бок, закрыла глаза и теперь увидела другие живые картины, всплывающие в ее подсознание. Вот она лежит в постели, солнечные лучи проникают через окно и падают желтой полоской на белое одеяло, щекоча ее пятки. Она думает, что уже утром и сейчас мама зайдет в ее комнату и разбудит. Но мама не заходит. В доме тишина, ни единого слышимого звука. Вика встает с постели и смотрит на часы, замирает: без двадцати десять. Она опоздала на свой первый звонок. Она вскрикивает, пораженная этой мыслью.

Виктория открыла глаза. Снова лунная полоска света на темном потолке и ночь за окном. Не в силах больше лежать на пропитанной потом кровати она встала, подошла к окну и стала заворочено смотреть на небо. За легкой черной дымкой уходящей ночи можно было разглядеть звезды. Те самые звезды, которые они с Домовым подарили друг другу. Перед ее глазами возник его призрачный силуэт. Она невольно улыбнулась. Ей так хотелось, чтобы он сейчас был рядом и охранял ее сон от этих ужасных видений, чтобы хоть чуть-чуть поспать, перед тем как осуществится ее заветная мечта. Мечта, к которой она так стремилась, училась читать, писать, считать. Мечта, которая уже дышит на нее своим благоговейным дыханием, которая настолько близко, что кажется – протяни руку, и ты почувствуешь ее, как чувствуешь рукой влажный туман. Мечта, постигнув которую, понимаешь, что никогда нельзя останавливаться и стоять на месте, а нужно продолжать жить и ставить перед собой снова и снова новую задачу, новую цель, новую мечту. Мечта пойти в школу.

Но Домовой не приходил. Он ее не слышал.

За исключением стрекотания кузнечиков за окном и жужжания летающих по комнате мух, дом обволокла тишина. Виктория продолжала смотреть то на звезды, то на лунный серп. Вдруг она услышала шум за пределами своей комнаты, испугалась и на цыпочках подбежала к двери и включила свет. Вика подумала, что это злые духи бродят по дому в отсутствие Домового, который где-то там, в далеком и недостижимом космосе. Она приоткрыла дверь. По коридору кто-то шел. Деревянный пол поскрипывал под чьими-то шагами. И тут Виктория увидела белую фигуру, направляющуюся прямо к ней. Она вскрикнула, захлопнула дверь и, запрыгнув на кровать, скрылась под теплым одеялом, спасительным щитом.

Вика слышала, как бьется ее пульс в висках, когда *некто* стал крутить медную ручку, чтобы открыть дверь. Она задрожала, и слезы покатались по ее щекам. Ей было страшно. Она не хотела умирать в тот день, когда она должна пойти в школу.

– Виктория, я знаю, что ты не спишь. Открой, пожалуйста, дверь, – сказала Мария, и Виктория осознав, что это мамин голос, обрадовалась и побежала открывать двери. Открыв

дверь, она увидела испуганную Марию, стоящую у дверей в длинной – белоснежной – хлопчатой ночнушке. Виктория засмеялась и обняла маму.

– Мамочка, я так перепугалась, что за мной пришли злые призраки, чтобы я завтра не смогла пойти в школу.

– Ты меня приняла за призрака? – спросила она и улыбнулась. – Неужели я такая страшная?

– Ты – нет! Ты – самая красивая. Я просто смотрела через крохотную щелку в двери и, увидев белое одеяние, испугалась, что это привидение и побежала в кровать.

– И почему же моя, маленькая мисс, не спала в столь поздний час, когда все дети спят и видят красивые и сказочные сны?

– Я не могу уснуть, мам. Мне снятся плохие сны.

– А ты подумай о чем-нибудь другом. Хорошо. Например, о том, как мы ездили в лес жарить шашлыки. Или о том, как готовила вместе со мной и бабулей пельмени.

– Я уже пробовала – ничего не выходит. – Она посмотрела на маму и спросила. – Мам, а что если завтра все будет не так хорошо, как вы говорите? С каждой минутой мне все страшнее и страшнее. Не могу ничего с собой поделать.

– Поверь, Вика, своей маме, которая отучилась в школе десять лет. Завтра будет все хорошо, и ты не успеешь понять, как будешь сидеть за партой и смотреть на учительницу, которая станет для тебя второй мамой.

– Что? Мне не нужна вторая мама! – возразила Вика. – Мама только одна.

– Ой, ты моя дорогая. Не переживай. Я имела в виду, что она будет твоей школьной матерью, как нянечка, которая ухаживала за вами в детском саду, когда меня не было рядом. Ты будешь всегда ее внимательно слушать и беспрекословно слушаться, как меня, уважать и ценить и по возможности любить частью своего доброго сердца. Поняла? – Виктория кивнула. – Прекрасно. Хочешь, я с тобой сегодня посплю, чтобы тебе не было так страшно? – спросила она.

– Очень хочу, – обрадовалась Вика и отодвинулась, чтобы Мария легла.

Через несколько минут они уснули, провалившись в глубокий сон.

Виктория проснулась раньше будильника; мамы не было рядом. По запахам и звукам, льющим из кухни, Мария встала давно и, по всей видимости, готовила завтрак. Наверное, жарит яичницу, наливает горячий кофе, перемешивая с густыми сливками, разогревает пирожки в печи, приготовленные ею вчера, подумала про себя Виктория.

Рядом с кроватью стоял Домовой и улыбался сонной Виктории.

– Доброе утро, – сказал он и сел на краешек кровати.

– Доброе, – сказала она, потягиваясь и зевая. – Я рада, что ты пришел. Ты какой-то измученный. Что-то случилось?

– Ничего серьезного. После того, как папа меня чуть не убил, ему совестно и он очень добр ко мне и позволяет то, что раньше мне было недозволено, например, сходить к тебе на твой первый звонок.

– О! Это же здорово! Я даже о таком и не мечтала. – Она посмотрела на него. Домовой только сухо улыбался и не был склонен к радостным воплям. – Тебе что-то беспокоит другое?

– Да. И уже пару дней не могу выкинуть *это* из головы, – ответил он, искоса посмотрев на нее. Он был немного смущен и напряжен.

– Так о чем же? Не бойся, я ни кому не расскажу. Что тебя беспокоит?

– То, что ты идешь в школу, – выдавил он из себя, глядя в окно. Вика что-то хотела ответить ему, но Домовой ее перебил. – Скоро ты будешь в школе целыми днями, заведешь новых друзей и будешь с ними гулять, ходить в кружки или секции. Это меня беспокоит. Помнишь, как твой дедушка перестал видеть...? – Она кивнула и поняла, к чему он ведет. – Я боюсь,

Виктория, что ты забудешь про меня и я в итоге стану для тебя невидимым. И я снова останусь один.

Он смотрел в окно, потому что ему было стыдно смотреть в ее глаза. Он не знал, почему ему стыдно. Он просто чувствовал.

– Не говори ерунды! – успокаивала его Виктория. – Как я могу променять тебя – самого доброго, самого храброго друга на всем белом свете? – Домовой съезжился еще сильнее от смущения, хотя Викины слова ему были приятны. – Так что не думай об этом. Просто верь мне, что наша дружба – навеки! И если тебе этого мало, давай скрепим наши прочные дружеские узы, письмом. Как ты на это смотришь?

– Это было бы отлично. – Его глаза просияли, он улыбнулся. – А как это?

– Все просто. – Она спрыгнула с кровати, подбежала к столу, взяла два чистых листка бумаги и две синие ручки и подошла к нему. – Держи! – Она протянула ему листок и ручку. – А теперь пиши, что «Я, Домовой, клянусь, что в болезни и здравии, в печали и радости, буду лучшим другом для Виктории, пока смерть не разлучит нас». Записал? – спросила она.

– Да, – ответил он.

– Хорошо. А теперь на этих листках мы должны расписаться. – Они расписались. – Теперь соединяем их вместе и кладем на хранение, как важный документ.

Она положила клятвы в шкафчик стола.

– Классно ты придумала, Вика, – похвалил ее Домовой.

– А то! – ответила она, довольна тем, что помогла другу. – Я вижу, тебе стало лучше?

Он ответил, что намного лучше.

В комнату зашла мама и сказала:

– Просыпайся, соня. А ты уже встала? С добрым утром. Пойдем завтракать.

– С добрым утром, мама. А папа встал?

– Нет. Еще его не будила, – ответила она.

– Тогда я первая, – Виктория сломя голову побежала, громко топя пятками по полу, ворвалась в спальную комнату, где лежал на двухместной кровати отец – он уже не спал – и прыгнула на него, закричав, что утро пришло.

Виктория уже тысячу раз примиряла школьную форму, но надевая ее сегодня, она испытывала особый трепет и волнение. Аккуратно натянув белые колготки на ноги, она взяла в руки полушерстяную юбку, в складку, на притачном поясе, продела через ноги, закрепила на талии и застегнула на серебристую застежку. Вскоре надела белоснежную блузку с волнами, уходящими до пояса, и начала красоваться перед зеркалом. Мария с Константином сидела на диване, допивали чай и смотрели, как их дочь сама одевается. После того, как Вика вдоволь насмотрелась в зеркало, сияя от счастья, она подбежала к маме, которая в руке держала две белые шелковые ленты. Через минут пять две ленты превратились в два больших банта, формой напоминавших белые распустившиеся розы.

Виктория снова подошла к зеркалу и подивилась, как же хорошо смотрятся банты с ее нарядной школьной формой. И немного огорчилась, что поверх блузки она не наденет полушерстяную жилетку, так как на улице в тени уже было двадцать градусов (лето не хотело сдавать свои позиции хмурой и дождливой осени). Вика не заметила, как простояла у зеркала больше десяти минут и, оглянувшись на мамин голос, она увидела, что мама с папой успели переодеться. Мария была одета в легкое белое платье с французскими кружевами в стиле прованс, а Константин в строгий классический костюм черного покрова, под которым были видны белые рукавами с позолоченными запонками и ворот рубахи.

– Ну что, Виктория, пойдем в школу? – спросила мама.

– А вы что хотели без меня уйти? – спросила она и подбежала к родителям, взяв папу за руку.

Выйдя на улицу, они почувствовали теплые прикосновения осеннего солнца и несравненное мелодичное пение птиц. На зеленой траве лежали желто-золотистые листья дуба. Отдав портфель папе, Виктория подбежала к дубу, взяла горсть сухих разноцветных листьев и подкинула вверх.

– Осенний листопад! – закричала она.

Летящие листья окружили Викторию со всех сторон в безумном вихре осенней феерии, падая на голову, на плечи, на спину.

– Виктория, ты сейчас испачкаешься в грязи. Знаешь ли, не хорошо идти чумазой и грязной в школу. Как думаешь?

– Мам, но листья-то чистые! С самых верхушек нашего дуба.

Подходя ближе к школе, они увидели, что со всех концов города идут счастливые родители со счастливыми первоклассниками, которые были одеты нарядно и красиво. За ними брели гурьбой или поодиночке, школьники, которым было уныло от того, что очередные летние каникулы незаметно пролетели и снова начинаются «трудовые» будни; и в тоже время отрадно, что они встретятся с одноклассниками и расскажут им чудесные-пречудесные истории, которые приключились с ними этим жарким летом *открытий*.

Вика хоть и переживала, но не боялась и даже не думала падать в обморок (хотя она думала, что упадет!), когда они втроем подошли к другим родителям и их детям. К ее одноклассникам. Они вежливо поздоровались и встали в ряд.

Простояв не больше минуты, к ним подошла молодая учительница в кружевном хлопчатом платье, со всеми приветливо поздоровалась и сказала родителям, чтобы они отошли в сторону, так как ей нужно поставить своих учеников в шеренгу по два человека. Родители благо-разумно согласились и отпустили своих чад, отойдя в сторону. И вот тогда на Викторию напал реальный страх, она замешкалась, на глазах выступили слезы, когда мама с папой отпустили ее руки, и она осталась одна в окружении двадцати-тридцати незнакомых, таких же напуганных мальчиков и девочек. Она хотела зарыдать, убежать ото всех и поскорее обнять родителей. Но посмотрев на улыбающуюся маму, которая приложила к груди свою руку, она немного успокоилась, положила руку на грудь, вспомнив, что она не одна, что мама в ее сердце, согревая его теплотой и любовью.

К Вике подошла учительница и ласковым голосом сказала, чтобы она не переживала и ничего не боялась, ведь она сильная и смелая девочка. Вика, вытерев слезы, сказала, что больше не будет бояться, так как мама рядом. Учительница, волосы которой развивались на ветру, подобно золотистому колосу в бескрайних полях, улыбнулась Виктории и подвела к ней насупившегося мальчика с черными волосами и красными пухлыми щечками; в руках он держал букет белых хризантем.

Учительница сказала одноклассникам, чтобы они взяли за руки. Виктория смутилась – он тоже – но не стала капризничать, строить из себя задаваку, а покорно согласилась со «школьной» мамой и первая взяла за руку мальчика, который взволнованно посмотрел на нее голубыми глазами и сказал:

– Привет. Меня зовут Илья. А тебя как?

– Привет. Меня Виктория. Или просто Вика.

– Будем знакомы. Тебе не страшно?

– Очень. Я даже чуть не заплакала. А тебе?

– Мне нет, – соврал он, посмотрев в другую сторону. – Мальчики ничего не боятся.

– По тебе этого никак не скажешь. Твоя ладонь потная, а сам дрожишь. Это говорит о том, что ты боишься.

– Тише, тише, не кричи. Да мне тоже чуточку страшно.

- А зачем меня обманул?
- Сам не знаю.
- А ты из какого садика?
- Из пятого. Золотой ключик называется, – ответил Илья. – А ты?
- Я из тринадцатого. «Веселый зайчонок».
- Ты хочешь в школу?
- Конечно. Кто же не хочет в школу?
- Я, – гордо ответил он. – Лучше бы остался в детском саду.
- Ты какой-то странный. Все с кем я ходила в садик мечтали о том, чтобы учиться в школе. А ты вдруг не хочешь. И почему же, если не секрет?
- А вот и секрет, – сказал он и показал ей красный язык.
- Ну и ладно. Не очень-то и хотелось знать.
- Обманывай! Ты мечтаешь, чтобы я тебе рассказал.
- Я с тобой не хочу разговаривать, – сказала Вика и отвернулась от него.
- Я может быть, тоже! Какие мы обжинки! – Он ехидно усмехнулся и понюхал цветы.

Виктория хоть и была рассержена на Илью, который всем видом показывал, что он ее не замечает, ей все равно хотелось знать правду. Секрет о том, что есть на белом свете человек, который не желает идти в школу по каким-то странным причинам. И эти причины она хотела узнать любой ценой, но она никак не могла завести разговор снова, поэтому на секунду сдавшись, Вика начала озираться по сторонам, ища в толпе Домового и его отца. Их не было.

Вика удивилась, что возле школьного крыльца выстроилась такая огромная линейка, кишущая школьниками всех возрастов, которые разговаривали и не замечали, как из входных дверей появился директор школы.

Это был солидный и уважаемый мужчина лет сорока пяти, маленького роста, с обширной плешью на голове и животом, выпирающимся из узких брюк. Его синяя рубашка от пота сменила цвет. Он держал в руках платок и чуть ли не ежесекундно вытирал потный лоб и пухлые красные щеки. Он подошел к микрофону, так что всем ученикам – в том числе Вики – было слышно, что ему тяжело дышать, что он запыхается. Отдышавшись с минуту, он посмотрел на всех своим зорким, оценивающим взглядом и начал свою долгую и нудную речь, которую повторял вот уже десять лет подряд, меняя лишь несколько слов и фраз. Его пламенная речь о том, что «учение – это свет, а не учение – тьма» несколько не вдохновляла ребят постарше, отчего они тихо перешептывались и смеялись. Зато производила мощное, а главное, незабываемое впечатление на первоклассников, которые заворожено смотрели на директора с уважением и одновременно со страхом, пытаясь сделать серьезное выражение лица, чтобы хоть как-то соответствовать и не быть теми неумелыми и необразованными дошкольниками, какими они были еще три месяца назад.

Вика слушала и наслаждалась этим моментом, так как знала, что через несколько минут она войдет в школу, в класс, сядет за парту и будет прилежно учиться. Правда ее огорчало, что еще не пришел Домовой, которого она ждала и внимательно осматривала линейку, слушая директора. Как и огорчал тот факт, что она, скорее всего, не узнает секрет Ильи.

Как только директор закончил свою речь из линейки вышел красивый светловолосый мальчик лет семнадцати, он подошел к первокласснице, стоявшей возле директора, поднял ее и посадил на свое широкое плечо. Смущенная девочка стала звенеть колокольчиком, а юноша неспешным шагом, улыбаясь, пошел вдоль линейки. Пройдя всю линейку, юноша с девочкой остановились возле директора – и звон колокольчика грустно смолк. Учительница сказала Викиному классу следовать за ней и ничего не бояться. Первоклассники смиренно и робко двинулись к дверям школы.

Виктория повернулась к родителям и увидела, что рядом с ними стоит Домовой и его отец и чуть не запрыгала от радости, но быстро сообразив, что сейчас не время показывает

свои чувства, когда столько чужих глаз смотрят на нее, она успокоилась, помахала им рукой, разглядывая отца Домового. Он был очень высоким, наверное, метра два и чрезмерно худощавым. Как бы он не пытался скрыть свою худобу черной, просторной одеждой все равно было видно невооруженным глазом его тонкие ноги и выпирающие скулы. Его лицо избороздили морщины. Он, нахмутив брови, смотрел на Викторию красными, зловещими глазами, отчего у Вики застыла в жилах кровь.

Виктория зашла в школу и в одночасье забыла обо всем, что ее беспокоило, она с неподдельным интересом стала разглядывать разукрашенные стены школы, все еще пахнущие краской.

– Хочешь знать мой секрет? – неожиданно спросил Илья у Виктории.

– А что это ты вдруг передумал? Не понимаю? Школа подействовала?

– Дак хочешь знать или нет, пока я не передумал?

– Хочу, – ответила она.

– В общем, у меня есть два старших брата. Одному – десять, другому – восемь. Они меня всегда бьют и учат жизни. Ненавижу их!

– Ты точно странный. Еще и братьев родных не любишь.

– Ты что в семье единственный ребенок? – сразу смекнул Илья.

– Да. Откуда ты узнал? – удивилась Вика.

– Откуда-откуда. От верблюда, – сказала Илья и засмеялся. Вика разозлилась на него, отвернулась. – Прости, не дуйся. Я же шучу. И только.

– Плохие у тебя шутки!

– Братья научили. В общем, если у тебя был бы старший брат или страшная сестра ты поняла бы меня. Но не в этом дело. Я отвлекся. Короче, мои братья раньше пошли в школу, и я видел их разочарование после месяца учебы. Они мечтали попасть обратно в детский сад. Они мне завидовали и говорили, что детский сад – это рай по сравнению со школой, в которой приходится торчать шесть часов в день, а потом еще дома по три часа выполнять домашнюю работу. Представляешь? Ужас, какой! Вот поэтому я и не хочу в школу.

– И что тут ужасного? – спросила Вика.

– Как что? – изумился Илья. – Одна учеба! Каждый день! Только два выходных. Когда гулять-то?

– Тебе же сказал директор, что учение – это свет.

– Ооо, – вздохнул он и махнул рукой. – С кем я связался. Но ничего через месяц ты меня поймешь. И скажешь, что я был прав.

– А вот и не скажу, – возразила Вика.

– Скажешь, скажешь.

– Не скажу.

– Скажешь, скажешь, – не угомонялся он.

– Нет! – крикнула Вика на Илью.

– Ребята не надо спорить и ругаться по пустякам, – сказала спокойным голосом учительница, остановилась, показала рукой на белую дверь с цифрой «2», и сказала. – Теперь это ваш класс на три года.

Она открыла дверь ключом и, распухнув ее, Вика увидела деревянные парты, стулья, зеленую доску и шарики, развешанные по всему учебному кабинету.

Виктория зашла в теплый класс, через большие окна которого проникали солнечные лучи и села на вторую парту вместе с Ильей. Она бы с ним ни за что бы не села, но учительница сказала, чтобы они садились за парты, с кем шли в паре. Она посмотрела на доску, и поняла, что именно сейчас – именно в эту секунду! – ее мечта осуществилась.

Она к ней прикоснулась.

Виктория немного расстроилась, когда узнала, что первое сентября класс посвятит знакомству друг с другом, а интересных и познавательных уроков и занятий не будет. Однако, немного погодя, она пришла к выводу, что из-за этого расстраиваться не стоит, что самое главное сейчас то, что она здесь, в школе.

Первой ребятам представилась их классная руководительница Татьяна Викторовна. Стоя около зеленой парты, она произнесла вступительные слова, о том, что учиться – здорово, нежели сидеть дома и ничего не делать и ничего не знать. Также она поведала, что быть необразованным невежей, который не умеет ни читать, ни писать и тем более не знает ничего об окружающем мире это просто неуместно в сегодняшнем мире.

Виктория внимательно слушала Татьяну Викторовну и внимала каждое произнесенное ей слово, только изредка посматривая на соседа по парте, который делал вид, что ему неинтересно и постоянно вертелся, озирая по сторонам.

Закончив свою речь, Татьяна Викторовна сказала, чтобы они вытащили из рюкзаков учебники, тетради, пеналы, дневники и как закончат, чтобы подняли руки. Весь класс, смиренно сидевший за партами, как оловянные солдатики, резко оживился. Они быстро и шумно доставали все содержимое из новеньких портфелей. Вика хотела быть первой, чтобы понравиться учительнице, поэтому она чуть ли не швыряла на стол учебники с тетрадями. Закончив, она подняла руку вверх – в глубине души надеясь, что первая – и увидела, что за ней выстроился «лес» рук.

– Молодцы, – похвалила она класс. – Можете опустить руки. А теперь вам нужно взять в руки учебник по «Грамматике» и целый год хранить его так, словно он драгоценность. Не черкаться, не выдергивать страницы, не марать. Это относится ко всем учебникам.

Она им вкратце объяснила, что они будут изучать в течение учебного года. Вика подивилась тому, как всего много им нужно пройти за девять месяцев и засомневалась, успеют ли они.

Так всего много и столько всего непонятного, загадочного и интересного, подумала она про себя.

Когда ученики познакомились друг с другом, учительница отпустила всех домой. Она подошла к двери и ласковым, материнским голосом попросила учеников взяться за руки, встать в шеренгу и спокойным шагом выйти из школы, навстречу к своим родителям.

– Как тебе первый день в школе? – спросил Илья у Вики. – Понравилось?

– Да. Жду не дождусь завтрашнего дня, – ответила она и спросила. – А тебе, конечно же, не понравилось? Да?

– Ты права, мне несколько не понравилось. Не больно хочется знать, что и как и почему. Мне и так хорошо.

– Я тебе не верю. Ты меня снова обманываешь. Я смотрела на тебя, и ты делал вид, что тебе неинтересно. Хотя на самом деле это не так.

– Откуда ты можешь знать, что мне интересно, а что нет? – разозлился он. – Я себя больше знаю. И говорю, что мне не понравилось.

– Не буду больше с тобой спорить. Я сказала, что думаю, – она замолчала. – Надеюсь, я не буду с тобой сидеть за одной партой, – добавила Вика.

– А я надеюсь, что я с тобой, потому что ты невыносимая дурочка!

– А ты дурак, каких я еще не встречала. Дурак из страны дураков!

Илья покраснел и со злобой и ненавистью посмотрел на нее, отчего Вика перестала обзываться. Она подумал, что он сейчас ее ударит или вообще убьет. Но он схватил ее косичку и дернул. Вику взвизгнула.

– Татьяна Викторовна, а меня обижает Илья, дергает за косички, – пожаловалась Виктория учительнице.

– Ябеда-корябида, – сказал Илья и смущенно опустил голову, чтобы не видеть озабоченных глаз учительницы.

– Илья, почему ты обижаешь Викторию? – спросила она, остановив класс.

– Потому что она обзывается и не верит мне.

– Он первый начал обзываться, Татьяна Викторовна.

– Я так поняла, что вы оба обзывались нехорошими словами. Сейчас вам нужно друг перед другом извиниться, чтобы стать друзьями и не быть врагами. Хорошо? – Они оба кивнули. – Ну, Илья, мы ждем вас. Вы же будущий джентльмен, защитник родины. Так? – Он кивнул. – Вы должны извиниться первыми в знак солидарности и уважению к женскому полу. – Вика поразила, какая умная и образованная их учительница.

– Прости меня, Вика, – сухо извинился он. Его голова была опущена. Вика поняла, что Илья хоть и был отъявленным воображалой, все же был скромным и застенчивым мальчиком.

– И ты меня прости. Мир? – Она протянула ему руку.

– Мир. – Он пожал ей руку, и учительница улыбнулась Виктории и Илье.

– Молодцы, – похвалила она учеников. – Надеюсь, вы больше не будите ругаться. Ведь вам учиться вместе десять лет. Это касается всех вас. – Она обратилась ко всему классу. – Будьте благоразумней и уважайте друг друга, как уважаете своих родителей, родных братьев и сестер, бабушек и дедушек. Мы с вами договорились? – спросила она. Вика с остальными одноклассниками хором ответили «да» и довольная учительница добавила. – И помните девочки. Если мальчик вас дергает за косичку, значит, скорее всего, он в вас по уши влюблен и так проявляет свои эмоции и чувства. – По классу прошел тихий ропот. – Ладно. – Она улыбнулась. – Пойдемте дальше. Ваши родители уже заждались.

– Она обманывает, – прошептал Илья Вике. – Я в тебе не влюблен. Вот еще не хватало!

– А кто тебя знает, ты постоянно обманываешь, – ответила Вика. Они отвернулись друг от друга.

Вика бежала, как ветер, навстречу родителям, которые стояли возле школьного корта. Папа в одной руке держал мешок с продуктами, а в другой – большой красивый торт. Мария подхватила бегущую дочь и обняла. Домового уже не было.

– Мамочка, ты представляешь, я сегодня не училась!

– Представляю. Понравилось?

– Очень-очень. Завтра мы будем проходить математику и грамматику. Два урока. Татьяна Викторовна сказала, чтобы я завтра пришла в школу в семь пятьдесят. – Она посмотрела на папу. – О! Вы купили торт!

– Да. Как-никак сегодня праздник. День знаний. Что нового узнала? – спросил Константин.

– Что лучше быть образованной, как наша умная учительница, которая кажется, знает ответы на все вопросы, нежели быть, как Илья, мой одноклассник, который хочет учиться, но обманывает, что не хочет. Он такой дурак и воображала. Дергал меня за косички и обзывался.

– И что у нас за выражения, юная леди. – Мария пригрозила указательным пальцем. – Не хорошо говорить так о мальчике.

– Но мам он и правду дур... – она запнулась и продолжила. – Он странный. Якобы не хочет учиться и не любит своих старших братьев.

– Если он, по твоему мнению, странный – не общайся с ним, – посоветовал отец.

– Я и не хотела, но и не могла. Мы с ним шли вместе за руку, и он постоянно болтал. А потом еще нас посадили за одну парту.

– В следующий раз не обращай на него внимания. Но скорее всего ты ему просто понравилась.

– То же самое сказала и наша учительница. Слава Богу, что он мне ни капельки не симпатичен. Не люблю врунов.

Всю дорогу до дому Виктория рассказывала родителям, какая эта замечательная школа с красивыми разукрашенными стенами, какой замечательный светлый и теплый класс с деревянными партами и стульями, окрашенными в синий цвет, какая замечательная учительница, какие замечательные ребята в ее классе, кроме одного.

Они пришли домой, переоделись в домашнюю просторную одежду, помыли руки, умылись, разогрели чайник, заварили чай с клубникой, разрезали на десять ровных кусочков слоеный торт со сгущенкой.

Съев по два кусочка и выпив по две чашки горячего чая, они легли на постель и сладко уснули.

Виктории снилось, что она летает над вздымающимися волнами океана, задевая пятками холодную воду. Она видела вдалеке, как из необъятных пучин океана высоко выпрыгивают дельфины. Как рядом с ними плывет огромный кит, выставляя из воды огромные черно-белые плавники, которые были похожи на проплывающие мимо паруса. Вика так увлеклась за передвижением кита, что не заметила, как ее держит за руку ехидно улыбающийся Илья. Вика вздрогнула и приказала ему отпустить ее руку. Он ее словно не слышал. Она стала сопротивляться и хотела выдернуть руку, но не могла. Он держал ее мертвой хваткой. Вика, не собиравшаяся сдаваться, стала колотить кулачками по его телу, чтобы он ее отпустил. Тщетно. Он повернул голову. И Виктория увидела, что с ней летит не Илья, а Домовой, который плачет от причиненной ему боли, повторяя одну и ту же фразу: «Зачем ты меня бьешь, мы ведь друзья?».

Она открыла глаза и не поняла, где она находится и что происходит. Через мгновение она осознала, что лежит в кровати в собственной комнате и что это был всего лишь страшный сон.

Вечером она рассказала Домовому и про школу, и про этот странный сон, и про ее одноклассника – Илью. Он ее выслушал и спросил:

– Я надеюсь, ты хоть в него не влюбилась?

– Он мне противен, – возмутилась Вика, после чего спросила. – А ты что ревнуешь?

– Я? Нет! Почему я должен тебя к кому-то ревновать? Мы же с тобой друзья и только.

– Признайся, что ревнуешь. Я уже хорошо тебя знаю. Когда ты врешь – ты краснеешь. Твое лицо говорит само за себя.

– Ладно, тебя не проведешь. – Он ухмыльнулся. – Я не столько ревную, сколько злюсь на него. Если бы он мне попался на глаза, я бы не струсил и показал бы ему, где раки зимуют. Вздумал он мою подругу обзывать и еще за косички дергать. Ухх!

– Ты такой смешной, когда злишься. – Она засмеялась. – Я его уже простила и больше не буду на него обращать внимания. Так что успокойся. Но мне приятно знать, что ты меня не бросишь в трудную минуту.

– А как же! Если он тебя еще раз обидит, ты мне только скажи, я быстро его проучу!

– Хорошо. – Она даже и не поняла, почему она его поцеловала. – Прости. Не знаю, что на меня нашло. – Виктория смутилась. – Это тебе благодарность за свою смелость.

– Ну и благодарности у тебя, – пробубнил Домовой, вытер щеку.

Глава 12

3 сентября 1997 года

Сделав домашние задания по грамматике и правописание, Виктория побежала на улицу поиграть в мяч.

Она уже отучилась три дня. И все это время Илья неутомимо ее спрашивал: «Не надоела ли ей учеба?». На что Вика отвечала, что нет, и не надоест, так как она получает огромное удовольствие сидеть за партой и слушать учительский голос, говорящий что-то новое, ранее неизведанное. Он фыркал, бубнил и отворачивался к окну, картинно показывая всему классу, как ему не повезло с Викторией, которая будет сидеть с ним за одной партой – целый год! Сколько бы Илья и Виктория не упрашивали Татьяну Викторовну, чтобы она их отсадила друг от друга, учительница начальных классов была непоколебима в своем решении, грозно и одновременно по-матерински ласково объясняя им, почему она приняла данное решение и почему она не хочет его менять. Поэтому Вики и Илье ничего не оставалось, как смириться.

Сев на пожелтевшую траву, окутанную сухими листьями дуба, Виктория увидела, как к ней идет вприпрыжку девочка в школьной форме с портфелем на плече и напевает веселую песенку про мамонтенка. Девочка, лет семи, приближалась к величественному дубу, думая, что ее никто не слышит, и продолжала петь. Тем временем Виктория внимательно всматривалась в ее красивое лицо и вспомнила, что где-то она ее уже видела. Виктория училась с ней в одном классе и подивилась тому факту, что раньше ее не видела на этой улице. Виктория хотела позвать ее к себе, чтобы поиграть с ней или просто побеседовать об учебе, но забыла, как ее зовут: то ли Саша, то ли Женя, то ли Светка. Вика решила притаиться в траве в надежде, что та ее не заметит – или наоборот: заметит.

Вдруг девочка, словно услышав мысли Виктории, остановилась возле поляны. Сняла белую сандалию с правой ноги, стоя на одной ноге, перевернула ее вверх тормашками, оттуда выпал маленький камушек, который звякнул, стукнувшись о пыльную дорогу. Надела сандалию обратно на ногу, она с облегчением вздохнула, встала на обе ноги и посмотрела на дуб, на пожелтевшую траву и на девочку, которая заворочено смотрела на нее, сидя в траве, держа в руках оранжевый пупырчатый мячик. Она помахала ей рукой, а когда внимательно присмотрелась, то увидела свою одноклассницу. Она подбежала к ней и плюхнулась в траву.

– Привет! Мы ведь с тобой учимся в одном классе?

– Привет! Да, в одном классе. Хотела тебя позвать к себе, поиграть в мяч, но забыла, как тебя зовут.

– Еще бы. Столько имен за три дня, как тут запомнишь. Меня зовут Полина. Для друзей Поля.

– А меня Виктория. Для друзей Вика.

– Приятно познакомиться. А ты что, здесь живешь?

– Да. Два месяца назад сюда переехали. А ты?

– Всю жизнь здесь обитаю. И не удивляйся, что ты не видела меня тут два месяца. Я на каникулы уезжала в другой город, к бабушке погостить. Там так классно! Каждый день купалась в озере. Правда, я по родителям очень скучала, даже плакала по ночам.

– А говоришь было весело.

– Ты не поняла. Грустно было иногда, а весело было все лето. Представляешь, я была в городе, в котором растет виноград, а так же арбузы и дыни – и никто их не ест! Зато я ела за четверых. – Она засмеялась.

– Не представляю. Я нигде не была, кроме нашего города.

– Нигде-нигде? – переспросила Полина.

– Да.

– Вот это грустно. Может, в следующие каникулы вы семьей поедите куда-нибудь отдыхать? Путешествие – это нечто незабываемое! Тебе надо обязательно попробовать.

– Может быть, попробую. Я обычно путешествую в придуманных мирах, представляя их в своей голове.

– Неее, это не по-настоящему. Это не то. Хотя я тоже так всегда делаю, когда мне скучно дома или на школьных переменах. – Она посмотрела на дом. – Красивый у вас дом. И поляна классная. И качель. Может, покачаемся? Или ты собиралась поиграть в мяч?

– Можно и покачаться. Давай ты – первая, потом через пять минут – я. А то вдвоем неудобно и страшно.

– Неее, так не пойдет. Давай вдвоем. По одной как-то не хочется. И чего тут страшного? Место нам с тобой хватит с лихвой. Мы же такие худенькие.

– Ну, давай. Надеюсь, мы не свалимся. – Они сели на качели, взявшись одной рукой за подвесную веревку, а свободной – обхватили друг друга за талии. – А ты не боишься замарать форму?

– А что ей будет-то? Не сахарная – не раствориться!

Они оттолкнулись ногами от земли и начали раскачиваться.

– Здорово! – закричала Полина, глядя на голубое небо.

– Не то слово.

– Как тебе школа, Вика?

– Мне нравится. Учиться – это здорово!

– Но и тяжело, – добавила Поля. – За эти дни я поняла, что будет, не так легко, как я думала. Тебе-то хорошо. Ты уже многое умеешь, и тебя любит Татьяна Викторовна.

– Неправда, – не согласилась Вика. – Она всех нас любит. Согласись, что она хорошая и ни капельки не злая, как учительница из 1а, которая бьет учеников указкой за непослушание и нарушения дисциплины на уроке? – Полина кивнула. – Единственный кто меня раздражает в нашем классе, так это задавака Илья Лопухов.

– Это тот мальчик, с которым ты сидишь? – поинтересовалась она. – Смешная у него фамилия – Лопухов. У него и правда уши большие. Он, наверное, лопух!

– Ага. Точно лопух.

– И почему он тебе не нравится? – поинтересовалась Поля.

– Он меня хочет убедить, что через месяц я буду ненавидеть школу и молить о том, чтобы снова оказаться в детском саду. Правда, ведь он глупый?

– Не знаю, – отвечала Поля. – Может быть он и прав. В садике мне больше нравилось. Теперь все к нам относиться как-то по-другому. По-взрослому, что ли?! Ругают, что бесимся, прыгаем, бегаем как угорелые на переменах, что сидим как вошки на уроках, что думает о волшебных сказках, когда надо думать о грамматике. А я, может быть, не хочу! Мне вот нравится мечтать на уроках. Ничто не могу с собой подделать. Признайся же, что в садике было в сто тысяч раз лучше и веселее?

– Я тебе скажу по секрету, что Илья только наполовину прав. Да в садике было лучше. Но то, что мне надоест учиться через неделю – этому я не верю!

– Я слышала, что он в тебя по уши влюблен.

– Неправда! Фу! – Виктория аж передернулась, представив, как Илья целует ее в губы. – Не нужна мне его любовь.

– А вдруг правда? Что ты тогда будешь делать?

– Стукну его, чтобы отстал, – не раздумывая, ответила Вика и Полина засмеялась. – Чего ты смеешься?

– Я просто представила, как он к тебе подходит, делают губки бантиком, – она говорила сквозь смех, – а ты ему вместо того, чтобы поцеловать, ударяешь его кулаком меж глаз или ногой меж ног...

Полина больше не могла говорить, так как они вдвоем засмеялись, представив в голове столь комичную ситуацию.

Смех лился по всей улице.

Мария посмотрела в окно, увидела, что дочь качается с «реальной» девочкой, обрадовалась и обратно ушла к газовой плите.

– Полина, а почему ты идешь из школы одна и так поздно?

– Одна, потому что родителей нет дома. Они на работе. Мама до семи вечера работает в магазине. А папа постоянно в командировках. Его вечно дома нет. А поздно потому, что ходила в магазин. Надо было купить обложки для тетрадей и учебников.

– Ты сама ходишь по магазинам? – спросила Вика, выпучив глаза от удивления.

– Ага. Я – самостоятельная девочка, – гордо ответила Полина.

– А тебя не боятся родители отпускать одну в школу и по магазинам.

– Может быть, и боятся. Но ты ведь понимаешь, у них выбора нет. Они работают. Они знают, что я справлюсь. И ты скоро будешь ходить одна по магазинам. Это так здорово! Если хочешь можно завтра сходить в магазин за брелками. Как ты на это смотришь?

– Я бы с радостью, но меня родители не отпустят.

– Спроси, – посоветовала Поля.

– Ага.

– А знаешь, с тобой здорово проводить время?

– Здорово, что мы учимся в одной классе. Постоянно будем видеться.

– Точно! А давай я сейчас сбегать домой, поем, переоденусь, сделаю быстренько уроки и приду сюда, и мы поиграем в «Снежану».

– В «Снежану»? Это как? Я не умею.

– Да я тебя научу, ты не переживай. Это игра в мяч. Очень веселая и простая. Мы играли в нее в детском саду. Ты может быть, в нее тоже играла.

– А ты когда придешь? Время уже четвертый час.

– Как сделаю домашку. Я тебе говорила, что я немного не понимаю...

– Если у тебя что-то не получится, – перебила ее Вика, – ты приходи сюда с черновиком. Я тебе обязательно помогу, а потом пойдем гулять.

– Я постараюсь сделать сама, но если у меня появиться вопросик, я у тебя спрошу. Ну ладно, Вика, я побежала домой. Я живу в предпоследнем доме от леса. Я тебе потом обязательно покажу. Ой-ой, все не могу, в животе все бурлит. – Она слезла с качели, отряхнула юбку рукой и ловко закинула портфель за спину. – Ох, какой он тяжелый. Ужас! Ну я побежала. До встречи, – она обняла Викторию, чмокнула в щечку и пошла домой.

– Пока, – ответила Вика, помахав ей рукой на прощанье и пошла домой, чтобы похвастаться маме – и по возможности Домовому – что у нее появилась новая подружка. Но тут с верхушки дерева упал камушек, скрывшись в желто-красных листьях дуба. Виктория обернулась и увидела Домового.

– Привет! Ты чего туда так высоко забрался. Спускайся. Может, покачаемся? – предложила она, глядя на расстроенного Домового.

– Может, и покачаемся, – он спрыгнул с верхушки дерева, приземлившись рядом с Викой.

– Ты почему такой сердитый? Не понимаю? Это из-за Поли?

– Может, да. А может, и нет.

Виктория видела по жестам и слышала по голосу, что он обиделся и скорее всего, пламенно ревнует ее к Полине, поэтому села вместе с ним на качель и как можно ласковее спросила:

– Снова ты меня ревнуешь?

– Ничего подобного.

– Ты ревнуешь меня к Поле, к моей новой подружке. Прости, но я не могу общаться только с тобой. У каждой девочки есть подружки. Так надо. – Он промолчал; Вика спросила. – Ты ведь не думаешь, что после того как мы с ней познакомились ты стал для меня уже не лучшим другом?

– А почему мне знать, что ты думаешь? Вам было весело.

Вика закатила глаза, обняла его и сказала:

– Ты глупенький! Ты навсегда будешь моим лучшим другом. Ты разве не помнишь наши с тобой расписки? Забыл? А вот я помню.

– Я тоже помню.

– А почему ты тогда так подумал?

– Сначала школа, сейчас подружка, которая будет с тобой каждый день играть, а потом какой-нибудь любовничек, вроде Ильи, с которым ты будешь ходить на свидания.

– Фу! Не говори мне про Илью. А то у меня сразу же настроение падает. Мне одного мальчика хватает. – Она подмигнула Домовому. – Свидание? Здорово это ты придумал! Когда ты меня сводишь на свидание?

– Я? – покраснев, спросил Домовой.

– Ну да, кто же еще-то? Не Илья ведь!

– Если ты захочешь, я с тобой отправлюсь хоть куда..

– Тогда решено. Когда меня начнут отпускать гулять одну, то ты меня сводишь на площадку. Договорились?

– Договорились. – Они пожали друг другу руки.

– Вот и здорово!

Так они болтали обо всем на свете до прихода Полины, которая бежала к Виктории с черновиком в одной руке и с футбольным мячиком – в другой.

– Пожалуйста, не уходи. Будь рядом и не прячься от меня. Я хочу тебя видеть. Хорошо? И не ревнуй? И не будь таким ворчуном?

– Хорошо-хорошо.

– Здорово подруга! Поиграем в футбол? Я мяч взяла, – крикнула Полина.

– Можно. Но у нас даже ворот нет, – ответила Виктория.

– И в чем проблема их воздвигнуть? Две палки – вот и тебе готовы ворота. А, Вика, проверишь у меня математику, а то я боюсь, что неправильно решила.

– Конечно, помогу. – Она взяла черновик в руки, раскрыла его и внимательно поверила.

– А кем это ты говорила? – спросила любопытная Полина.

– Да так ни с кем, сама собой.

– Поняла. Мечтала? С феями, наверное, общалась?

– Ага, – ответила она. – Ты...

– Ты спросила у мамы?

– Нет. Я даже не заходила домой. Ты...

– Что? И чего же ты делала одна на улице столько времени?

– Мечтала. Ты...

– Ну, ты даешь! Ой, прости, я все тебя перебиваю и перебиваю. Ты что-то хотела сказать?

– Да. Ты ошиблась. Два плюс три будет пять, а не шесть.

– Ой, точно. Какая я дурочка! А точно?

Виктория объяснила Полине, как решается это уравнение, на примере с яблоками. Полина поблагодарила ее за помощь, они съели по яблоку, потом по две мороженки, которые им принесла мама и только после этого они пошли играть в мяч.

Домовой с особым трепетом смотрел на двух дурачащихся девочек. Ему было немного грустно, что Полина не видела его. Ему хотелось с ней познакомиться и вместе с ними поиграть. Втроем.

В семь часов Полина увидела маму, идущую вдалеке по ухабистой, пыльной дороге, и побежала к ней, бросив игру. Обняла, поцеловала, взяла у нее одну сумку с продуктами, познакомилась с Викой. Потом попрощалась с Викторией, сказав, что зайдет за ней по пути в школу.

– Как тебе моя новая подруга? – спросила она у Домового, который слез с дерева и подошел к ней.

– Она веселая, не злая и...ну...я не знаю, как это объяснить...какая-то шустрая, – смущенно отвечал он.

– То, что она шустрая я с тобой согласная. Значит, Поля тебе понравилась?

– Да. Я бы тоже с ней поиграл в мяч. Жаль, что она меня не видит.

Глава 13

4 сентября 1997 года

Утро было хмурое и холодное. Моросил дождь. Облака пепельного цвета заволокли небо непроглядным одеялом. Виктория, выйдя вместе с мамой из дома, издала печальный вздох и побрела под зонтиком к дороге. Она посмотрела в другой конец улицы в надежде, что Полина идет по дороге навстречу к их дому. Ее не было. Только прибитая дождем ухабистая дорога, по обе стороны которой тянулись ровной линией серые одноэтажные и двухэтажные домики. Вика стало еще грустнее оттого, что лето так мгновенно растворяется в осеннем листопаде. Еще недавно весь мир цвел и благоухал, купаясь в пышной зелени, а теперь он на ее глазах умирает, увядает, засыпает на долгую снежную зиму.

– Почему грустишь, Виктория? – спросила мама.

– Жалко, что лето так быстро пролетело. Тебе мам не жалко, что все умирает?

– Жалко. Но чтобы выбросить эти мысли из головы, я говорю себя, что это ненадолго. Что через шесть-восемь месяцев природа снова оживет и все начнет расти, цвести и благоухать. – Она посмотрела на дорогу и увидела, что вдалеке идет женщина с ребенком. – Смотри, Виктория, кажется, к нам идет твоя подруга со своей мамой.

Мама Полины – Анна Сергеевна – была высокой, стройной женщиной лет тридцати, с длинными, вьющимися каштановыми волосами, большими голубыми глазами и родинкой возле пухлых губ. Ее худощавое тело обтягивал свитер серого цвета, длинные ноги – темно-синие пошарканные на коленях джинсы.

Полина и Анна Сергеевна были похожи друг на друга, как две капли воды. Подойдя к Виктории и Марии, которые с непростительной откровенностью обсматривали их, поражаясь такому сходству, они любезно поздоровались и представились.

Пока мамы обсуждали семейные проблемы и другие волнующие женщин темы, Виктория с Полиной вырвалась вперед, взявшись за руку, и Поля спросила:

– Классно, что наши мамы подружатся? Так мы будем видеться еще чаще.

– Здорово. Может, вы скоро придете к нам в гости отведать наше фирменное блюдо. Мясо по-казахски. Я умею его готовить, – похвасталась Виктория.

– Было бы классно, – ответила Поля. – Ты много что умеешь готовить?

– Пельмени, пирожки, пиццу, яичницу, мясо, макароны с сыром. Единственное, что не умею, так это варить супы. А ты?

– Я умею варить борщ и грибницу. А еще картошку жарить. Люблю картошку с курицей, приготовленную в духовке.

– Ммм. Пальчики оближешь, – добавила Вика. – Обожаю.

– Кстати, Вика, я тут вспомнила. Ты спросила разрешение у мамы?

– Я...я...совсем забыла у нее спросить. Честно, – оправдывалась Виктория. – Даже не знаю, как это у меня из головы вылетело.

– Значит, забыла. Странно. – Полина с явным недоверием посмотрела на Вику и задумалась. – Хорошо. Тогда я у нее сама спрошу. Раз ты боишься.

– Нет. Не вздумай. Я тебе не разрешаю, – воспротивилась Вика, но было уже поздно, так как Поля развернулась и спросила у Марии.

– Мария Николаевна, а можно сегодня после школы мы вместе с Викторией сходим в магазин «Королева», чтобы купить себе по наклейке и по брелку на ключи.

Мария на мгновение растерялась, не зная, что и ответить Полине, которая на нее смотрела умоляющими глазами.

– Полина, я сегодня хотела зайти за Викой после школы. Может, тогда втроем сходим? – предложила она.

– Но нам хотелось вдвоем. Вы не волнуйтесь, мы всего на пять минут и сразу же домой.

– А твоя мама не будет против? – спросила Мария у Полины.

– Нет, – уверенно ответила она, потом посмотрела на Анну Сергеевну. – Да ведь, мам?

– Если тебе не разрешить ты все равно убежишь. Она у меня очень самостоятельная, – сказала Анна, посмотрев на Марию. – Я думаю, их можно отпустить.

– Хорошо, – неуверенно ответила Мария.

– Можно? – недоверчиво спросила Виктория у мамы.

– Да.

– Я же тебе говорила, что все получится, – шепнула Полина.

Через несколько минут они стояли уже у школы. Мария сказала дочери, чтобы она была аккуратна, смотрела по сторонам, когда переходит дорогу без светофора, а там, где есть светофор, чтобы переходила только тогда, когда горит зеленый цвет, чтобы далеко не уходила и если что-то случится сразу же бежала домой, чтобы ничего не трогала руками. Виктория пообещала, что будет внимательна и осторожна. Они обнялись, Мария дала ей деньги на брелок, счастливая Вика в знак благодарности поцеловала маму и побежала вместе с Полиной в школу.

Мария и Анна остались одни.

– Грустно, что они так быстро растут, – сказала Анна.

– Мне не верится, что я ее одну отпустила в магазин.

– Вы не волнуйтесь. Все будет хорошо. Ладно, мне пора бежать на работу. Приятно было с вами познакомиться.

– А мне с вами, Анна, – сказала Мария. – Завтра возьму с собой поваренную книгу. Если что, вы мне напомните.

– Ой, Мария, у меня у самой памяти нет. До встречи.

– До встречи.

Они разбежались в разные стороны. Мария – домой, Анна – на работу в продуктовый магазин. Пошел дождь. Мария прибавила шаг, думая о том правильно ли она поступила, разрешив Викторией идти в магазин без ее присмотра? Не слишком рано ли?

А что если что-то...

Глава 14

11 сентября 1997 года

Для Викторией было невыносимо скучно сидеть на уроке, на котором учительница объясняла правило, которое Вика выучила еще летом. Поэтому она вместо того, чтобы смотреть на Татьяну Викторовну или, на худой конец, в тетрадку с белыми листками в линейку, Викторией искоса наблюдала за Ильей, который к ее большому удивлению усердно и прилежно учился и незаметно для всего класса стал звездочкой номер один, как и она сама. Викторией однажды сказала ему, что он влюбился в нее – в учебу. Илья, как непоколебимый воин, сражающийся на поле боя, заучивая необъятные просторы знаний, накопленными людьми за многие-многое годы, отрицал Викину версию.

– Чего смотришь? Переписываешь? – шепотом спросил Илья у Вики, когда она заглянула в его тетрадь.

– Вот мне делать-то нечего, – возмутилась Вика. – Я смотрела, как ты усердно учишься. И в очередной раз убедилась в том, что ты любишь учиться.

– Нет.

– Так-так. Кто у нас там разговаривает на уроке? Кому не интересен урок? Вике или Илье? – спросила учительница.

Учительница отошла от исписанной мелом доски, положила мел на стол и быстрой походкой подошла к парте, за которой сидела Виктория с Ильей, вопросительно посмотрела на них, давая понять, что ждет ответы на свои вопросы. Виктория залилась краской и опустила голову вниз, чувствуя взгляд Татьяны Викторовны.

– Простите меня, Татьяна Викторовна, это я во всем виноват. И...и в-в-ваш урок мне интересен.

– Если он вам интересен Илья, так соизвольте же мне ответить. Почему вы срываете урок своими криками и болтовней?

– Честное слово, Татьяна Викторовна, я не хотел срывать урок, я просто уточнил у Виктории кое-что по грамматике. Простите еще раз.

– Я тебя прощаю, Илья. Хоть ты и поступил опрометчиво, но нашел силы и храбрость извиниться. Поверьте, ребята, что не каждый способен извиниться за содеянное. В следующий раз, Илья, если тебе что-то будет непонятно, то обращайтесь ко мне, а не к соседу по парте, которого вы сбиваете с мыслей. Понятно? – Илья утвердительно кивнул. – Всем понятно? – спросила она у класса. Класс дружно ответил, что «да». – Хорошо. Тогда продолжим изучение...

– Спасибо, – прошептала Вика, не глядя на него. Ей все еще было стыдно. Он ничего не ответил.

Через десять минут прозвенела долгожданная перемена, и весь класс, как по волчьему зову, стал шушукаться, болтать и складывать вещи в портфель. После того, как Татьяна Викторовна сказала три заветных слова: «Можете быть свободными!», все почти одновременно выскочили из душного классного кабинета на свободу – в просторный и длинный коридор первого этажа. Который в одночасье превратился в нечто неопишное: словно ураган на побережье, вьюга в разгар зимней стужи, хлесткий шторм в разбушевавшемся океане, песчаная буря в безлюдной пустыне. Только вместо порывистого и оглушительного ветра туда-сюда бегали и мельтешили неугомонные дети. Они звонко смеялись, громко кричали, визжали и плакали, хлестко врезаясь в голые стены, падала на пыльный бетонный пол, встали, чтобы и дальше разрушать и сметать все на своем пути.

Наигравшись в ляпки с классом, Вика села на белый подоконник и посмотрела на улицу. К ней подошла Полина, села рядом, вытерла потный лоб платком и спросила:

– И чего это ты загрустила?

– Помнишь, сегодня на уроке Татьяна Викторовна заругалась на Илью?

– Так ему и надо. Нечего на уроках разговаривать.

– Он не виноват.

– Как это он невиноват?

– Это я с ним начала спорить. А он взял всю вину на себя. Может быть, он не такой странный и плохой, как мы думаем?

– Ты меня удивляешь, подруга. То его ненавидишь, то его защищаешь. Ты уж определись! – Она улыбнулась и ткнула пальцем Викторию в бок.

– Я хотела у тебя спросить, нужно ли мне к нему подойти?

– Не знаю, – откликнулась Полина, глядя на дурачащихся сверстников, которые через несколько десятков лет будут руководить страной.

– А как бы ты поступила, если бы оказалось в моей ситуации?

– Наверное, извинилась, – неуверенно ответила Полина. – Может, лучше еще поиграем? Успеешь извиниться.

– Нет. Я устала. Я пойду...

Виктория встала с подоконника и пошла к декоративному дереву, в огромном глиняном горшке, где Илья с тремя другими мальчишками что-то бурно обсуждали; Полина же побежала к ребятам, чтобы продолжить веселую игру.

– А тебе говорю, что у моего папы самая быстрая машина. Она разгоняется до трехсот километров в час, – доказывал Евгений Илье.

– Это разве скорость? Фигня все это! У моего папы машина разгоняется до шестисот км, – хвастался Вася, глядя на ошарашенные лица друзей.

– Да врешь ты все! – говорил Илья. – Нет таких быстрых машин. Я-то знаю!

– Откуда ты можешь знать? – не соглашался с ним Гена. – Во-первых, шестьсот – это еще мало. И, во-вторых, у меня есть один знакомый, который собрал в гараже из груды металла – сверхмашину, способную разгоняться до тысячи километров в час!

– Вау! – вскрикнул от возбуждения Евгений.

– Неужели это правда, Генка? – поинтересовался Вася.

– Конечно...

– Конечно, это ложь! – перебил Гену Илья, который больше не мог слушать этот бред. – Такую скорость развивают только самолеты. Да и то не все. Вы сами-то подумайте, какой нужен двигатель, чтобы разогнать машину до такой скорости.

– Откуда ты все знаешь? – злобно спросил Геннадий, недовольный тем обстоятельством, что его посмели перебить.

– В отличие от вас я все лето читал журналы об автомобилях и самолетах, – ответил Илья.

– Так ты же читать еще толком не научился, – ехидно подметил Вася.

– Ну и что. Зато я с легкостью могу отличить двести километров от тысячи. И говорю точно, Гена, сейчас нас обманывает и не краснеет.

– А может, ты нас обманываешь? Откуда нам знать? – выкрутился Гена и язвительно спросил. – А откуда у тебя эти журнальчики появились?

– Вообще-то они папины. Он любил технику. И я тоже.

– Я все понял, ребята, – Гена посмотрел на Васю и Евгения, – почему он не верит нам?

– Ну и отчего же? – поинтересовался Илья.

– Ему просто завидно. Да, завидно. У тебя нет ни машины, ни одежды, ни даже нового портфеля, а только братовский поношенный хлам. У тебя и отца нет. Где же он? Убежал от тебя?

Илья покраснел, насупился. Ноздри вздымались и опускались. В пустых глазах читалось злость и ярость.

– Не твое дело!

– Мистер Всезнайка обиделся. Иди-иди, поплачь, как девчонка, в подушку.

Они втроем засмеялись, провожая взглядом поникшего Илью, который начал всхлипывать.

– Зачем вы над ним издеваетесь? – возмущенно спросила Вика, глядя на них непонимающими глазами. Наивными глазами непорочного дитя, увидевшего как иногда жесток бывает этот мир. Как он несправедлив по отношению к слабым и обездоленным. Таким как Илья.

– Тебе какая разница? – сказал Вася. – Ты же сама говорила, что он странный. А теперь что вздумала его защищать?

– Дак они любовнички, – сказал Гена, и ребята заржали. – Иди, успокой своего дружка. Он такая плакса! Наверное, поэтому отец его бросил.

Илья остановился, сжал руку в кулаки, да так сильно, что они мгновенно побелели. Развернулся и побежал на Гену, плача и крича.

– Не смей говорить о моем отце! Он – хороший!!

Гена, Вася и Женя, увидев бегущего разъяренного Илью, в одночасье притихли и разбежались в разные стороны, чтобы не попасть под горячую руку.

– Он больной! – кричали они. – Он болен! Остановите его!

Илья поскользнулся и упал на пол. Виктория подбежала к нему, чтобы помочь ему встать на ноги. Но он ее оттолкнул и убежал со слезами на щеках в туалет, чтобы больше никто не увидел его слабость, его боль.

Прозвенел звонок на урок. Виктория застыла на месте, не зная, что ей и делать. То ли побежать в мужской туалет, успокаивать Илью, то ли пойти в класс, сесть за парту, словно ничего и не было. Она выбрала другой вариант. Виктория обратилась за помощью к учительнице, которая сидела за столом и читала учебник и рассказала ей о том, что случилось на перемене. Учительница ахнула и вышла из кабинета, хлопнув дверью. Было слышно, как каблук цокают по полу. Виктория посмотрела на притихший класс, ожидающий не иначе, как сильную взбучку.

Через минуту Татьяна Викторовна с железным, нечитаемым лицом зашла вместе с Ильей, держа его за руку. Хоть он и умыл лицо водой, все равно было видно, что он плакал. Класс озадаченно смотрели на одноклассника, который сел за парту, открыл учебник на нужной странице и уткнулся в нее.

– Сегодня вы меня разочаровали, – начала она. – Кто это сделал, опозорил не только себя, но и весь класс. Так как каждый ученик – это элемент мозаики, из которого получается ЛИЦО класса. И если кто-то ОДИН вздумал подло, жестоко и неблагоразумно выразиться, обзывать, драться и унижать тех, у кого нет того, что есть у других – значит, он искажает лицо класса. Делает его монстром. – Она поправила прическу. – Сегодня подвергся жестокому унижению Илья, над которым издевались и глумились Гена, Вася и Евгений. Прошу вас, славная троица, встать и выйти к доске. – Они продолжали сидеть, поджав «хвосты». – Ну и где ваш героизм, храбрость и смелость? Я жду три секунды, если вы не подойдете к доске, я позвоню вашим родителям на работу. Вот они обрадуются, узнав, что натворили их ангелочки. Не так ли? – Они встали и нехотя, еле волоча ноги, вышли к доске, опустив взор на пол, обшитый линолеум. Им было стыдно.

– Родителей вы еще боитесь. – Она подошла к ним ближе и спросила у каждого провинившегося. – Зачем вы обидели вашего друга, товарища, одноклассника? Зачем так низко пали, когда говорили об его отце такие мерзости? Вы хоть знали, кем он был!? – Они одновременно замотали головами. – Отец Илья – герой нашего времени. Он спас сотни человеческих жизней, когда воевал в Чечне. Его награждал сам Президент Российской Федерации медалью «За храбрость и отвагу, проявленную в бою». Он умер – героем и, прежде всего, человеком с добрым сердцем и огромной благородной душой. Вот он кто был. Чего же вы молчите? Чего же прикусили язычки? Нечего сказать? Евгений? Геннадий? Василий? – учительница села за стол, вытерла лоб платком.

Евгений с Василием зашмыгали носом. Геннадий стоял, насупившись, уши его были краснее раскаленного металла.

– Я так поняла вам нечего сказать. Тогда это мы обсудим с вашими родителями. А сейчас я хочу, чтобы вы извинились перед Ильей, сели на свои места и мы продолжили урок.

– Прости меня, Илья. Я не знал, что твой папа умер, – извинился Василий.

– И меня. Я поступил плохо. Извини, – извинился Евгений.

– И меня, – добавил Гена, злобно посмотрев на Илью.

– Илья ты их прощаешь? – спросил учитель.

– Да.

– Спасибо, Илья. Ты храбрый мальчик. – Она посмотрела на Гену, Васю и Евгения. – Можете садиться. С вами мы еще поговорим. А сейчас дети продолжим урок.

После этого Виктория не могла воспринимать информацию, которую хотела донести до них Татьяна Викторовна, которая была расстроена не меньше, чем Виктория.

Когда уроки кончились, Вика спросила у Ильи, как он себе чувствует. Илья ничего не ответил, сложил вещи в портфель и удалился прочь из школы. Вика расстроилась еще больше. Она винила себя в том, что произошло сегодня. Ведь именно она говорила классу, какой он странный.

Домой Виктория пришла в отвратительном настроении – даже не осталась с девочками после уроков попрыгать через резиновые колеса – и не хотела ни с кем говорить о том, что сегодня произошло, но ее внутреннее напряжение росло, как огромный огненный шар, который с каждой минутой было тяжело удерживать в себе. В итоге она не выдержала и рассказала о случившемся сначала Марии, а потом Домовому. Если Домовой отреагировал спокойно, да и то потому, что не понял, отчего же мальчики так были жестоки по отношению к Илье. То Мария восприняла эту новость как шокирующую. Для нее было дико, что первоклассники могут быть так неучтивы по отношению друг к другу.

Глава 15

12 сентября 1997 года

На следующее утро Виктория пришла в школу сонная как муха, так как не могла ночью уснуть, видя перед собой эту нелепую сцену снова и снова. Спор, колкие фразы, ярость, злость, боль. Она отчетливо видела, как Илья сжимает кулаки и бежит на них, падает на пол, ревет, отталкивает ее от себя и убегает в другое измерение, где страдает от невыносимой, душевной боли.

Сколько бы ни говорила учительница о героизме Михаила Ильича, горожане знали, что после службы по контракту он пришел не тем, кем был раньше. С орденами, медалями, деньгами, но без правой руки и с поврежденной нервной системой, которая постоянно давала сбои. Он не мог нормально держать ложку, ибо левая рука тряслась, как вибрационной молоток. Он мог неожиданно свалиться на пол и трястись в конвульсиях минут пять. Он не мог спать, так как ему каждую ночь снились убитые *духами* солдаты (его покойные друзья, которые погибли в двадцать лет из-за глупости чиновников, уничтожающий мир свои безрассудством и алчностью), убитые дети и женщины, которых они расстреливали и насиловали. Он стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь и ради чего? Ради медных побрякушек, которые сейчас пылятся в ящике с другим ненужным хламом? Ради бумажных денег, которые утекли, как вода сквозь пальцы? Ради того, чтобы постоять на одной сцене с Президентом, который через пять минут его благополучно забыл и не вспоминал? Ради чего? Ради того чтобы в тридцать три года спиться, подсесть на наркоту, стать бесчувственным «овощем» прикованном кресле-каталке и сдохнуть где-то на улице, в подворотне, вместе с бомжами?

Вика села за парту, вытащила учебники с тетрадами. Она смотрела то на входную дверь, окрашенную в белый цвет, то на часы округлой формы, стрелки которых неминуемо подступали к девяти часам. Ильи все не было.

Прозвенел звонок на урок. Илья так не пришел.

Когда закончился урок математики, Виктория подошла к Татьяне Викторовне и спросила, куда же запропастился Илья и все ли с ним в порядке. На что учительница ответила, чтобы она не волновалась за Илью, так как пошел к зубному врачу и по заверению матери должен придти ко второму уроку. Виктория с облегчением вздохнула и выбежала в коридор, чтобы встретиться с Илей.

За минуту до окончания перемены, в класс зашел Илья с опухшей губой от обезболивающего укола. Он поздоровался с учителем и сел за парту, тихо прошептал:

– Привет, Вика. Ты чего не здороваешься? Зазналась?

– Привет. Ничего я не зазналась. – Она уже хотела ему сказать, что ужасно переживала за него и не спала всю ночь, но благоразумно промолчала, спросив. – Ну и как у зубного?

– Ты еще спрашиваешь! Ужасно-ужасно! Его укол заморозил мою нижнюю губу, которую я и сейчас не чувствую. А знаешь еще, что самое ужасное, когда он взял блестящие плоскозубцы, закрепил их на молочном зубе и дернул с такой силой, что я во рту почувствовал вкус крови.

– Фу! Какая гадость! – поморщилась Виктория. – Терпеть не могу этих зубных врачей.

– Не ты одна их ненавидишь, знаешь ли.

– Они все какие-то садисты. Ты не замечал?

– Конечно, замечал! Ты скажи, какой нормальный человек пойдет работать туда, где нужно будет каждый день вырывать зубы? Только садист или маньяк. Я вот решил, что больше туда не пойду.

– А если другой зуб заболит?

– Буду терпеть. Раньше же люди обходились и без них.

– Когда это интересно? В Древние времена? – спросила она.

– Кстати, Вика, спасибо, – вдруг поблагодарил он Викторию.

– За что это? – удивленно спросила она.

– За то, что заступилась за меня.

– Да, пустяки.

– Я вчера был в ярости и оттолкнул тебя, когда ты мне помогала встать с пола. Извини. Я просто не хотел, чтобы ты видела, как я плачу. Извиняешь?

– Извиняю, – она улыбнулась.

Прозвенел звонок.

Глава 16

31 сентября 1997 года

– Мне не верится, что прошел уже целый месяц, как я учусь в школе, – поделилась своими ощущениями Виктория с Домовым, когда они сидели в межгалактическом туннели и любовались космическими красотами. – И знаешь, что самое отвратительное, что Илья оказался прав, когда говорил, что учеба мне надоест через месяц.

– Его больше не обижают? – поинтересовался Домовой.

– Нет. Хотя если по правде, то обижают и издеваются, но не так открыто, как раньше. Вот что страшно!

– Это как?

– Ну, например, обзывают его ботаником. Всезнайкой. Хомяком из-за его пухлых щек. Или выкидывают тетради в окошко. Или заберут резинку, а потом не отдают, кидая ее по всему классу. И всем-всем весело. Я тоже иногда смеюсь, а потом себя за это ругаю.

– И ты смеешься? – возмущенно спросил он. – Ты мне говорила, что он твой друг.

– Поэтому мне и стыдно за свои поступки. Ничего не могу с собой поделать, когда все смеются и резвятся.

– Ты должна останавливать их, а не поддерживать смех.

– Я не думала, что ты так будешь переживать из-за мальчика, к которому меня ревнуешь.

– Он мне понравился.

– Он тебе понравился? – удивлено переспросила Виктория.

– Все тебе нужно знать. Да, он мне понравился, потому что он скромный, как я. И вроде бы добрый и без каких-либо корыстных мыслей принес тебе шоколадку за то, что ты помогла ему разобраться с математикой, когда он пропустил урок. – Он замолк и добавил. – Так что, Виктория, помоги ему преодолеть неприятности. И не смейся над ним! Что же ты за друг такой-то?! – возмутился Домовой.

– Я обещаю, что помогу ему, – ответила Вика и спросила. – Ты сейчас сказал, что он дружит со мной без каких-либо корыстных мыслей. А кто это со мной так дружит? Поделись секретом? Неужели Полина?

– Я такого тебе не говорил. Ты сама так предположила. И вообще мне не верится, что мы с тобой дружим так долго. – Домовой быстро перевел разговор на другую тему.

– А ты хитрый! Значит, не хочешь говорить о Полине. Ну и ладно, – сказала она и ответила. – То, что мы дружим это не просто классно, а – СУПЕР. А что тут такого? Три месяца для дружбы – это пустяки! – Она махнула рукой.

– Пустяки, то пустяки. Но мы с тобой не просто друзья, а межгалактические друзья из двух разных миров, можно сказать – из разных вселенных.

– Ага. Ты не знаешь, кто-нибудь вообще дружил с Домовыми больше трех месяцев, кроме моего дедушки? – спросила Вика, глядя, как меркнет звезда на небосводе.

– Я не знаю. Никто мне об этом не говорит и вряд ли скажет. Неизвестно, может быть, вы с дедушкой только вдвоем и обладаете этим даром видеть то, что не видят другие, – ответил Домовой. Спросил. – Разве не прекрасен твой мир из глубин космоса? Таким он мне нравится еще больше. Голубой шарик среди черноты.

– Прекрасен, – согласилась Вика. – Странно, но этот голубой шарик мне кажется не реальным, потому что я привыкла его видеть по ту сторону облаков. Я вот тут подумала, ... а может мне рассказать о тебе Полине. Как ты на это смотришь? Я очень хочу с ней поделиться секретом. Так как у нас нет друг от друга секретов.

– Это мне и не нравится, что ты делишься с ней секретами, – ответил он.

– Кажется, кто-то сейчас признался в том, что еще полминуты назад скрыл...

– Да, – уверенно ответил он. – Ты дружишь с ней месяц и за это время ты решила за нее все контрольные и домашние задания, пока она где-то и с кем-то гуляет.

– Ты же сам говоришь, чтобы я помогала друзьям. Вот я ей и помогаю.

– Тогда тебе придется десять лет ей помогать, пока вы не закончите школу.

– И буду, если тебя это интересует.

– Не обижайся на меня, Вика. Я не хочу, чтобы мы ссорились из-за нее.

– А я и не обижаюсь.

– Я опасаюсь ее. Но если ты уверена в ней и не боишься поделиться нашей тайной, то я познакомлюсь с ней. Вряд ли, конечно, она меня увидит, но стоит попробовать.

После этих слов нахмурившиеся брови Виктории разгладились, сжатые губы в трубочку от злости распрямились и растянулись в широкой улыбке. Она посмотрела на Домового и поблагодарила за то, что он разрешил ей поделиться тайной и рассказать о нем Полине – ее лучшей подруги, которая хоть и плохо учится, но зато к ней так добра и мила, что у Вики не было ни каких оснований ее уличить в чем-то нехорошем и подлом.

– Ты уверена, что хочешь именно сейчас рассказать ей обо мне? Может, еще подождешь? Месяц? Просто если она тебе не поверит, пострадаю не я, а ты. Понимаешь?

– Да, – без доли сомнения ответила Вика. – Я в ней уверена. И ответь, пожалуйста, что ты там такое изучаешь, что стал таким умным? Все знаешь!

– Всякие неинтересные учебники, как и ты, – смутившись, ответил он.

Вернувшись с небес на землю (в прямом смысле этого слова) Домовой прыгнул на мягкую кровать Вики и зарылся под одеяло, сказав:

– Я чуточку подремлю, пока ты бегаешь за Полей.

– Хорошо, – ответила Вика, скрывшись за дверь. Топая, она забежала в мастерскую, где мама рисовала портреты, сказала, что пошла к Полине и через пять минут с ней вернется, так как хочет показать ей новую версию спектакля. Мария не стали возражать. Для нее стало привычным делом отпускать Викторию одну к подруге.

Прошло не больше получаса, как в комнату ворвались две веселые девчонки. Домовой так напугался, что чуть не свалился с кровати; он слез с нее и встал у окна, ожидая худшего.

– И зачем ты меня позвала? Я не вижу ничего удивительного и секретного? Обычная комната, в которой мы играли тысячу раз после школы.

– А вот и необычная. Самая что ни на есть волшебная комната, с помощью которой осуществляется вход в потусторонний мир. Точнее за задней стенкой платяного шкафа, что стоит вон в том углу. – Вика показала пальцем на шкаф. Полина продолжала ухмыляться. – За ним открывается длинный туннель, ведущий к самим звездам, в космос, вход в другую планету, где живут духи, обитающие среди нас. Домовые.

Полина не сдержалась и засмеялась.

– Почему ты смеешься? – спросила Виктория, чувствуя себя полной дурой.

– Прости, но я не могу слушать эту сказку и поверить в ее существование. – Посмотрев на разочарованную Викторию, Полина успокоилась и пообещала, что больше не будет над ней смеяться. – Продолжай.

– В моей комнате сейчас житель из другого мира. Домовой! – восторженно объявила Вика, словно представила на аукционе бесценный экземпляр.

– Это все шутка, Вика? Я никого не вижу, кроме тебя.

– Ты мне не веришь, поэтому и не видишь.

– Прости, я не вижу. Если ты надо мной хотела пошутить, то у тебя получилось, я практически поверила.

– Домовой помоги же мне, возьми ручку и подкинь ее в воздухе, – попросила у него Вика.

– Нет, – воспротивился Домовой, посмотрев на безразличное и одновременно веселое лицо Полины. – Она тебе не верит. Она над тобой смеется. Почему ты не замечаешь этого?

– Просто сделай то, что я у тебя прошу. Пожалуйста!

– Ты еще и с ним разговариваешь? – ехидно спросила Поля, закрывая рот рукой, чтобы не засмеяться снова.

– Он реален. Пожалуйста, Домовой!

Домовой взял ручку в руку и стал подкидывать ее вверх.

– Ты видишь-видишь! Как ручка без помощи рук летает в воздухе!

– Нет. Потому что ничто не летает в воздухе. И никто не стоит у окна. Ты это себе нафантазировала сидя дома, решая уроки. – Полина подошла к окну. – Видишь, я стою здесь. – Она прошла мимо Домового и встала рядом с ним. – Странная ты какая-та! – подытожила Полина, сев на ее кровать.

Домовой посмотрел печальным взглядом на Вику и прошептал:

– Она тебе не верит. Лучше скажи, что ты хотела с ней просто поиграть. Мне очень жаль, Вика.

Виктория опустила голову, подошла к кровати, села, обняла Полину и сказала ей, что она просто пошутила и просит прощение.

– Ты ведь не кому об этом расскажешь? – спросила Вика, когда они прыгали на кровати, жуя попкорн.

– Нет. Я уже забыла, – ответила Поля, приземлившись на попу, отчего мешок с попкорном выскользнул из рук и упал на ковер, усеяв его воздушной кукурузой, которая напоминала россыпь белоснежных одуванчиков на зеленом поле, уходящим далеко-далеко за горизонт. –

Ой, прости. Я просыпала попкорн. – Она слезла с кровати и начала собирать просыпанную кукурузу.

– Не страшно. – Виктория подошла к Полине, чтобы ей помочь. – Поля, а может сегодня, устроим пикник. Как ты на это смотришь?

– Только... – Она замолчала.

– Только что? – поинтересовалась Виктория.

– На пикник нужны деньги..

– Ты не волнуйся, у меня есть сбережения, накопленные за это лето. Сходим на *лысую* гору, разожжем огонь, пожарим сосиски с хлебом.

– Хлеб до черной хрустящей корочки?

– Ага. И все это запьем жгущей газировкой! Как тебе идея?

– Замечательная. А ты купишь чипсов «Лейз» со вкусом бекона? Так их хочется попробовать.

– Ты что никогда не ела чипсов? – удивленно спросила Вика.

– Мама мне их не покупает и не разрешает, чтобы я их покупала. Говорит, что они вредные для здоровья.

– Да глупости это все! Они не вредные, а очень вкусные, что аж пальчики оближешь. – Вика засмеялась и добавила. – Теперь я их обязана купить, чтобы ты насладишься этим чудесным вкусом.

– Классно! – восторженно сказала Полина, крепко обняв Вику и чмокнув ее в щечку.

Виктория проводила Полину до дверей, потом побежала в мастерскую, спросила разрешение у Марии, которая полностью погрузившись в ирреальный мир фантазий, выхлестывая ее на холсте бумаги под мелодичную музыку Моцарта, что лилась из черного приемника. Она не расслышала, что сказала дочь и машинально кивнула. Виктория, считав это знаком разрешения, побежала в комнату, чтобы достать из шкатулки деньги на пикник.

– Домовой, ты здесь? – спросила Вика. – Ааууу! – Молчание. – Домовый, ты снова прячешься и хочешь меня напугать? – Снова молчание, прерываемое разве только тиканьем механических часов и музыкой, льющейся, казалось, не из проигрывателя, а из самых потаенных мест человеческой души, наполненной любовью и сочувствием, болью и состраданием, красотой и гармонией, искренностью и детской, наивной непосредственностью. – Домовой, если ты меня слышишь, если хочешь, пойдём с нами. Я буду всегда держать тебя за руку и ни за что не отпущу. Домовой? Я знаю, ты здесь. Просто не хочешь со мной разговаривать. – Она замолчала, подождала. – Как хочешь! Ты сам отказался!

Она подошла к столу, открыла ящик, достала шкатулку, на крышке которой была изображена краснощекая матрешка, открыла крышку (заиграла музыка), взяла две хрустящие «десятки» и два железных «пяточка» и убрала шкатулку обратно в ящик. Сжав посильнее кулачок, в котором лежали деньги, Виктория забежала на кухню, достала из холодильника длинную веревку сосисок и положила их в зеленый пакет. В прихожей она взяла с тумбочки медную связку ключей, через кольцо которой был продет черный шнурок, повесила их на шею, вышла из дома, захлопнув дверь на щеколду и села на качели в ожидание Полины.

Через пару минут к ней подошла радостная Полина и они, взявшись за руки, побежали по пыльной дороге навстречу незабываемому путешествию.

Они зашли в продуктовый магазин, поздоровались с продавщицами и направились в нужный отдел, даже не взглянув на детские игрушки. На тридцать рублей они купили: двухлитровую бутылку «Спрайта», две упаковки «Лейза» со вкусом бекона и лука, две пачки сосательных конфет «Рондо» (которые, к слову, растворялись в газировке) и одну жвачку «Лов» со вкусом

дыни и банана. Сложив купленные продукты в пакет, они вышли на улицу с улыбкой до ушей и побежали наперегонки до перекошенного влево столба.

Дойдя до конца улицы Космонавтов, они посмотрели на возвышающуюся лысую гору, на которой не росло ни единого деревца, ни единого кустика, только пожелтевшая трава. И забыв об осторожности и подстерегающей опасности, побежали вверх по крутому склону прямо на самую верхушку горы, чтобы с высоты птичьего полета посмотреть на свой родной город.

Это того стоило. Синий, сверкающий бликами пруд тянулся по всему городу, разделяя город на два берега. На одном берегу возвышались бетонные, кирпичные дома и здания, церковь, заводы и фабрики, изборозжденные вдоль и поперек ровными дорогами. На другом берегу – деревянные дома, построенные посреди скалистой местности, усыпанной богатыми вечнозелеными лесами и бесконечно длинными полями.

Восторженно и мечтательно глядя на город, Полина и Виктория почувствовали себе вольными пернатыми птицами, парящими в голубых небесах; богами, восседающими на облаках, глядя на людскую смиренную жизнь.

Уединение и покой царил на вершине мира, которая отдаляла их – невинных созданий – от городской суеты и шума. И только непрекращающийся вой ветра завывал, нарушая земное благоговение, гордо гуляя по открытому простору.

– Это здорово! – закричала Виктория, стоя на краешке скалистой поверхности, раскинув руку в разные стороны; ее тело с головы до ног пронизывал холодный ветерок. – Я себя чувствую птицей, воспарившей высоко над землей. Вставай сюда, Поля.

– Нет. Я боюсь высоты. Ты бы лучше тоже подошла ко мне, а то стоишь на камнях, так и недолго улететь в обрыв. Крыльев-то у нас нет.

Виктория послушалась Полину и отошла от скалистого обрыва, села на выцветавшую желтую поверхность горы и стала вытаскивать содержимое пакета на землю.

– Поля, а ты спички не взяла? – спросила Вика.

– Нет. А ты?

– Я тоже забыла, – ответила Виктория. Полина засмеялась. – Что тут смешного? Хлеб-то не поджарить!

– Какие же мы дурочки! – через смех говорила Поля. – Пошли жарить хлеб с сосисками, а про спички даже и не вспомнили.

– Ага. Как и забыли, что на горе нам в жизни не развести костер с таким-то ветрищем! – добавила Виктория, взяв в одну руку газировку, а в другую две пачки чипсов. – Ладно хоть прикупили походной еды. – Она протянула Полине одну пачку. Потом открыла с характерным шипением крышку «Спрайта», облив сладкой водой джинсы, глотнула, поморщилась от сильных газов и ахнула от удовольствия, протянув бутылку подруге. Затем открыла свою пачку чипсов, понюхала, положила в рот тонко нарезанную дольку картошки и, почувствовав язычком незабываемый вкус специй, с хрустом ее съела.

Не жизнь, а блаженство!

Съев по пачки чипсов и выпив полбутылки газировки, Виктория и Полина повалились на землю; легли, положив под голову руки и стали смотреть на небо, разговаривая об учебе, об одноклассниках, о мечтах, обо все том, что их волновало, что тревожило, что радовало, что огорчало (о контрольных работах на уроках!).

Допив газировку, посасывая мятные конфеты «Рондо», они положили в пакет накопившийся мусор, и пошли домой, так как солнце стало заходить за линию горизонта. Еще один предвестник того, что лето растворилось в осенних лучах солнца.

– Надо будет повторить! – сказала с нотками восторга и радости Полина.

– Обязательно, – согласилась Виктория. – Надо будет сходить на гору тогда, когда ляжет снег. Кататься на санях или на мешках – самое то!

– Точно, – они приблизились к перекошенному столбу и свернули направо, на родную улочку.

Подойдя к дубу, скинувшему свою богатую красно-желтую мантию, они простились, поцеловались на прощание и разбежались в разные стороны.

Виктория открыла ключом входную дверь, весело подпевая, и увидела на пороге с неприкрытым лицом Марию, которая стояла, не шелохнувшись, уперев руки в бока (явно не к добру!). Увидев, как в дом заходит Виктория, она с воплями и со словами «Слава Богу!» подбежала к дочери, крепко-крепко обняла ее, поцеловала и невольно предалась нахлынувшим чувствам радости и облегчения.

– Мам, ты чего? – спросила Виктория, обняв маму. – Что-то случилось?

– И где ты была? – грозно спросила Мария, посмотрев на дочь. – Я чуть с ума не сошла. Всех соседей оббежала. Хотела уже в милицию звонить! – кричала на нее Мария. – Где ты была!?

– Как где? – не понимая, переспросила Вика. Мама не отвечала взаимностью и продолжала на нее сурово смотреть, ожидая получить ответ на поставленный вопрос. По ее лицу бежали градом слезы. – Мам, ты и правда не знаешь, где я была?

– Нет!!! – вскрикнула она.

– Но, мам, ты меня сама отпустила, – говорила Вика, чуть ли не плача. – Я сказала, что мы пошли с Полей на Лысую гору. В ответ ты мне кивнула.

– Я подумала, что ты пошла к Полине, – ответила Мария и обняла растроганную дочь. – Прости, прости меня за то, что накричала на тебя. Я так... так... переживала. Я так люблю тебя.

– Ничего мамочка, – ответила Виктория, шмыгая носом. – Я тебя сильнее люблю.

– Ладно, пойдем, умоемся. Негоже встречать папу в таком виде, – сказал Мария. – Мы ведь ему ничего не расскажем?

– Не расскажем, – согласилась Вика.

– Ну и как на Лысой горе? Красиво? – спросила Мария.

– Ой, мам, просто не забываем...

Голоса скрылись за дверью ванной комнаты.

Глава 17

1 октября 1997 года

Виктория шла в школу одна. Полина почему-то не дождалась ее и убежала пораньше. Съездившись от сильного, порывистого ветра, она аккуратно огибала глубокие лужи, чтобы не промочить ноги.

Моросило.

По пути она встретила с Ильей, который то ли шел, то ли летал где-то в облаках далеко от своей физической оболочки. Когда Виктория его догнала, и дотронулся до плеча, он вздрогнул и чуть не повалился в лужу. Вика засмеялась и сказала:

– Ну ты и бояка! Надеюсь, не описался.

– Нет, не описался. И я не бояка – это, между прочим, от неожиданности я вздрогнул.

– Ага. Так я тебе и поверила. – Виктория увидев, что Илья продолжает злиться, прекратила смеяться над ним. И спросила. – О чем замечтался?

– Какое тебе дело до моих мечтаний? Вы только и можете смеяться надо мной. Вам кажутся все мои движения, слова, поступками смешными до колик в животе. Или скажи, что это не так?

– Я над тобой никогда не издевалась, – запротестовала Вика. – Что за ложные обвинения в мою сторону!?

– Я знаю, что ты не издевалась. Ты делала хуже. Ты смеялась надо мной со всеми остальными ребятами в классе. Помнишь, вчера?

– Прости.

– Мне было неприятно осознавать, что мой якобы друг смеется надо мной...

– Я на самом деле не хотела. Я больше не буду. Клянусь.

– Клянешься своей жизнью? – спросил Илья.

– Клянусь, – уверенно ответила она.

– Ты поклялась. Не забывай.

– Не забуду. Дак что там у тебя с мечтами? Я видела, что ты шел в школу, мечтая о чем-то. Выкладывай.

– Так мелочи. Это все из-за моего сна, – застеснялся Илья, махнув рукой.

– Тем и интересней, – подбадривала Виктория Илью.

– Ничего там нет интересного.

– Ну, расскажи, – умоляющим голосом просила она. – Пожалуйста.

– Хорошо. – Он сдался, не смог совладеть с обаянием Виктории. – Мне сегодня приснилось, как мы с тобой катались на роликах.

– Я тебе еще и снюсь?

– Ты слушай дальше, а то я передумаю и ничегошеньки тебе не расскажу.

– Все я молчу.

– Причем катались не на обычных роликах, а на летательных.

– На летательных? – изумилась Вика.

– Ты же сказала, что будешь молчать. В общем, мы парили в небе, как птицы, делая немислимые кульбиты, не боясь падений, так как земля была мягкой, как сладкая вата.

– Класссс... – мечтательно прошептала Виктория.

– А то! Мы могли улететь хоть куда, не нуждаясь в крыльях, не нуждаясь в магической силе, какой пользовался Питер Пэн, когда улетел от родителей в страну вечной молодости. – Он задумался и продолжил. – Мы с тобой улетели из города. Здорово, да?!

– Да, – восторженно сказала Вика. – Хотела бы я такие коньки заиметь и летать как птица.

– Не ты одна. Поэтому я сейчас шел всю дорогу от дома до школы и думал, как сконструировать такие волшебные ролики. – Они зашли на территорию школы, пройдя мимо открытых металлических ворот, окрашенных в жуткий коричневый цвет. – Ты меня, между прочим, сбила.

– Прости. Откуда мне было знать, о чем ты там думаешь, – сварливо говорила Вика, потом спросила. – И чего ты там надумал?

– Ты, наверное, считаешь это глупостью и будешь смеяться...

– Помнишь, я поклялась своей жизнью, что больше не буду над тобой смеяться. Так что выкладывай, – поторапливала его Вика.

Они подошли к крыльцу школы.

– Я подумал, может, в ролики нужно положить крылья голубей, обмазать их магической эссенцией...

– Чем-чем? – перебила его Вика, заходя вовнутрь теплой школы.

– Ты что не читала о волшебниках? – Виктория помотала головой. – Ты даешь! Хотя неважно!

Они сняли курточки, подали их недовольной гардеробщице, которая им дала две бирки. Они пошли по длинному холлу. И Илья продолжил рассказывать:

– Эссенция – это раствор, состоящий из корня березы, ягод брусники или ежевики, ростка воздушного цветка, растущего в заснеженных горах Тибета, лапок лягушек, сердца осьминога, – Вика поморщилась, – длинного хвоста крысы, волоса летучей мыши-кровопийцы.

И внимание, – он сделал паузы, – из человеческой крови. Потом все это смешивается водой и получается – волшебство!

– Гадость какая!

Виктория аж передернуло, когда она представила, как этот котелок вариться на огне и какие из него извергаются зловония.

– Я забыл еще упомянуть, что нужны двадцать три рыбьих глаза.

– Фу! И где ты этому научился? Волшебству? – ехидно поинтересовалась она. Они приближались к кабинету, дверь которого была открыта. На серый пол падала полоска яркого света.

– Из книги «Школа магов»! – с гордостью ответил он. – Я ее купил недавно и готов покрывать мир своими летательными роликами.

– Я не сомневаюсь, что ты его покоришь. Только вот, где ты возьмешь все эти ингредиенты? – поинтересовалась она.

– Это будет посложнее. Но я уверен, что тот, кто ищет, всегда найдет. И я найду! Чтобы создать то, чего еще никогда не было. После этого великого изобретения все-все меня полюбят, и никто не будет надо мной смеяться.

Она зашли в класс. Учительницы не было. Одноклассники, увидев их, засмеялись.

– Чего смешного увидели? – вспыхнул Илья.

– Тебя, – сострил Гена и засмеялся; весь класс подхватили его жуткий смех, больше напоминающий ржание обезумевшего коня. – И твою подруга, которая оказалась, переплюнула тебя по странностям.

– Не поняла, – сказала Виктория, вздрогнув, когда посмотрела на Полину.

– Прости меня, Виктория. Я не хотела, – извинялась Поля.

– За что?

– Твоя подруга рассказала нам твою тайну, – съехидничал Геннадий, подкидывая вверх переливающуюся фишку.

От этих слов Виктория чуть не упала в обморок. Лоб покрылся испариной, по телу пробежали капельки пота, лицо побелело, уши загорели. Ей казалось, что это только сон. Сначала этот невероятный рассказ Ильи о летательных роликах и об ужасном волшебном растворе. А сейчас Геннадий говорит о том, что знает ее секрет, их с Домовым секрет.

– Я не понимаю, – выдавила из себя Вика, пытаясь унять дрожащий голос, – о чем ты таком говоришь?

– Не прикидывайся. О твоём друге. О Домовом, что прилетел из глубин космоса в твою комнатку и живет теперь с тобой по соседству, – сказал Гена, и весь класс вздрогнул от необузданного смеха. – Моя пятилетняя сестренка и то умнее тебя будет.

– Полина, зачем ты им рассказала? – спросила она, покраснев от смущения. – Зачем так поступила со мной? Что я тебе плохого сделала?

– Я не думала, что об этом узнает весь класс, – отвечала она. – Я только рассказала Лене, чтобы чуть-чуть похихикать с ней. А потом...

– Ты смеялась за моей спиной? И сейчас тоже смеешься.

– Прости. Прости.

– Зачем ты со мной тогда дружишь, если предаешь, говоря про меня всякие гадости? – спросила Вика у нее, почти плача.

Класс замолчал, наблюдая с неподдельным трепетом за ссорой двух подружек.

– Я...

– Неужели ради того, чтобы я тебе решала домашние уроки?

Лицо Полины покраснело. Брови нахмурилось. Ноздри вздымались и опускались. Наконец она сказала:

– Да, ты права. Именно поэтому и дружила с тобой, ботаник.

Виктория молчала. Она онемела от боли, которую ей причиняла ее лучшая подруга своей подлостью и жестокостью. Тело задрожало и покрылось мураш-ками. Ей было тяжело дышать. Все кружилось в безумном танце необузданной вакханалии. Ей казалось все сюрреалистичным, ненастоящим. Словно она попала в Зазеркалье или в другую выдуманную страну. На глазах выступили слезы. Класс заморожено смотрел на нее.

Виктория закрыла лицо ладошками, села за парту и зарыдала.

– Зачем вы так? – спросил Илья и указал пальцем на Гену. – Это все ты!

– Да, я. И что? Что ты сделаешь? Подожди, я понял, ты опять расплачешься как девчонка. Да?

Илья улыбнулся и стремглав побежал на Гену и со всего взмаху ударил его кулаком по лицу. Гена взвыл от невыносимой боли и упал на пол. Из носа хлестала алая кровь. Девчонки завизжали. Мальчики онемели, глядя, как извивается от боли их одноклассник и как плачет второй от содеянного поступка в порыве гнева и ярости. Стук каблучков участился. Через мгновение в кабинет забежала учительница и подобно классу на секунду онемела оттого, что увидела. Но собравшись с силами, подбежала к Гене, взяла его на руки и побежала к врачу.

Чок. Каблук. Чок. Каблук. И тишина, нарушаемая лишь всхлипыванием.

Илью отчислили за агрессивное, жестокое и аморальное поведение, которое было никак неприемлемо в святых стенах интеллигентной и высоконравственной школы.

Вика перед уходом Ильи в другую школу извинилась за все те гадости, что она делала. Он ее простил и сказал, чтобы она не переживала из-за этого пустяка и признался, что он был влюблен в нее с самого первого дня, когда учительница поставила их вместе на линейке. Вика мгновенно покраснела, а Илья от нее убежал.

Виктория смотрела на Илью и в очередной раз убедилась, что он добрый и храбрый мальчик. Ведь именно он за нее заступился, когда все смеялись, а она плакала. Именно он храбро рассказал учительнице о содеянном поступке Гены и Полины, объясняя свою агрессивность. Именно он ей помогал пережить случившееся. Именно он – единственный – кто поверил Виктории в то, что она познакомилась с инопланетянином с другой планеты, с Домовым.

Так они и расстались.

Друзьями.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Жизнь шла своим чередом, да и так стремительно, что Виктория не могла свыкнуться с простой мыслью, что первый класс убежал, как весенний ручеек, и теперь в оковах беременного времени годы, проведенные за школьной партией, приручили не считать классы.

Виктория не могла привыкнуть к тому, что рисование и игры в куклы отошли на второй план. Даже пьесы не писались, как раньше, словно творческая муза осталась в далеком детстве – в детстве, которое Вика вспоминала с умилением, ибо только тогда она не боялась мечтать и летать в облаках, веря в сказочных принцев, фей, единорогов.

На первый план вышла учеба, спорт и дружба. Она и сама не понимала, как могла умудриться влюбиться в чисто мужской вид спорта – в баскетбол. Когда все ее школьные подружки записывались в кулинарные, краеведческие, геологические, театральные, танцевальные кружки, она уже всю чикала мячик и чувствовала, что живет, когда играет. Многие ее звали записаться в музыкальную, балетную школу или, на худой конец, в бассейн. Виктория

никого не слушала и занималась тем, что ее нравилось. Благо, что родители Вики понимали дочь и никак не препятствовали желаниям дочери. Наоборот их чрезмерно радовало, что их дочь занимается спортом, который, несомненно, закаляет в человеке характер – сильный и своевольный. Да и любому родителю лучше осознавать, что их дочь в зале, нежели шарахается на улицах греха и разврата.

Конечно, Виктория не только занималась грубым мужским спортом (она, к слову, так не считала!). С четвертого класса она начала вести дневник, в который записывала обо всем, что ее волновало и радовало, разукрашивая его разноцветными рисунками или вырезками из журналов. На каждой страничке красовалось слащавое и юное лицо Леонардо Ди Каприо, в которого она была по уши влюблена после просмотра легендарного «Титаника», где актер играл ангела воплоти.

Вскоре после дневника девчонки из секции научили ее плести фенечки. Плетение расслабляло после тяжелых тренировок. Вика, в свою очередь, обучила этому искусству Домового, который с особым рвением и усердием плел из ниток и бусинок простые, как он говорил, разноцветные ожерелья, чтобы удивлять Вику. Но потом он незаметно перешел на картины и чуть ли каждую неделю дарил их Виктории. Больше всего Вика любила картину, где был изображен белый лебедь, грациозно плавающий по гладкой поверхности кристально чистого озера в глубине лесных рощ; в озере отражались облака и небеса. Эту картину Домовой ей подарил на день рождения.

Шли годы.

Незаметно, беззвучно, неуловимо.

Падал снег, покрывая Землю белоснежным, сверкающим и мягким одеялом. Потом таял, превращаясь в ручейки, оголяя серую землю, чтобы она вновь возродилась из царства сна и забвения. Начинали цвести яблони, цвела сирень, набухали почки на березах, проклевывалась трава на лужайках, запевали песни соловьи и жаворонки, стрекотали сверчки, жужжали комары. Потом опадали желтые листья. Увядало все живое. И снова снег...

Звенели звонки с перемены на урок, с урока на перемену. Открывались новые знания, некогда покрытые мраком. Знания, которые помогали разобраться Виктории в элементарных вещах, стать на ступеньку разумнее и взрослее.

И по пришествию шести лет Виктория с Домовым были столь же неразлучны, как будто только вчера познакомились. Не было ни обид, ни глупых ссор из-за пустяков, ни ревности, ни подлости, ни лжи и обмана. Они доверяли друг другу во всем и знали друг друга настолько хорошо, что догадывались, о чем думает каждый из них.

Что Виктории, что Домовому доставляло лишь удовольствие их беззаботное и открытое общение, основанное на доброте и уважении. Только Домовой понимал по-настоящему Викторию, а она – его. Если Викторию что-то мучило или беспокоило, она бежала к нему и рассказывала ему о своих проблемах, переживаниях. Как, например, бесконечные терки с одной девчонкой из параллели, которая при любом удобном случае издевается над ней, глумится. Это была Полина!

Домовой, в свою очередь, тоже всё рассказывал Виктории: все, что терзало его душу по ночам. После пятого класса ему стали сниться разные кошмары – ночью он бредет по неосвещенной улице, видит дом, из которого льется желтый свет, стучится. Дверь медленно открывается и оттуда выскакивает страшный монстр без рук и ног. Он нападет на Домового и пытается перегрызть ему горло острыми, как бритва, зубами. Но Домовой отталкивает его и вбегает в дом, чтобы скрыться от жуткого монстра. В доме – тишина и спокойствие. Он поднимается на второй этаж и видит, что за ним из темноты следят тысячи глаз. В эту же секунду из мрака выскакивают монстры и раздирают его. После этого он просыпался. Были и другие сны. Но этот всплывал чаще обычного. Когда Домовой рассказывал об этом Виктории, он всегда дрожал и был на грани слез.

С годами они перестали бояться других духов, живущих среди людей. Они стали путешествовать, держа друг друга за руку, чтобы никогда не потеряться. Летом они ходили в лес по грибы; в цветущие парки, чтобы посидеть на зеленой поляне вдаль ото всех и просто поговорить, помечтать, поразмышлять о тех вещах, которые их раньше не интересовали (дружба, предательство, любовь). Бывало, они целый день гуляли по городу, заходя в музеи, в галереи, где Домовой себя чувствовал как дома и мог часами смотреть на одну картину, рассматривая каждую неуловимую подчас деталь на старинном холсте. Зимой они катались на коньках, когда пруд покрывался толстой корочкой льда, играли в снежки, катались на мешках на Лысой горе, ходили в кино. Домового до глубины души впечатлила игра Ди Каприо, поэтому он стал более лояльно относиться к этому актеру, который бесчестно забирал Викину любовь.

Конечно, подружки по школе и по баскетбольной секции на нее косо смотрели; с явным и открытым пренебрежением, изумлением, когда она отказывалась от их веселого общества в пользу того, чтобы сидеть дома и непонятно, чем заниматься.

Виктория после случая с Полиной поклялась, что больше никому и никогда не расскажет о Домовом.

Это было правильное и разумное решение. Со временем у всех ее знакомых подружек начисто пропала фантазия, и одно упоминание о духе из Иного мира могло вызвать новую бурю смеха и волну непонимания, вследствие которых образуются непроницаемые стены, через которые Викторию никто бы не стал слушать, и уж тем более общаться. А только избегать, так как в нашем современном обществе картина такова: если ты не похож на других, таких же инкубаторов, выращенных в среде всемирного «комбината», то ты в одночасье становишься для общества – психом, от которого нужно немедленно избавиться, которого нужно закрыть от мира «нормальных» людишек. А еще лучше – раздавить как навозного жука.

Виктория это понимала. Понимала, что лучше некоторые тайны закрывать на ключ, хранить, оберегать от других. Один раз она сделала ошибку, но тогда она была семилетней девочкой. Теперь же цена ошибки могла стать для нее роковой. Ибо она уже не девочка, а тринадцатилетняя девушка, способная вынашивать ребенка в своем животе (этим обстоятельством она очень гордилась, хоть ей это и не приносило ничего, кроме боли). Через пару месяцев ей и вовсе исполнится четырнадцать, а ее братику Василию, который еще не давно был трехкилограммовой малюткой и постоянно кричал, когда мама оставляла его одного, исполнится шесть лет.

И вот тут нужно сказать, что однажды Виктория чуть не проболталась о Домовом Василию, который увидел, как она разговаривает сама с собой в своей комнате, плетя фенечки. Но она в последний момент передумала. Вспомнив, что рот у брата чересчур болтлив и заносчив, он мог ненароком рассказать родителям о Домовом, который Марию и Константина пугал и страшил хуже любого монстра воплоты. Поэтому Вика наплела брату, что все девочки такие дурочки, что любят болтать сами по себе.

Он возмутился, фыркнул, прыгнул на кровать и сказал:

– Знаешь, а мне кажется, что я слышал чужой голос. Ты что еще и голос меняла?

– Нет. Тебе, наверное, показалась, – ответила Вика, вопросительно посмотрев на обескураженного Домового, который понимал, что это должно было случиться.

– Вика, ты только не смейся надо мной. Ладно?

– Смотря над чем. Ты вечно меня смешишь своими невероятными историями.

– Сейчас все серьезно. – Вася сделал серьезное выражение лица, сморщив брови и лоб. Вика чуть не засмеялась, сдержалась, прикрывая лицо рукой, якобы, кашляя. – Можешь мне не верить и говорить, что я придумываю. Но я и вправду – честно-честно – слышу уже вот как три дня голос и чую запах гнилой рыбы. А вчера вечером я увидел КРАСНЫЕ глаза возле твоего платяного шкафа.

Виктория аж вздрогнула от таких точных подробностей.

– Ты...ты...что тоже видела эти глаза!?

– Почему ты так решил?

Виктория продолжала плести.

– Я видел, что ты вздрогнула. У нас что, живет злое привидение? – Он внимательно оглядел комнату и устремил взгляд на платяной шкаф. – А что, если он там? Сидит и ждет в твоём шкафу, когда бы наброситься на нас?

– Не придумывай, – осекла его Виктория. – Никого здесь нет, кроме тебя и меня. И кто тебе сказал, что привидения причиняют зло людям?

– Из фильмов, откуда еще-то! Они только могут, что убивать.

– Ты слишком много смотришь фильмов, тебе так не кажется?

– Нет. Много фильмов не бывает, – возразил Вася и продолжил. – Жаль, что ты меня не понимаешь и не чувствуешь, что чувствую я. А чувствую я, сейчас, что твоя комната пропахла рыбой.

– Да мне-то как раз таки повезло, что я не чувствую запах рыбы в отличие от тебя. Кстати, я тоже давным-давно догадалась, что в моем шкафу живет злой дух, который незаметно крадется все ближе и ближе...

Вика схватила руками брата за выпячивающееся пузо и начала щекотать. Вася звонко засмеялся, упав на кровать.

– Вот ты и попался! – зловеще сказала сестра, щекоча то ребра, то подмышку, то шею, то пяточки брата.

– Вик. Ну, хватит! – кричал брат, продолжая смеяться. Виктория отпустила его. – Ты что, поверила? – Освободившийся Вася налетел на Викторию и стал ее щекотать.

После пятиминутного кувыркания на кровати, мини-боя пуховыми подушками и одного удара лбами, они, счастливые и запыхавшиеся, легли на взъерошенную кровать, и Вася сказал сестре:

– И все-таки я тебе не завидую.

– Ты опять за старое взялся? И чему ты не завидуешь?

– Тому, что ты живешь в комнате вместе с монстром.

– А ты никогда не задумывался о том, что, может, я держу в плену твоего монстра и не выпускаю его на волю. Может быть, я и есть МОНСТР?

– Какой из тебя монстр? – засмеялся Вася. – Только Белоснежек и играть.

– Это что получается, ты меня считаешь совсем не страшной? – Она оскалила зубы, как вампир, перед укусом.

– Ой, нет! Только не строй такие рожицы. Ты же знаешь я их... – Вася смолк, спрыгнул с кровати и побежал к двери.

– Что? Куда это ты? – Виктория пошла за ним легкой походкой. – А я тут подумала. – Она почесала подбородок. – Может быть, мне тебя съесть?

– Мама! Спаси меня! – закричал брат и стремглав выбежал из комнаты. Виктория побежала за ним.

– От меня не убежишь, – злостно засмеялась Вика, словно ведьма из мультика. Вася спустился на первый этаж и вбежал в большой зал, где мама лежала на диване и смотрела телевизор, а папа спал, похрапывая.

– Мама! Меня Вика пугает! – закричал Вася, когда забежал в комнату. – Тише, мам. Не говори, что я здесь. – Он спрятался за спинку дивана.

– Хорошо! – шепотом ответила Мария сыну. Константин продолжал похрапывать, несмотря на шум и крики.

– Ну и где он? – спросила Вика у мамы. – Я слышала, что он на меня жаловался. Ах, этот ябида! Ей-богу, хуже девчонки. – Виктория чуть не засмеялась, когда услышала шепот недовольного брата, который что-то бормотал себе под нос, неуклюже спрятавшись за диваном;

копна его золотистых волос торчала из-за спинки. – Неужели спрятался? А где же он, а? Мам, не подскажешь?

– Так будет нечестно. Ищи сама, дорогая, – ответила Мария, подмигнув Вике, и снова устала в телевизор.

– Ладно. Где бы ты ни был, я тебя найду! – Виктория принялась рыскать по комнате. – Странно в шкафу он не прячется, как и под диваном, под ковром, под пледом, за шторами, за дверями. Его даже нет в том темном углу, где он обычно любит прятаться от меня. Где же он? – возмущенно спрашивала Виктория у комнаты. Василий приглушенно смеялся. – Мамочка, а он может быть за тобой?

– БУууу! – Крикнул Вася. Виктория притворно испугалась и картинно вздрогнула. – А я тебе напугал-напугал! – Вася прыгал от радости.

– Да, ты меня напугал. Я думала, сердце уйдет в пятки. Но это не отменяет моих планов: съест тебя, – сказала Вика и снова изобразила монстра.

– Аааа! – закричал на весь дом Василий, проскочил мимо сестры и выбежал из комнаты. – А ты попробуй, догони! – Послышался где-то вдалеке звонкий голос.

– Виктория, не переусердствуй, когда пугаешь своего брата. Хорошо? А то так и до заики недалеко, – устало сказала мама.

– Хорошо, мам, – ответила она и засеменила за братом.

Наигравшись в его маленькой, но уютной комнате – они собрали конструктор ЛЕГО, сыграли в войнушку с миниатюрными, зелеными солдатыками и послушали детские песни – Виктория вышла из комнаты уставшая, обессиленная и вся потная, как будто отыграла два тайма в баскетбол. На секунду задумалась: «До чего же он шустрый и бойкий! Неужели я была такой же... когда-то давным-давно!?».

С такими мыслями она зашла в ванную, умылась, заранее почистила зубы, причесалась и, вспомнив о Домовом, быстрым шагом направилась в свою комнату.

Когда она зашла, скрипнув дверью, он вальяжно лежал на ее кровати и о чем-то задумался, не отрывая глаз от белого потолка. Она закрыла дверь на щеколду.

– И о чем ты задумался? – спросила она у него, легла на кровать и тоже стала смотреть на узорчатый орнамент потолочной плитки.

– Да всякие глупости лезут в голову, когда остаюсь один, – ответил Домовой и спросил. – Кажется, твой брат обладает даром видеть нас или, по крайней мере, меня. Через пару дней он раскроет наш секрет. Что мы тогда будем делать?

– А что в таком случае сделали мы? Познакомились. И скоро нашему Васеньке придется пожать руку большому дяденьки из платяного шкафа. – Вика улыбнулась Домовому. – Правда, здорово? В нашей компании появиться новый друг, которому ты сможешь показать космические красоты и подарить свою любовь, как ты даришь её мне.

– Это понятно, что мы познакомимся. Меня интересует нечто иное. Я не хочу его напугать, когда его глаза прозреют и он увидит мой зловещий лик около платяного шкафа. Ты меня понимаешь? – Вика кивнула. – Может, ты ему откроешь нашу тайну завтра, когда никого не будет дома?

– А почему такая спешка? – поинтересовалась она.

– Потом, возможное, будет поздно. Ты же не хочешь, чтобы твой брат...

– Я поняла твою мысль, – перебила его Виктория.

Повисла тишина. Домовой снова замолк, глядя в потолок.

– И все же, о чем ты задумался? – спросила Вика, глядя на него.

– Я уже сказал, что о всяких глупостях. Все мечтаю то об одном, то о другом.

– Не ты один такой, знаешь ли. Я вот мечтаю, чтобы мы завтра победили и стали триумфаторами турнира. Мечтаю поднять над головой позолоченный, почетный кубок. Мечтаю,

чтобы моей игрой восхищались все, в особенности ты и мои родители. Я хочу, чтобы они гордились мной, – тараторила она.

– Они и так гордятся, – перебил ее Домовой и спросил. – О чем еще?

– Мечтаю о новом мобильном телефоне с сорокатоновой полифонией и ярким цветным дисплеем. Мечтаю о белой длинной кофточке с кружевами и высоким теплым воротом, о красно-белых кроссовках «Пума» с амортизаторами и неоновыми шнурками за пять тысяч рублей. – Домовой аж свистнул от такой бешеной цены за одну пару кроссовок. – О новом шелковом, голубом платье, о дорогушем золотом кольце с огромным алмазом, о золотой цепочке, о новых серьгах. Знаешь, я могу перечислять до бесконечности. Вспомнила, я мечтаю сейчас о горячей и вкусной пицце с сыром. Мммм. Пальчики оближешь.

– Даа. Много же у тебя желаний. Мечта за мечтой, – прокомментировал он.

– Это еще не все. Я тебе рассказала только самую маленькую часть из того, о чем я мечтаю днями и ночами, – пояснила Вика.

Домовой замолчал, продолжая смотреть в одну точку. Виктория не выдержала и ущипнула его за плечо.

– Ты чего? – возмущенно спросил он.

– А ничего! Я значит ему все рассказала, а он тут, понимаешь ли, лежит и молчит, как партизан. Давай колись, уважаемый! Или я тебе выгоню из комнаты.

– Аа. Прости. Я мечтаю о двух...как бы этого сказать...вещах. Я мечтаю, стать, как вы. То есть человеком, а не духом. И мечтаю о том, чтобы отец меня **не** отправлял в питкант, ...ой прости в колледж, ...где я должен жить и учиться вместе с другими мальчиками и девочками, как я. Ты представляешь, вдали от дома на долгие и мучительные шесть месяцев.

– Значит ты об этом. – Она задумалась. – О твоей первой мечте я узнала еще тогда, когда мы только познакомились. Помнишь, у дерева? – Домовой кивнул. – Ты был такой крохой!

– Ты тоже! Я все еще удивляюсь, как ты так быстро вымахала, что стала выше меня.

– Баскетбол творит чудеса, – подметила она и засмеялась. – Но не будем об этом. А второй твоей мечте я впервые слышу. Ты мне в последнее время только о колледже и твердил. Что как там будет здорово: друзья, общение, веселье, новые знания и открытия. Почему ты передумал? Я не понимаю. Что случилось? Это же было твоей мечтой? – изумился он.

– Потому что...потому что...

– Говори, как есть, Домовой, – ласково прокомандовала она.

– Потому что мы не сможем видеться полгода, – выдавил из себя Домовой.

– Что ты сейчас сказал? – недоумевая, спросила Вика.

– Я сказал, что мы не сможем видеться шесть месяцев.

– Кто тебе такое сказал?

– Вчера мне об этом сообщил отец. Он извинялся, что не оповестил меня раньше и, не говоря ни слова, скрылся в своей комнате. А я продолжал стоять и смотреть в пустоту, пытаясь переварить сказанное отцом.

– Почему он тебе сразу же не сказал об этом? – возмутилась Вика. – А ты никак не можешь отказаться от учебы? – Она осеклась. – Ой, прости, я, кажется, сказала сейчас лишнего. Подлю такое просить. Знаю. Ты должен учиться так же, как и я.

– Я сам не хочу. Но...

– Но должен. Вот так весть...и... когда ты уезжаешь?

– Совсем скоро. Первого января. Сразу же после Нового года.

– Боже! Через три дня, – вскрикнула она. – И за полгода не будет ни единой возможности встретиться? Ты не спрашивал у отца? Хоть какую-нибудь весточку написать, послать сможешь?

– Боюсь, что нет, – сказал он, посмотрев на расстроенную Викторию. – Ты не переживай... мы сможем видеться во снах.

– Не ободряет, – почти шепотом проговорила она. – Не верится, что тебя не будет сто восемьдесят дней и столько же ночей. – Она посмотрела на него. – Что же я без тебя буду делать? Ты мой единственный друг, не считая подружек.

– Я не знаю... вот поэтому я и сейчас лежал и мечтал, чтобы не уезжать в колледж, а остаться с тобой. И чтобы не видеть сейчас твое опечаленное личико, по которому вот-вот побегут слезы.

– На самом деле, если я сейчас заплачу, то не от горя, а скорее от радости.

– Что?

– Ты, наконец, осуществишь свою мечту. Хоть ты в данный момент мне доказываешь, что не хочешь ехать, я вижу, что ты, как и прежде, страстно желаешь уехать от отца и учиться вместе со сверстниками. Просто ты расстроился – и чего лукавить, я тоже – из-за такого пустяка, как расставание на каких-то шесть месяцев. Они пролетят, и не заметишь. И мы снова встретимся...

Заиграла мелодия мобильного телефона.

– Извини. Мне нужно ответить. Звонит Иришка. – Она вышла из комнаты, вытирая слезы. – Алло. Приветик. Как дела?

Наговорившись по телефону с Иришкой, которая переживала из-за завтрашнего состязания (Виктория ее тщетно успокаивала), Вика зашла в комнату и, почувствовав нарастающее напряжение, решила сменить тему для разговора, чтобы больше не вспоминать о скором расставании. Ведь у них есть еще три дня.

Вика посмотрела на часы и охнула, когда увидела, что стрелки часов показывают десять часов вечера.

– Мне пора в постель. Завтра тяжелый день, – сказала она.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Домовой скрылся в шкафу. Вика включила ночник, легла в постель, укутавшись под одеяло, достала из-под подушки дневник в твердом переплете, на котором был изображен белый Пегас с величественными крыльями, открыла на страничке тридцать восемь и начинала писать.

«28 декабря 2003 года!»

«Здравствуй, мой дневничок! Странный сегодня день! Хотя нет, лучше сказать – ужасный!»

Сначала в школе у меня какая-то ... (не буду здесь писать бранное слово!) украла дорожную бесцветную помаду из сумочки, а потом на уроке русского языка учительница взелась на меня из-за того, что я «штрихом» замазала ошибку в домашней работе. Учительница сказала мне, что это некультурно и неуважительно по отношению к ней – и к ее предмету – и по этой причине она не может поставить мне пятерку, только слабую тройку с минусом. Ты представляешь, дневничок? Домашняя работа без единой пунктуационной, орфографической и синтаксической ошибки, а она мне ставит жирную тройку с минусом в мою тетрадь. В тетрадь, между прочим, отличницы. Скажу честно, мой дневничок, я расстроилась не на шутку. И более того впервые обозлилась и разгневалась на учительницу и обозвала ее «старой каргой» и в слезах выбежала из класса. Я, наверное, рыдала минут двадцать. И еще столько же бы прорыдала, если бы не Иришка и Кристи, которые еле-еле успокоили меня. Я не могла поверить в то обстоятельство, что я получила – причем получила незаслуженно – тройку. Для меня тройка – это смертельный приговор. Но потом, успокоившись и почувствовав вину перед Тamarой Яковлевной, я благоразумно подошла к ней и извинилась. И на мое удивление, она тоже стала извиняться. Пообещала, что эту тройку не будет ставить в журнал. Но предупредила, что, если она еще раз увидит «штрих» в моих домашних работах, которые она задает, то непременно вlepит мне двойку. Я уже хотела возразить и снова ее обозвать «старой каргой», но в последний момент передумала и послушно согласилась. Хоть все и обошлось, все равно

чертовски неприятно было показывать маме тройку в тетради (если бы девчонки знали, что я все еще показываю маме тетради, они бы меня непременно засмеяли!).

Дальше, только хуже. На тренировке неудачного приземлилась после прыжка, подвернула ногу и упала, стукнувшись коленом. Вдобавок ко всему мяч приземлился мне на голову. Сейчас хромаю. Надеюсь, к завтрашнему дню пройдет. Если нет, то проще застрелиться, ей-богу!

Потом пришла домой. И что ты думаешь – счастье и покой? Нет! Брат, которого я с каждым днем все больше и больше люблю, почувствовал запах протухшей рыбы и увидел *красные глаза* и сказал это мне. Я, конечно, обрадовалась, что у него тоже есть дар, как у меня. Но потом расстроилась. Все же лучше, чтобы он не видел тех, кого вижу я.

Кстати, о любимом Домовом (надеюсь, он никогда не увидит этот дневник), он сегодня преподнес мне такой сюрприз, от которого я в буквальном смысле схожу с ума. Он сказал, что уезжает от меня на шесть ДОЛГИХ! месяцев. Оставляет одну. ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ! Пишу сейчас эти строки и плачу как дурочка. Ничего не могу с собой поделать. Я скучаю по нему, когда он исчезает из моей жизни на три дня. В эти дни я себя чувствую потерянной и опустошенной, как физически, так и духовно (словно туман окутывает мою душу и его ледяное дыхание пощипывает мое «плачущее» сердце). Если бы он знал, как я его люблю. Как друга, конечно. Хотя кого я обмываю!? Только саму себя. Я прекрасно понимаю, что он мне уже давно не друг. Мы любим друг друга. По-настоящему. Хотя прошу заметить, что мы еще ни разу не целовали по-взрослому. Это не простая влюбленность, как у многих моих подружек, которые сходят с ума по парням из старших классов. А настоящая любовь. Мы Родные души, соединившиеся через триллионы километров космического пространства. Удивительно! Я верю, что это судьба. И не хочу думать иначе. Надеюсь, что когда-нибудь (может совсем скоро) мы поцелуемся и признаемся о том, что кричат наши сердца.

Снова плачу, дура чертова! Чересчур сентиментальная стала. Надо собраться, но не могу, когда вспоминаю о ШЕСТИ МЕСЯЦЯХ разлуки и несчастья. А вдруг он с кем-то познакомится, подружится, влюбится и больше не вернется ко мне, и мы так и не поцелуемся? Вот что меня пугает до колик в животе! Хотя если рассуждать логически и разумно – как говорит учитель по химии Антон Анатольевич – к этому все идет. Мы не можем быть вместе. У нас разные судьбы, разные пути. Мы можем быть лишь – друзьями. Но достаточно ли мне этого для счастья?

Кажется, мама идет в мою комнату пожелать мне спокойной ночи. На сегодня заканчиваю свой ежедневный отчет. Спасибо за то, что выслушал меня, мой любимый дневничок.

P.S. Может показаться по сегодняшнему отчету, что моя жизнь ужасна. Но это не так. Не все так плохо. Жизнь продолжается. Я все еще живу. Ох, Господи, помоги мне завтра выступить достойно. Спокойной ночи».

Вика закрыла дневник, убрала под подушку. Мария вошла в ее комнату. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Виктория тут же уснула сладким сном, видя, как она с Домовым идет по цветущему парку.

Глава 2

Виктория подбежала к скамейке запасных. Тяжело дышала. Рухнула на скамейку, взяв в руку бутылку с водой. Сделала глоток. Почувствовала, как сухое горло омывает живительная вода. По ее лицу стекали капли пота, капая на спортивную площадку. Шелковая спортивная форма прилипла к телу. Лицо горело, словно было опущено в костер, извергающий языки пламени. Она плеснула воды на лицо. Почувствовала, как ее обдало желанным холодом и освежило. Ладно, хоть не зашипела, подумала она про себя и усмехнулась.

Свисток. Конец третьего тайма. Вот черт! Проигрывают 55:62. Финал. Нервы на переделе.

К ней подбежали еще четыре девушки, одетые в такую же форму. Все потные, разгоряченные, обессиленные, со сбитым прерывистым дыханием. Силы бесследно уходили. Как никак последний тайм. Еще десять минут жесткой и упорной борьбы за первое место в первенстве среди школ по женскому баскетболу.

Два месяца упорной борьбы. Девять побед и один проигрыш обеспечили им выход в финал с достойным соперником, у которого значился такой же, несомненно, превосходный результат.

Две, по сути, сильные команды в борьбе за славу и признание. За трофеем, что из года в год переходит из одной школы в другую. За трофеем, который ставят на самое видное место в школе, чтобы все ученики видели и восхищались успехом своих сверстников, которые добивались победы непосильным трудом, целеустремленностью и самоотдачей. С помощью тех качеств, которыми, по мнению учителей, должен обладать каждый ребенок.

В школе этот почетный, сверху позолоченный трофей – на трех колоннах стоял человек, державший в руках баскетбольный мяч – красовался в стеклянном ящике уже три года. И мог остаться еще на год.

Но они проигрывают. Семь очков. Не было той сплоченности, энтузиазма и задорности, когда они вели счет, играя с другими командами. А главное – нет командной игры. Каждый словно играл сам за себя. Каждый хотел вывести команду вперед, но все эти храбрые действия и поступки только тянули их в темную пропасть отчаяния и разочарования – в пропасть проигрыша, неудачи, краха надежд и мечтаний; утере кубка.

Виктория собралась, выкинув из головы все мысли о проигрыше и стала внимательно слушать тренера, учительницу по физической культуре Галину Васильевну.

– Что случилось с моей командой? – спрашивала она. – Где ваша сплоченность? Куда испарился командный дух? Почему вы опустили руку, когда еще играть десять минут и когда вся борьба еще впереди? Очнитесь же. Семь очков. Десять минут. У нас есть время выиграть и победить. Почему вы не подстраховываете своих коллег? Почему не защищаетесь от соперников, как подобает, как я вас учила? Почему перестали играть в пас? Почему держите мяч так долго и не даете его в центр, когда «пятый» и «четвертый» номер открыт и просят мяч? Я вас не понимаю. Не понимаю, что случилось с Аленой, для которой сломанный ноготь во время игры важнее победы? Я не понимаю, Виктория, тебя и твою бесконтрольную ярость. Ты фолишь направо и налево, открыто стучая соперниц по рукам. Это тебе, милочка, не бокс, не рукопашный бой, а интеллектуальная и интеллигентная игра, в который, хочешь ты этого или не хочешь, ты должна уважать своих соперников. Как ты не можешь понять, что ты – капитан команды. ТЫ – первый номер. ТЫ – управляешь развитием атаки и отвечаешь за результат. – Вика что-то хотела сказать тренеру, но она была непоколебима. – Дай мне договорить. Времени мало. Именно ты должна вести команду вперед, а не сидеть на скамейке запасных из-за чертовых фолов. – Она посмотрела на часы и продолжила. – Мы проигрываем, и ты должна объединить команду, как ты это умеешь делать. Ты сильная и смелая. Вы все – сильные и смелые. Вы дошли до финала, играя каждый матч, каждую игру, словно он был последний. Так и отыграйте и этот матч так, чтобы доказать самим себе, что эти два месяца были не напрасны. Докажите себе, что вы лучшие. Вы – лучшие! Я в этом нисколько не сомневаюсь. Надо просто успокоиться, собраться и играть одним целым – командой. Понятно? – Команда усталым голосом прошептала «да». – Я не слышу. Вы хотите победить? Да или нет? – «Да» отвечали они громче. – Громче!

Свисток.

Пять девушек вышли на площадки, обвилились клубком, обнимая друг друга.

– И так наше время настало, – сказала Вика командирским голосом. – Играем в пас, хватит играть поодиночке. По возможности кидаем «трешки» и находим лазейки, чтобы доставить мяч в центр поля. – Она помолчала. – Ладно, к черту, эти бессмысленные разговоры. Надерем этим сучкам их интеллигентные задницы! – злобно вскрикнула она. Ее слова поддержали единогласным «да».

Они подошли к центру поля, встали на свои позиции.

Свисток.

Игра началась. Отчет пошел.

Мяч в руках у Виктории после высокого прыжка Анастасии в центре поля. Пас. Снова пас. Бросок. Два очка.

57:62.

Спустя девять минут они проигрывали всего одно очко, сумев собраться. И наконец-то начали играть в командную игру. Движение игроков были отточены и точны, просты и эффективны. Без колебаний, без суеты, без всепоглощающего напряжения и волнения, они передавали друг друга мяч по всей площадке, чувствуя своё превосходство перед соперником, и в итоге завершили атаку высоким прыжком, уверенным броском и двумя очками.

Виктория посмотрела на табло и увидела, что осталось всего сорок секунд играть, перевела дыхание, закрыла глаза, помолилась и скинула мячик из-за боковой линии.

Свисток.

39, 38.

Получив обратно мяч, к ней подлетела девица ростом чуть ли не под два метра и начала таранить ее корпусом, переходя к откровенному фолу. Судья не замечает. Ловким движением Виктория обыгрывает соперницу и подходит на трех очковой отметку, чикая кожаный мячик. С левой и с правой стороны трех очковой дуги – два игрока мечутся из стороны в сторону, словно рыбы во время нереста. В центре – два игрока закрыты, тщетно пытавшиеся освободиться от опеки.

36.

Проходят доли секунды, и Виктория принимает решение, сделать ложный пас, чтобы отвлечь внимание соперника и кинуть трехочковой. Отлаженное движение и соперница отпрыгивает в сторону. Сработало! Прыжок. Бросок. Крученный мяч летит высоко, по правильной траектории, и приземляется, как казалось Виктории прямо в цель. Но, увы, мяч думает по-другому, попадает в душку и отлетает от кольца прямо в руки соперникам, которые проводят контратаку. Мяч получает центровый, уходит от защитника и легким движением руку заносит мяч в кольцо. Хруст сетки. Два очка. Свисток. Тайм-аут.

25 секунд.

– Виктория, зачем ты кидала трехочковой, когда каждое очко на счету? Сейчас вы поигрываете три очка, черт возьми, – вспыхнул тренер.

– Никто не открывался. Никто не боролся. Я приняла решение и...

– Ты знаешь, что я всегда осуждала и буду осуждать бессмысленные действия. И с твоей стороны кидать с трехочковой отметки, уйдя от противника, было крайне глупо и опрометчиво. Ты так не считаешь? – спросила она и продолжила. – Если бы ты оценила ситуацию правильно, то увидела бы, что к тебе бежал защитник, чтобы поставить блок-шот. Защитник, который оставил Алену, одну, возле кольца. Она тянула вверх руки, показывая, что она свободна и открыта. А ты что? Пренебрегаешь этим шансом и кидаешь сама. И мимо. – Она посмотрела на таймер. – Времени мало, чтобы спорить. Победа у нас в руках, если вы соберетесь. За оставшиеся двадцать пять секунд вы должны продемонстрировать свой профессионализм, свою силу и волю к победе. Вы должны победить. – Раздался свисток. – Вперед! Вперед! И никаких дальних бросков, идите на фолы, сражайтесь. Главное, зарабатывайте очки.

Виктория чувствовала себя отвратительно после слов тренера, отчего еще больше стала злиться на соперниц. Возгласы и подбадривания зрителей со скамеек ее раздражали, нежели успокаивали. Внутренняя дрожь охватывала каждый кончик тела. Четкие разноцветные линии расплывались, переплетаясь друг с другом, площадка удлинялась и уменьшалась в размерах.

«Успокойся, успокойся. Только не сейчас. Ты нужна команде. Нужна!!! – говорила она сама себе. – Обморок – это не выход из сложившейся ситуации. Ты сильная и сумеешь справиться с неприятностями. Да. Не время думать о проигрыше, когда на горизонте сладкая победа. Соберись».

Свисток. Отчет пошел.

24.

Пас. Виктория на чужой стороне поля. Отдает мяч третьему номеру (левый форвард), который обыгрывает защитника, врывается в штрафную площадь, делает обманное движение и отдает мяч центральному. Прыжок. Хлесткие удары по рукам. Свисток. Мячик взлетает в пространство, врывается со страшной силой в шит, уходя в аут.

20.

Два удара в штрафной зоне – хорошая возможность, думает про себя Вика.

Первый бросок – точен. Публика ревет и хлопает в ладоши. Счет – 70:72. Второй бросок – мимо. Мяч не долетает до красного кольца. Тишина. Только несколько приглушенных недовольных «ФУ!».

19 секунд до конца матча.

Нервы на пределе и натянуты, как тетива. Виктория защищается от нападающих противников, которые специально тянут время. На атаку дается двадцать четыре секунды и этого достаточно, чтобы выиграть матч. Галина Васильевна встала со скамейки и что-то кричала Виктории, судорожно махая руками. Виктория ее не слышала. Она на мгновение потеряла дар слышать, наблюдая, как мяч глухо стучает о деревянный пол.

15,14,13,12.

Время ускользало от них, как проточный ручеек сквозь пальцы. Соперники просто перекидывали мяч, предвкушая желанную победу.

11,10,9.

Вика на секунду остановилась, перестав защищаться.

8 секунд.

Соперница, увидев брешь в защите, рванула в штрафную площадь, чтобы поставить жирную точку на исходе матча. Но не тут-то было. Виктория выбивает из ее рук мяч, подбирает и врывается в чужую площадь.

6,5,4.

Она бежит изо всех сил. Она чувствует, что к ней приближаются. Ноги словно залиты отяжеляющим свинцом, а твердая поверхность засасывает, словно зеленое и пузырчатое болото.

3 секунды до конца матча.

Вика врывается в штрафную площадь. Чье-то горячее дыхание касается ее шеи.

2 секунды.

Она бросает мяч и ее, накрывает рука.

1 секунда.

Запрещенный блокшот. Виктория падает на пыльный пол, больно ударяясь коленом и локтем. Но боль ее не интересует. Она поднимает глаза и видит, как судья подносит к губам свисток. Толпа завороченно смотрит. Гробовая тишина. Судья свистит один раз, показывая на руках, что был совершен жестокий фол. Технический.

«Три очка! – говорит судья».

Все стихло. Все замерло на секунды. Игрок пробивает три очка и конец игры. Счет – 70:72. От трех бросков Виктории зависит судьба команды. Желанная победа или позорный

проигрыш. Почет или презренные взгляды. Успех или разочарование, подобное полному провалу.

Виктория встала с пола. Она не чувствовала обжигающей боли ни в локте, ни в колене. Ее накрыла непроницаемая пелена ужаса и страха от того, что именно от нее будет зависеть судьба, исход матча.

К ней подходит судья, говорит одобряющие слова и просит, чтобы обе команды отошли в сторону, а Виктория встала за штрафную линию, очерченную белой краской. Она посмотрела на свою команду, выдавила из себя притворную улыбку, чтобы никто не переживал. Судья свистнул и кинул ей мяч. Руки дрожали, пытаясь не выпустить мяч. Виктория уже хотела кинуть, но в последний момент передумала, почикала. Звук успокаивал и в полной тишине звучал, словно раскат грома на чистом небе.

Она вспомнила о Домовом, вспомнила об их ночных разговорах, когда они делились самым сокровенным и потаенным. О том, как они наивно полагали, что мир принадлежит только им – двоим, когда сгущаются сумерки, когда темное покрывало оседает в небе, окаймленное сверкающими звездами, когда мир на мгновение умирает, когда только ветер, лай собак, стрекот кузнечика разрушают безмерную тишину ночи.

Мысли о Домовом, ей помогли на секунду успокоиться. Все растворилось в непроглядной дымке. Не было ни судьбы, ни зрителей, жадно сверлящие ее глазами, ни лиц омраченных девчонок из двух команд. Только мяч, кольцо и парящий в облаках – по кромке игровой площадки – Домовой.

Она улыбнулась. Кинула мяч. Одно очко.

Счет – 71:72.

Оглушительный ропот накрыл площадку, но Виктория его не слышала или не хотела слышать. Виктория была поглощена в воспоминаниях. Она видела, как Домовой ей приносит желтый веночек из одуванчиков, пахнущий свежестью зеленой травы, летом и солнцем. Как Домовой помогает ей справиться с несчастьем, прижимая ее к себе, глядя ее шелковистые волосы, успокаивая ее, шепча на ушко, что она обязательно встретит новых друзей – хороших и добрых. Которые не будут ее использовать в своих коварных целях, как это сделала Полина.

Мяч снова в ее руках Виктории. Бросок. Неповторимый звук рвущейся сетки от хлестко и точно попадания в кольцо закрученного мяча.

Счет – 72:72.

Она беспристрастно смотрит на мяч, на судью, на мир, как бы глядя сквозь него (них), думая только о нем, чтобы не потерять расслабленность и одновременно хладнокровность к напряженной ситуации, граничащей с условной, невидимой, опасной линией. Линией паники.

Люди с замиранием сердца следят за игрой. Соперницы из команды «Лисичек» рвут на себе волосы и негодуют от такой несправедливости, чтобы вести в счете всю игру и проиграть в последнюю секунду. Команда «Отличниц» (так они себя иногда величают) радуются ничьей и мечтают о победе. Заслуженной победе. По некоторым щекам бегут слезы радости. Судья, пораженный Викиным непроницаемым выражением лица, кидает ей мяч. Последний бросок.

Виктория бросает. Пелена воздушных облаков исчезает, испаряется, показываются обескураженные лица всех, кто находится в спортивном зале в тот славный миг. Мяч летит вечность, в замедленном действии, как фильмах. Виктория смотрит на него, магнетизируя взглядом. Мяч коварно закрутился в безумном танце по основанию кольца, описывая бесчисленное количество кругов, думая, то ли вылететь из него, то ли залететь вовнутрь.

После трех секунд ожидания – Виктории показалось, что прошло три часа – мяч влетает в кольцо и гулким эхом ударяется об пол.

Счет – 73:72.

ПОБЕДА!

Свисток судьи теряется в оглушительном гуле всеобщей победы, радости и восторга. Команда, тренер и группа поддержки подбежали к растроганной и одновременно смеющейся Виктории – она лежит на полу, обессилив от физического и психологического переутомления – они берут на руку и начинают кидать вверх, выкрикивая «Вика! Вика! Вика!». Она не может поверить, что все это происходит наяву. С ней. Что ее боготворят и благодарят. Что она добилась небывалых успехов. Что за ее триумфом наблюдают ее родители и ее маленький братик Василий.

Она летала в облаках удовольствия и не хотела возвращаться обратно, на землю.

Мир стал чуточку теплее и добрее. Все обнимали друг друга, радовались, плакали, смеялись, ликовали, пели.

После того как чувства и эмоции поутихли, слезы радости перестали стекать по юным лицам, а ликование приглушилось тишиной, осознанием сладкой победы, осознанием скрытого счастья внутри каждого игрока, кто боролся за почет и уважение, за первое место, на середину спортивного зала вышел толстый, маленький, статный человек в деловом, уважаемом костюме. В одной руке он держал микрофон, в другой – тот самый кубок. К нему присоединились еще две девушки, державшие в руках горсть золотых и серебряных медалей, привязанные на белые ленточки.

– Внимание, друзья мои! Внимание! – начал говорить он. – Сегодня мы видели по-настоящему захватывающую и драматичную игру. Вы со мной согласны? – спросил он. Толпа хором согласилась. – Прошу обе команды-участницы выйти для вручения призов за достижение в спорте, за силу, за храбрость, за целеустремленность, за волю к победе. Начнем с команды, занявшей почетное второе место. Капитан команды, прошу вас, подойдите сюда. – Капитан подошла к нему, он надел на ее шею медаль, вручил грамоту, сказал что-то и позвал следующего.

Прошло несколько минут.

– И так время пришло назвать победителя турнира 2003 года среди школ нашего славного города. Школа №23 – «Отличницы»! – прокричал он, толпа вскрикнула, после чего захлопала в ладоши. – ПОЗДРАВЛЯЕМ! С великолепной и заслуженной вас победой! Капитан команды, который совершил сегодня маленькое спортивное чудо подойдите ко мне. – Вика подошла, поздоровалась, пожала ему руку, нагнулась, чтобы он смог надеть на нее медаль (она его была выше ростом), потом взяла в руку грамоту и поблагодарила за призы. – Еще рано благодарить, так как для данного спортивного мероприятия мы изготовили мини-кубок, который будет вручен «Лучшему игроку». И... – Он специально сделал паузу, – этим игроком становится... фанфары... Виктория Шолохова! – сказал он. Толпа одобрительно захлопала. У Виктории чуть не подкосились ноги. – Поздравляю. – Он протянул позолоченный кубок.

– Спасибо, – еле выдавила из себя Виктория; по ее лицу побежали слезы.

Виктория побежала к своей любящей семье, которые стояли в конце зала и хлопали в ладоши, и прыгнула в их пламенные и нежные объятия.

– Вика, Вика! – кричал Вася, прыгая и ликуя. – Я чуть не описался от страха, когда мячик чуть не вылетел из кольца! Ты супер-пупер!

Они засмеялись. Он ее поцеловал в щечку и отпрыгнул.

– Фу! Да ты вся соленая!

– А ты такой сладкий, – с любовью и лаской сказала она и поцеловала в его румяную щечку.

– Я так горжусь тобой, Виктория, – сказала Мария, прижимаясь к ее мокрым волосам.

– А я еще больше, – улыбался Константин, обнимая дочь.

Он чувствовал, как в нем что-то поднимается, внутри, что-то неведомое и приятное. Дрожь от гордости, от любви, от простого человеческого счастья быть рядом с теми, кого

любишь, кем дорожишь, с кем хочешь прожить до конца своих дней и не терять этого чувства никогда.

– А вы мной тоже гордитесь? – спросил Вася.

– А как же, сынок, – ответил Константин.

Викторию звали к себе подружку по команде, чтобы сфотографироваться всем вместе с кубком.

– Иди, доча. Тебя ждет команда. Мы пошли домой. Не задерживайся. Дома тебя будет ждать праздничный торт.

– Ура! Праздничный торт, – заликовал Вася, держа маму и папу за руку. – Ты быстрее приходи, а то я все съем!

«Как ты похож на меня, – подумала про себя Виктория, – когда я была такой же маленькой, глупенькой и наивной».

– Мммм. Хорошо. Буду дома через часик, – сказала она, попрощалась и побежала к ликующей команде и энергично заверещала: «Мы это сделали, девчонки!».

После того как команду «Отличниц» с кубком и медалями сфотографировал профессиональный, чем-то недовольный фотограф с черной копной волос на голове и округлым лицом, Виктория торжественно поставила кубок обратно в стеклянную витрину, на третий ярус. Непоколебимый, оловянный игрок с мячом стал улыбаться Виктории – или ей так показалось? – когда увидел, что он возвращается на свое почетное место, где он восседал среди других кубков много лет. И еще будет восседать, как минимум, год.

Виктория, преисполненная радостью и весельем светилась от счастья и на мгновение позабыла о вчерашней негативной новости и ворвалась в раздевалку и запела заводную песенку, клич команды. Ей вторили еще десять девчонок.

Три, два, один – чемпионы в пути.

Один, два, три – «Отличницы» впереди.

Два, три, один – а кто они? **ПОБЕДИТЕЛИ!**

– Ооо, Виктория уже запела! Неужели глотнула шампанское в тренерской? – спросила Алиса и засмеялась.

Другие девушки, снимая мокрую форму, громко обсуждали сегодняшнюю победу, отчего в раздевалке стоял шум и гам, словно на футбольном стадионе во время игры.

– Никто пока не наливал, но я сегодня пьяна от победы, – сказала Виктория и села на скамейку, – и мечтаю сейчас о глотке шампанского, как никогда ранее. А вы, девчонки, так не считаете, что пора бы нам отметить нашу с вами победу? Где шампанское?

После этого вопроса в раздевалку зашла радостная Галина Васильевна, которая надо заметить, как и Виктория, светилась вся от счастья; она благоухала, как распутившийся летом алый цветок. В одной руке она держала бутылку безалкогольного шампанского и стопку пластмассовых стаканчиков, а в другой – коробку шоколадок.

– Галина Васильевна, а мы вас уже заждались!

Все встали со скамеек и захлопали ладошами, как бы показывая свою благодарность тренеру за ее неоценимый труд, заслуги и достижения, за ее ласку и одновременно необходимую строгость, за ее терпение и понимание. За ее смелость в принятии важнейших стратегических решений во время матча. За ее преданную и искреннюю любовь к каждому игроку команды. Они стояли и хлопали той доброй и сильной женщине, без которой они бы не выиграли ни одного матча.

– Вогнали меня в краску. Спасибо вам за эту победу. За подаренное мне счастье, как тренеру, увидевшему триумф своей команды. Я в вас верила до последней секунды. И несколько не сомневалась в вашем выигрыше. Вы сплоченная и уверенная в себе команда. Вы – насто-

ящие борцы, не сдающиеся на полпути и продолжающие бороться до победного конца. Вы вспомните, как тяжело доставалась нам каждая победа и если бы не ваша смелость, самоотдача, ответственность перед командой, в конце концов, мы не добились бы столь почетного титула, титула лучшей команды среди женской лиги. Да, у нас есть проблемы. Защита имеет щели, пасы иногда не долетают до адреса, броски из трех очковой зоны – как и из штрафной – неотработанны и откровенно говоря хромают на две на ноги. Но. – Она обвела взором команду. – Москва не сразу строилась, поэтому, впереди вас ждет работа, работа и еще раз работа над ошибками. Чтобы, в конечном счете, избавиться от недочетов и играть на более высоком уровне... а пока – вы победители. И этим все сказано. Я вас поздравлю с заслуженной победой и хочу вам пожелать все самого наилучшего в новом 2004 году. Отличных оценок, новых побед в спортивных состязаниях и не только в спортивных. Запомните, девочки, что вся наша стремительная жизнь – это игра. – Она улыбнулась. – Пожалуй, хватит на сегодня пафосных слов. Лучше примите от меня эти скромные, но зато сладкие подарочки. – Она всем раздала по молочной шоколадке «Россия». – И это шампанское. Не обольщайтесь, оно безалкогольное.

Тренер взболтала бутылку, сняла металлический зажим, пробка со свистом взлетела вверх, ударяясь об потолок. Девушки взвизгнули, а потом засмеялись, видя, как газированный напиток густой пеной вырвалось из бутылки.

– С праздничком! С победой! – кричали все присутствующие, наливая шампанское в пластмассовые стаканчики.

– Галина Васильевна, у нас тоже для вас есть небольшой подарочек по случаю победы и наступающего Нового года, который уже стучится в каждый дом, – сказала Виктория и достала букет алых роз и небольшую подарочную коробочку; притянула их тренеру. – Вы самый-самый лучший тренер. Мы вас любим!

Растроганная Галина Васильевна обняла ее.

– Спасибо. Но не надо было тратиться. Так я не поняла, а почему вы там стоите? Марш всем обниматься! – ласково прокомандовала она и все, навалившись, стали обнимать друг друга.

– Галина Васильевна, может, вы откроете коробочку? – спросила Иришка. – Мы так долго с девочками выбирали вам подарок и нам очень интересно понравиться ли он вам.

– Сейчас. – Она аккуратно распечатывала подарочное оформление коробки. – Еще секунду. Жалко рвать такую красоту-то! – Тренер открыла коробку и увидела подарок и ахнула. – Вы с ума сошли! Это же так дорого! Не надо бы... спасибо за это замечательный подарок, мои красавицы. Это вещь теперь всегда будет со мной. Когда вы уедете в колледж, оставив родные стены школы – и меня – я буду смотреть на эту брошку и вспоминать вас, вашу команду. – Она надела брошь на спортивную куртку и спросила. – Ну как, я выгляжу?

– Превосходно, Галина Васильевна, – сказала Виктория.

– Замечательно! – прокричала Иришка.

– Неотразимо! Восхитительно! – кричала Алиса.

– Хватит, хватит, вы снова меня вгоните в краску. Мое лицо и так сегодня горит красным пламенем, хотя коньяк еще не пила, – сказала она и засмеялась. – Ладно, хватит болтать. Вас ждут родители. Время все-таки позднее. И еще, не забудьте, что следующая тренировка десятого января нового года. И много не пейте. – Она снова звонко засмеялась и вышла из раздевалки.

Спустя некоторое время команда во главе с тренером вышли на улицу и удивились, как изменилась погода за последние два-три часа. Шел густой снег. Былые хлопья снега медленно спускались с небес, падая на землю, на крыши домов и машин, на ветки деревьев и кустов, на одежду и на лица людей. Вся округа словно попала в белоснежную сказку, и темнота декабрьского вечера просияла от белого-белого снега.

Виктория с Ириной простились с девочками и тренером и пошли домой, взявшись за руки, слушая, как хрустит под ногами только что выпавший снег, сверкающий и переливающийся от ярких городских фонарей.

Вдруг Виктория отпустила Иришкину руку, надела пушистые варежки, слепила увесистый снежок и кинула в подругу. Иришка хоть и изумилась, когда увидела, что Вика в нее кидается снежками, но и не растерялась.

– Ах ты, так значит! – воскликнула она. Слепив снежок, она точным броском поразила правое бедро Вики. – Точно в цель!

– Лови, фашист, гранату! – закричала Вика и запустила снаряд прямо в голову Иришки. – ОЙ! Я не хотела. Тебе больно?

Иришка взялась за голову и притворно захныкала, как пятилетняя девчонка, которой не купили желанную игрушку. Виктория испугавшаяся, что причинила боль подруге, подбежала к ней, чтобы извиниться и попросить прощения. И только Виктория подбежала к ней на достаточное расстояние, как вдруг Ирина игриво улыбнулась и запустила снежок Вике в лицо. Виктория, опешив от такого злодейства, от такой нечестной и подлой игры, повалила свою подругу в белый, мягкий сугроб.

Плюхнувшись в сугроб, визжа, поднимая вверх сверкающие снежинки, окутав себя с ног до головы природной пудрой, они звонко и беззаботно засмеялись, вспомнив недалекое детство, когда часами прыгали в глубокие сугробы, проваливаясь по пояс. А то и глубже.

И вот – две девушки, тринадцати лет, лежат в сугробе, смеются и смотрят на вечернее небо в феерии крутящихся балерин, которые падают на их вытянутые язычки, на красные губки, на длинные реснички, на розовые щечки, на подбородки, на челки, что торчали из-под шапок и мгновенно тая, превращается в воду.

Где-то вдалеке были слышны плач ребенка, вой собаки на луну, рев проезжающих машин и еще огромное множество различных звуков сливающихся воедино. Но ничто не отвлекало внимания Виктории и Иришки. Они заморожены, лежа на снегу, смотрели в необъятное небо, где за облаками сияли звезды, а за звездами другие звезды, звезды бесконечных галактик.

– Мы с тобой две дурочки! – сказала Иришка, отряхиваясь от прилипшего снега к одежде.

– Ничего подобного, – не согласилась с ней Вика, продолжая лежать в сугробе. Снег все шел и шел. – Полезно вспомнить то, о чем мы с тобой давным-давно позабыли... лежать в теплом снегу. Помоги мне встать.

Иришка протянула руку Виктории, которая ухватилась за нее, как за спасительную палочку и через секунду стояла на заснеженном тротуаре, отряхиваясь. Приведя себя в порядок, они пошли дальше по тихим улочкам, которые потихоньку превращались в заснеженные дюны.

– Вик, я тут недавно услышала от Саши Скороходовой, что, якобы, в тебя по уши влюблен Меньшиков и хочется с тобой дружить.

– Вовка что ли из «б» класса? – спросила Вика; Ирина кивнула. – Какое счастья, что я в него не влюблена.

– Ты вообще хоть в кого-нибудь влюблялась?

– Как-то не доводилось.

– Да подруга... ты столько всего упускаешь! Я уже влюблялась три раза! И скажу тебе по правде, это нечто неопишное, когда ты видишь его – и твоя голова кружится от счастья, сердце стучаться в два раза быстрее, хочется прыгать, танцевать, летать и целоваться. Эх, эти поцелуи, словно сказка, из которой не хочется возвращаться обратно! – мечтательно говорила она, словно летая в облаках. Вернувшись обратно на землю, она спросила у Вики. – И чем же тебе не нравится Меньшиков? Многие девочки хотят с ним дружить, а почему ты не хочешь?

– Тебе бы журналисткой работать, – засмеялась Вика. Ирина не оценила шутки. – Это была шутка. В общем, он не в моем вкусе. Слишком красив.

– Вот именно, что он красивый и желает с тобой подружиться, – не унималась Ирина. – И если он предложит свою дружбу, ты не должна будешь отказываться.

– Так, давай больше не будем об этом. Я никому ничего не должна и не собираюсь с ним «дружить», так как под всей его маской красавца скрывается подлый и высокомерный лицемер. Я сама видела, как он унижает и призирает слабых. Как ведет себя в школе, словно король из высшего общества. Если он вам нравится – и тебе в частности – то можешь его забирать и хоть сколько дружить с ним. Я быстрее буду «мутить» с ботаником Аркашей, чем с ним!

– А вот может, и подружусь назло тебе! – обиженно объявила Иришка.

– Ну и пожалуйста. Твое дело.

– И вообще знаешь, что я думаю?

– Что же?!

– Что ты слишком много провидишь времени за чтением, забывая себе голову всяким ненужным хламом, когда нужно общаться с подружками и заводить отношения с мальчиками.

– Как интересно. Только то, что мне делать в свободное время буду решать я и только я, а не ты! Понятно? – разозлилась Вика.

– Понятно.

– Извини...

– И ты извини.

– Все забыли.

– Забыли.

Дойдя до перекрестка, они разошлись в разные стороны. Вика побрела на юг, а Ирина на север. Их обоих ждала любящая семья и праздничный ужин.

Виктория подошла к дому и увидела, что на ветке дуба сидит встревоженный Домовой. Она махнула ему рукой. Увидев Викторию, он спрыгнул с ветки, подбежал, и ничего не говоря, нежно ее обнял и закружился. Виктория от неожиданности сначала опешила, но потом все же радостно вскрикнула от того, как мир стал кружиться и расплываться, а радостное лицо Домового оставалось таким же четким и красивым. Она смотрела в его глаза, смеялась и умоляющим голосом просила, чтобы он отпустил ее. На самом деле она это не хотела, ей было хорошо и спокойно в объятиях любимого человека, и она могла кружиться так вечно.

– Ты сегодня была лучше всех! – сказал он, аккуратно опустив Викторию на дорогу, засыпанную снегом.

– Откуда ты...

– Честно? Я подслушал. Ну что, пойдём домой? Тебя уже ждут, не дождутся, родители. Ждут чемпионку!

– Пойдем. Я стала сегодня чемпионкой благодаря тебе.

– Мне? – удивился Домовой.

– Ага. Тебе покажется это странным, но увидев тебя в своих воспоминаниях, я забыла обо всем на свете. Я была с тобой. Я не видела ни злобные взгляды соперников, ни растроганные взоры моей команды, ни взволнованного тренера, что суетливо бегал взад-вперед, ни злобного судью, ни клопочущих зрителей, словно из горнов. Я не видела никого и ничего, кроме мяча, щита и дивных воспоминаний, окружающие стены спортивного зала, которые ласково тербили нотки моей заблудшей души, вороша усталую память, чтобы вознести меня в райский уголок спокойствия и блаженства, где я смогла закинуть три победных очка. Все это благодаря тебе!

– Ох, Вика. Ты меня в последнее время пугаешь своими умными словечками. Неужели снова перечитывала Маккалоу «Поющие в терновнике»?

– Да, – ответила она и засмеялась. – От тебя ничего не утаить. Эта книга настолько прекрасна, искреннее и чиста, что я путешествую на ее страницах, как вольная и гордая птица, мечтая, как и все девчонки о страстных поцелуях, о пламенной и сладострастной любви, о принце на белом коне...

– О, Боже! Какая гадость! – Домовой скривил лицо, словно унюхал что-то неприятно пахнущее. – Нашла о чем думать.

– Ничего ты не понимаешь в настоящей романтике, – сказала Вика.

– Ты права. Ничего не понимаю. И не хочу.

– Зря.

– Я хочу признаться...

– В чем?

– Я обманул тебя, что услышал о твоём успехе. Я его увидел.

– Только не говори мне, что ты рисковал своей жизнью ради того, чтобы посмотреть на мою игру? – встревожилась она.

– Именно, так. Прости, но я не мог сидеть дома, когда ты играла.

– Зачем? Зачем надо было рисковать из-за такой глупости? – строго и одновременно нежно, по-матерински, отчитывала ему Виктория.

– Не переживай. Все же обошлось. И это не глупость. Ты знаешь это. Я знаю, что для тебя это игра – важная составляющая твоей жизни. Я не мог пропустить ее. Не мог. Рискнув, я выиграл. – Он выставил ладонь, на нее падали снежинки и поспешно таяли. И добавил. – Наша с тобой связь сильна, поэтому я без проблем нашел тебя в пелене нависшего тумана, в котором я слышал ужасные крики и вопли страдания.

– Но она не столько важна, как жизнь лучшего друга. Как же ты вернулся обратно? – спросила она.

– Обратный путь был легок. Я держал за руку твоего братика.

– Прикасаясь к нему, тебе нестрашны другие духи?

– Да. Когда я прикоснулся к нему, он одернул руку. Но потом взял ее так крепко, что я невольно вздрогнул, заглянув в потаенные места его души. В его душу, чистую и непорочную. В душу искреннего дитя, который не отпускал меня до самого дома, шепнув мне на ушко, что он знает меня и желает познакомиться.

– Я... ты что?

– Я тоже шепнул ему на ушко.

– Зачем...

– Все хорошо, – перебил ее Домовой. – Я с ним познакомился. Он славный малый. Твой брат вел себя храбро и не закричал, когда я ему ответил, что тоже желаю с ним познакомиться. Я обо всем рассказал ему. Он все время меня перебивал и спрашивал, спрашивал, спрашивал. В общем, он знает обо мне и кажется, начал видеть мой силуэт. Теперь он с нетерпением ждет тебя дома. Ждет объяснений.

– Мне даже не верится, что это случилось. Ты ему сказал, чтобы он молчал и хранил – теперь уже нашу! – общую тайну от родителей?

– Да. Он мне пообещал держать рот на замке.

– Ох уж не знаю, не знаю, – сомневалась Вика. – Всегда, когда он так говорит, он пробалтывается. Всегда случайно.

– Я уверен, что теперь он будет молчать. Пошли же в дом.

Они зашли в дом, и Вика увидела коридор, по стенкам которого были развешаны воздушные шары.

– У нас что ли, у кого-то день рождения? – удивленно спросила Виктория у папы, снимая обувь.

- Что-то вроде того, – загадочно ответил отец.
- Сюрприз! – закричал радостный Вася.

За праздничным ужином Виктория была ненасытна, как, в общем-то, всегда после изнурительных тренировок, отнимающих много сил и соответственно энергии. Она съела полгрудки жареной курицы, две хрустящие картофелины, приправленные сверху восточными пряностями, тарелку летнего салата из свежих огурцов, помидор и зеленого лука, а на десерт полакомилась сладким тортом, запивая зеленым, бодрящим чаем.

Наевшись досыта, они с братом решили помыть посуду, чтобы не утруждать родителей. Вика мыла посуду, а Вася протирал мокрые тарелки чистым полотенцем, бережно складывая их в кухонный гарнитур.

Закончив трудиться, они немного понежились на диване вместе с родителями, глядя в телевизор. Через некоторое время им наскучили занудные новости, и они поднялись в Викину комнату. И только захлопнулась дверь, Василий спросил у сестры:

- Вика, помнишь, я тебе говорил, что вижу призрака рядом с твоим платяным шкафом?
- Помню, как такое забыть. Я...
- Так вот, – он ее перебил, – я сегодня с ним разговаривал. Он был на твоей игре. Видимо следил за мной.

– Почему ты так решил? – спросила Вика, решив притвориться, что ничего не знает.

– Потому что его рука впиалась в мою руку, когда мы пошли домой. Я поначалу испугался и одернул руку. Но потом подумал, что он хочет, наверное, со мной подружиться. А я очень хотел с ним подружиться, чтобы не быть врагами. И когда он в следующий раз положил свою руку в мою, я решил ее сжать и не отпускать, чтобы потом расспросить его.

- И что потом?
- Я спросил, кто он и представляешь, он мне ответил!
- Представляю.
- Да ничего ты не представляешь. Ты ведь мне не веришь?
- Верю. Каждому слову. Честно. Так что же было дальше?
- Странно, что ты веришь. Но я чуть не описался, когда он начал говорить. Призрак-невидимка. И что думаешь, было потом?

– Что же?

– А ты догадайся!

– Ну, я даже не знаю, что и предположить.

– Ты попробуй, – предложил он.

– Хорошо. Вы, скорее всего, подружились. Верно?

– Да. Ты права. Как... как... ты догадалась?

– Я угадала? – Она ему улыбнулась. – Просто сказала наобум.

– А хочешь еще кое-что узнать интересненькое? – загадочно спросил он, словно пират, говоривший о сокровищах. – Хочешь? Тебя это не обрадует.

– Хочу. Выкладывай. Он что в меня влюблен?

– Хуже! – вскрикнул он. – Он говорит, что знает тебя много лет. Ты его лучшая подруга. Я ему, конечно, не поверил. И стал объяснять ему, что моя сестра слишком серьезная и чересчур умная...

– Ну, спасибо за комплимент.

– Всегда, пожалуйста, сестренка, – ответил он и продолжил. – Я убедил его в том, что ты никогда бы не поверила в привидение.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что ты взрослая.

– А ты не думал, что мне когда-то тоже было шесть лет, как тебе сейчас, и я с ним познакомилась в то время? – спросила она. Вася на нее странно посмотрел, словно услышал нелепую теорему.

– Знаешь что? Мне кажется, тебе никогда не было шести лет. Ты такой и родилась. И не надо меня обманывать. Я же не такой глупый, – ответил он; Виктория засмеялась.

– Ты хочешь сказать, что мне сразу исполнилось тринадцать?

– Ну да!

– Глупый ты все-таки, братец. – Она погладила его светлые волосы. – Значит, мы сегодня выяснили, что ты познакомился с привидением. Это раз. Потом это *нечто* убеждало тебя, что я его подруга. Это два. И последнее, третье, что я не верующая Фома и родилась сразу же взрослой и никогда-никогда не была маленькой. Так?

– Так. Ты чувствуешь этот запах?

– Какой? – Она чувствовала запах, но не обращала на него внимания. Для нее он стал привычным, как запах сырой земли, зеленой травы, крапивы, цветущей яблони и сирени, проточной воды.

– Он идет-идет! Смотри! – Дверь шкафа со скрипом приоткрылась, и из него вышел Домовой. – Он здесь. Я вижу его.

– Ты говоришь про Домового что ли?

– Откуда ты? Ты его знаешь?

– Домового-то? – перебил она брата. – Конечно, знаю. Он мой лучший друг, а про твоего привидения – я знать ничего не знаю. Уж прости.

– Но я говорил про него.

– Ооо, тогда прекрасно, что вы познакомились. – Она подошла к Домовому, поздоровалась и по-дружески обняла его. Вася опешил от такого развития событий, что ничего не мог выразить членораздельно, как бы тщательно он ни старался.

Увидев озадаченное лицо Васи, Виктория себя почувствовала просто ужасной преступницей оттого, что она так подло поступала с братом.

– Прости меня, Василек. Я тебя обманула. Мне стыдно. Но ты сам не поверил Домовому, когда он сказал, что мы с ним лучшие друзья.

– Конечно, я не поверил, – прохрипел он, глядя то на него, то на нее. – ТЫ, ты такая... такая...

– Какая?

– Неверующая, – помог ему Домовой.

– Да, – согласился Вася. – Неверующая. Спасибо, Домовой. Тебя так можно называть? – Домовой кивнул. – Я так рад, что и ты видишь его.

– Тише. Не кричи так громко, – предупредила его сестра.

– Хорошо. Теперь мы будет дружить вместе!

– Обязательно, – подтвердил Домовой.

– А можно вопрос?

– Ну, задавай, коль не боишься? – сказала Вика, улыбнувшись брату.

– А вы не муж с женой?

Домовой с Викторией засмеялись.

– Нет, – ответила сестра. – Почему ты так решил?

– Не знаю. Мне показалось, что вы влюблены друг в друга.

– Тебе точно показалось, – быстро отреагировал Домовой.

На комнату обрушилось гробовое молчание.

– А знаешь, что тебе еще изрядно удивит? – спросила у брата Виктория, чтобы разрядить напряженную обстановку и подошла к окну, откуда сияла луна. – Космос.

– Космос? Тот самый, что выше облаков? Тот самый, на котором звезды горят? – спросил он, подойдя к сестре, показав пальцем на звезду.

– Тот самый! Ты хочешь там побывать?

– Как мы туда попадем без ракеты и без скафандров?

– А нам не нужен ни скафандр, ни ракета! – ответила она.

– Если даже мы туда попадем, то без скафандров мы задохнемся.

– Откуда ты знаешь?

– Как это откуда? Из «Звездных войн», конечно!

– Ты такой умный.

– А то, – с гордостью сказал он.

– Мы попадем туда с помощью магических сил Домового. – Она подмигнула Домовому и спросила. – Ведь ты покажешь ему космос?

– Да без проблем, – ответил он.

– Класс!! – обрадовался Вася.

– Но только при одном условии.

– При каком?

– Ты должен закрыть глаза и открыть их тогда, когда я тебе скажу. Мы с тобой договорились?

– ДА! ДА! ДА! – кричал он, прыгая от счастья, что полетит, как великий джедай, в космос, чтобы покорить его.

– Тише, Василек. Сначала нужно проверить спят ли наши родители или нет, а уж потом думать о полете в космос. Сможешь проверить? – Вася кивнул. – Тогда беги на цыпках и принеси нам хорошую весть. Только не смей обманывать. Так как Домовой все видит, – пригрозила она.

– Понял, капитанша Виктория! – Он отдал честь и выбежал на цыпках из комнаты.

– Славный мальчик, – сказал Домовой.

– Да. Мой любимый братик...

Через некоторое время они открыли дверцу платяного шкафа и исчезли в просторах галактики.

Вы бы видели, как радовался, как прыгал, как резвился Василий. Словно громом пораженный он стоял, не двигаясь, и смотрел на черную – бездонную – бездну, в которой сверкали звезды.

Это был его лучший день на свете, который он уже никогда не забудет. Но это уже другая история...

Глава 3

Как же прекрасен этот томительный миг, миг ожидания светлого, пушистого, всеми любимого праздника – Новый Год, который сеет в угрюмых, закрытых ото всех душах людей: добро, счастье и любовь. Именно в этот день смываются установленные обществом невидимые грани, отделяющие друг от друга людей в повседневной жизни: по сословию, по социальному статусу, по этническим соображениям, по цвету кожи. Ибо каждый человек – богатый или бедный, чернокожий или белый, джентльмен или бродяга – считает, что у него разные приоритеты и жизненные цели, но, по сути, все мы ищем одно и то же: счастье и покой. Именно в этот день мы по-настоящему дружны и едины, невзирая на беды и несчастья, невзирая на боль и крах несбывшихся жизненных планов. Невзирая на то, что мы погрязли в своем тщеславии и гордыне, потеряв в далеком странствии сострадание и милосердие к ближнему своему. Именно в этот день мы готовы сострадать и дарить людям всевозможные подарки, внимание, а главное – любовь, которая греет сердца, заживает раны и рубцы, вселяет надежду и веру

в светлое будущее. Разве это не чудо? Не волшебство, которое ждет человека в новогоднюю ночь, когда стрелки тикают и кукушка возвещает нам о полночи? Когда все семьи мира (а мир – это одна большая семья!) воссоединяются, целуются и обнимаются, радуются и плачут, прощают обиды и смеются над ними, как над чем-то несущественным и неважным. Когда люди выходят на улицу: кто-то будет пускать фейерверк, кто-то плясать у городской елки вместе с Дедом Морозом; кто-то нырять в сугробы, кидаться снежками и кататься на оледеневших, деревянных горках; кто-то целоваться, признаваясь друг другу в нежной любви, глядя на веселье и радость простых смертных.

Для Виктории Новый Год всегда ассоциировался, прежде всего: с запахами мандарин и шоколада; с зеленой елочкой в центре комнаты, пахнувшей древесными опилками и хвоей; с яркими, сверкающими гирляндами, которые висят на колючих ветках елки; с разноцветными, мигающими огоньками; с новогодними ленточками, разноцветной мишурой и подарками; с Дедом Морозом в белой длинной бороде и в красном одеянии, шагающим по миру, по квартирам, даря детям не только желанные подарки, но и свою доброту, ожившую сказку.

Накануне великого праздника Виктория отправилась с папой и Васей в лес за елкой, которая должна была гореть и радовать домочадцев последующие десять дней праздника и волшебства, что витает на земле, словно снежинки зимой, словно пылинки в знойное лето. Домовой сначала отказывался идти, в связи с риском быть пойманным отцом за недозволенную дерзость и наглость покидать территорию домашняя очага Шолоховых, но потом, когда две умоляющие мордочки брата и сестры стали просить его пойти с ними, он сдался и согласился на путешествие в лесные просторы. Но только потому, что он уезжает через два дня в колледж на долгие шесть месяцев и каждая минута, проведенная с Викторией, как никогда драгоценна.

И вот они идут, окутанные в теплое одеяние (шапки, негабаритные зимние крутки, болоньевые штаны и валенки из шерсти овцы) по протоптанной извилистой дорожке среди хвойных елок-великанов, на ветках которых восседал белые шапки снега, среди волнообразных белоснежных сугробов то вздымающихся, то опускающихся.

Они шли, разглядывая веточки сосен, по которым бесшумно пробегали, с ветку на ветку, ушастые и ловкие белочки, слушая, как где-то неутомно стучит дятел по обледеневшему стволу дерева, как поет неизвестная птица, спрятавшись в кронах елей.

Наконец, придя на зеленый «островок» карликовых елочек, они срубили самую красивую елочку. Прежде чем возвратится обратно домой с зеленой красавицей, они решили покататься на санях и на мешках, набитых снегом.

– Ну что, кто из вас первый? Кто самый смелый? – спросил Константин.

– Я! – вскрикнул Вася, набивая плотный полиэтиленовый мешок снегом.

– Не боишься?

– А чего бояться-то! – Вася сел пятой точкой на мешок и, помогая себе руками и ногами, чтобы как следует разогнаться, начал спускаться, озорно крича, нарушая лесную тишину. Врезавшись в конце остановки в снег, он закричал. – Как хорошо! Давай, ВИка, не бойся! Это весело!

– Я не трус, но я боюсь, – ответила Виктория брату.

– Виктория, я так хочу прокатиться, как твой юный брат, – шептал ей на ушко Домовой; он сидел на санках, спереди. – Поехали. Если что ты приземлишься на меня, а пострадаю только я. В любом случаи, я поймаю тебя и спасу от столкновений.

– Ах, ты бояка! – ехидно сказал Вася. – Все еще не решилась? Может быть, вас, мадам, подтолкнуть?

– Нет уж, не надо меня подталкивать. Я сама.

– Как хочешь. Просто ты решаешься целый год!

– Вика, может с тобой прокатится? – поинтересовался отец.

– Нет, папочка, я сама, спасибо, – ответила Вика отцу, перевела свой взор на брата и сказала голосом полного решимости и смелости. – Значит, я буду год решаться? Смотри! – вскрикнула она и оттолкнулась ногами.

Санки стремительно поскользили по снегу, опасно веля в разные стороны. Домовой с Викторией ахнули, сжались, вонзаясь руками в стальные прутья санок, чтобы не выпасть, чувствуя, как схватывает живот, как пробегает дрожь (мурашки), как встают волоски на теле, как бурлит в жилах кровь от поступающего адреналина, как холодный ветер окутывает тело в свой непроницаемый плен, как замедляется на мгновение время.

Под самый финиш санки предательски развернуло в сторону и Вика с Домовым кубарем вылетели из них на мягкую поверхность, звонко засмеявшись, лежа на животе, слушая, как где-то рокочет ручеек.

– И кто сказал, что меня поймает, если мы перевернемся? – спросила Виктория, сморщив брови.

Домовой высунул лицо из снега – черные бровки, усики и юношеский пушок на подборке поседели от пушистого снега – и смешно улыбнулся, пожимая плечами. Вика засмеялась.

– Ты жива, трусиха? – спросил брат, гордо стоя на вершине склона. – Классно?

– Не то слово. Просто незабываемо! – ответила она и добавила. – Папа, спускайтесь...

– Поберегись!

Он стремительно спустились вниз.

Виктория ласково и кротко улыбалась, глядя на счастливого отца, спускающего с крутого склона.

– Что может быть лучше катания на горках? – спросил сам у себя отец, встав на ноги. – Я сейчас побывал в своем детство. Раньше с друзьями мы каждый день катались, и не было никаких забот. Один день на санках, другой – на лыжах. Эх, детство, куда же ты запропастилось?

– Пап, ты что, машину времени изобрел в своем гараже? – поинтересовался Василий, взяв отца за руку.

– Ничего я не изобретал, – ответил Константин. – За нас поработал Всевышний, наделивший нас умом, разумом и интеллектом. Или, проще говоря, костной коробочкой – черепком с бесконечными мозговыми извилинами, которые в любой момент могут тебе перенести в любой время. В прошлое или будущее. Если этого только пожелать.

– Какая это еще машина времени? – возмутился Вася. – Нет, это не то.

– Как же не то? – не соглашался Константин.

– Не то.

– Когда подрастешь, ты меня обязательно поймешь.

Вдоволь накатавшись, разгоряченные и потные, они побрели домой по той же извилистой тропке, утопающей среди могучих елок, что пронизывали небо своими голыми верхушками.

По дороге домой Константин рассказал детям, как он познакомился с мамой и как они влюбились друг в друга. Как поцеловались (ночью, на плотике, с которой был слышен крик отчаянной чайки, летающей над водой). Как поженились.

Дети внимательно слушали, не перебивая его, так как Константин умел рассказывать интересные и захватывающие истории. И все они на славный миг погрузились в прошлое, когда не было ни мобильных телефонов, ни цветных телевизоров, ни портативных плееров, ни проигрывателей, читающих плазменные диски. А только черно-белый советский телевизор «Горизонт»; проигрыватель, «читающий» виниловые пластинки и радио.

Они пришли домой уставшие и обессиленные и, поставив елку в большой зал под строгим руководством Марии, которая хвалила своих лесников, выбравших, по ее добродушным словам, самую красивую елку, сходили в душ, попили горячего шоколада с пряниками и уснули на диване в гостиной, только положив головы на пуховые подушки.

Проснувшись, они обнаружили, что елка уже украшена белой мишурой, миниатюрными гирляндами (розовые мишки, красные петушки, бело-серые зайчики, серые веселые бобрята, зеленые паровозики, фиолетовые перепелята и деды морозы в красном одеянии) и тонкими зелеными проводками с ответвленными крохотными лампочками, которые горели разноцветными огоньками: голубым, зеленым, красным и желтым.

Глава 4

– Виктория, а почему Домовой такой грустный? – спросил Вася у сестры, когда они смотрели по телевизору старый новогодний фильм «Ирония судьбы или с легким паром!». – И скоро ли он придет? Он обещал со мной поиграть. С ним так весело.

– Он...

– Мы с ним играли почти два часа, – говорил Вася, не давая сказать сестре. – Он научил меня, как нужно играть в солдатики, как их расставлять в военных сражениях, как вести закрытые и открытые атаки. А потом мы пускали пузыри из моих пистолетиков друг в друга. Он такой крутой. Жаль, что он не может остаться у нас... Дак, почему же он такой грустный?

– Если бы ты мне дал возможность объяснить, я бы давно это сделала. – Вася смолк, уставившись на сестру. – Так-то лучше. Он тебе не говорил, что скоро уедет? – Вася помотал головой. – Плохо...

– Почему плохо?

– Потому что мне придется рассказать тебе новость, от которой ты не придешь в восторг.

– Какую?

– Домовой уезжает от нас на полгода. Он будет учиться в колледже.

– На полгода?! Это же так долго! – воскликнул расстроенный Вася от столь отвратительной вести. – А когда он уезжает? Только не говори, что скоро... он мне обещал рассказать тысячу самых невероятных историй, которые произошли с ним. Он обещал меня научить искусству рукопашного боя, чтобы давать отпор драчунам и хулиганам. Он обещал показать, как запускать воздушного змея в небо, когда придет весна. Он обещал, что покажет особый метод, чтобы быстрее научиться читать и пойти в школу грамотным и умным.

– Первого числа нового года он уедет.

– Так скоро! А он будет нас навещать или мы его?

– К сожалению, нет. Это невозможно.

– Да он, наверное, пошутил над тобой. – Вася не хотел принимать правду, а тешил себя наивными мыслями, сладкой ложью. – Ведь он не может уехать из нашего дома, не выполнив обещания? Я точно знаю, Домовой тебе сделает сюрприз на новый год... скажет, что он никуда не уезжает, а остается с нами...

– Боюсь, что это не так, мой юный друг, – сказал Домовой и сел на диван, между братом и сестрой. – Я уезжаю – это правда.

– Но...

– Я просто не хотел, чтобы ты печалился и расстраивался. – Домовой посмотрел на него добродушным взглядом. – А обещания я свои сдержу, можешь в этом не сомневаться. Через полгода я вернусь и научу тебя пускать воздушного змея, научу обороняться от хулиганов, расскажу тысячу историй и начну уже сегодня и, конечно же, мы научим тебя с Викторией быстро и грамотно читать. Ведь в нашем расположении будет целое лето невероятных перемен, открытий и событий. Ты меня прощаешь, мой друг, за мою трусость и подлость?

– Да, – тихо ответил Вася и обнял старшего брата. – Мне так грустно, что ты уезжаешь, когда мы только подружились.

– Мне тоже.

– Не расстраивайся, – успокаивала Виктория брата. – Он же уезжает не навсегда. – Виктория поцеловала брата в его шелковистые пряди волос, посмотрела прослезившимися глазами на Домового и прошептала. – Не успеешь оглянуться, как мы втроем будем играть на нашей поляне возле старого дуба, качаться на качелях, лежать и мечтать в траве, слушая пение птиц и стрекотание кузнечиков, придумывать новые миры, кататься на двухколесных велосипедах. И запускать воздушного змея так высоко-высоко, что он будет тонуть в небесной синеве, подобно самолетам и птицам. Подумай об этом и тебе станет намного лучше. Подумал?

– Да, – ответил Вася. – И вправду стало легче. – Он улыбнулся и посмотрел на Домового. – Но я хочу, чтобы ты, Домовой, пообещал нам сестрой, что вернешься.

– Конечно, я вернусь. Ведь это и мой дом – тоже.

– Не знаю, не знаю. У меня есть друг из детского садика, а у этого друга есть старший брат, который женился и уехал жить в другой город. Он пообещал, что через пару месяцев вернется, чтобы поправедовать его и свою семью. И что вы думаете, он выполнил обещание? Нет. Он не вернулся домой ни через пару месяцев, ни через полгода и даже ни через год. Он забыл про свою семью. Мой друг говорит, что ненавидит своего брата, который заставил его страдать. Он и сейчас иногда плачет по ночам. – Вася сделал паузу, после чего продолжил. – Так что обещай, что не женишься и не улетишь на другую планету и не бросишь нас.

– Обещаю! Тысячу раз обещаю, что не брошу вас! Я слишком вами дорожу, чтобы так подло и жестоко предать тех, кого люблю всем сердцем.

– Спасибо, – прошептала Виктория на ушко Домовому, а потом громко спросила. – Неужели ты прочитал мою самую романтическую книжку? Ты говоришь так искренне и нежно?

– Нет. Кое-что получше и поинтересней твоих «Поющих в терновнике». Толстенный и великий роман Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд». Классика, между прочим. – Вася не понимающим взглядом смотрел то на сестру, то на Домового. – Но сейчас мы с тобой, Виктория, не будем спорить, какая книга лучше и романтичнее. Они обе хороши. А лучше договоримся, что ты в течение полугода будешь читать «Дэвида», а я – «Поющих». Согласна?

– Интересное предложение. Я согласна. – Они пожали друг другу руку в знак того, что договор в силе и будет непременно исполнен.

– С одним договорились. – Домовой таинственно потер ладошки, подняв одну бровь вверх, явно изображая мага. – А теперь я бы хотел, – слова он театрально растягивал, – рассказать первую из тысячи невероятных историй моим друзьям.

– Ура! – воскликнул Вася, захлопал в ладоши, сел поудобней на диване и приготовился к будущему представлению, широко раскрыв глаза, когда Домовой вышел на середину комнату, выключив телевизор.

– Вы готовы? – спросил он.

– Да!

– Тогда, пожалуй, я начну. Много-много лет тому назад жила-была очень красивая принцесса. Ее красота была подобна алому лепестку розы или бездонному океану в летнюю лунную ночь. А душа была чиста, словно капелька утренней росы, и непорочна. Принцесса любила гулять по благоухающему саду, расположенному неподалеку от замка с тремя высокими башнями. Она бродила, собирала букеты, валялась в траве, вдыхая нежные ароматы цветов ромашек, роз, васильков и орхидей.

И вот однажды, во время прогулки, принцесса заметила сову, восседающую на толстой ветке дуба. Та сидела и смотрела на принцессу своими зелеными глазищами. Принцесса вежливо поинтересовалась, что сова делает здесь, в саду, ведь ее дом совсем не тут, а в густом лесу. Сова поведала ей, что зовут ее Софья Софьевна и прилетела она сюда за принцессой, чтобы она помогла бедному зайчику, который попал в капкан и не может высвободиться без помощи человеческих умелых рук. Принцесса опять поинтересовалась, а не тот ли это зайчик, которому она уже однажды перевязывала раненную лапку. Сова Софья кивнула. Принцесса

заохала-заохала и побежала в замок за волшебным бинтиком и изумрудной жидкостью в бутылочке, что так жгла, однако убивала при этом всех нехороших микробов.

– Что взяла с собой принцесса, Василий? – спросил Домовой.

– Зеленку! – недолго думая ответил зачарованный историей Вася.

– Молодец. Правильно. Но продолжим. Через пару минут принцесса была уже у совы с бутылочкой и свертком волшебного бинта. И с младшим братом.

Сова взмахнула крыльями и полетела в сторону лесных просторов, а брат с сестрой побежали следом.

Они бежали по золотистым полям, по зеленым болотистым лесам, утопая по щиколотку в черном торфе, по узким тропинкам, по диким травам между высоченными деревьями и пышными кустами дикой малины и в итоге совсем скрылись за горизонтом.

Добродушная Принцесса и ее храбрый братец совсем забыли об усталости и отдыхе и продолжали свой путь. И вот, наконец, они были на месте. Серый зайчонок жалобно плакал, уткнувшись мордочкой в свои мягкие лапки. Он не хотел, чтобы другие зверушки видели его горькие слезы. Однако все, и барсуки, и птички, и бобры, и оленята, даже лисица жалели бедного зайку. У них сердце сжималось, когда тот от боли всхлипывал и скулил тонким голоском. Братец высвободил зайку из ловушки, а Принцесса, смазав ранку искрящейся изумрудной жидкостью, забинтовала лапку зверя. Все лесные обитатели с облегчением вздохнули.

Братец Принцессы разрыл тем временем ямку в земле и зарыл туда злостный капкан, чтобы больше ни один зайчик, ни одна лисица, ни другое лесное животное не попало в его острые клещи. Принцесса подошла к брату. В руках своих она держала зайчика. «Ну вот, – сказала она, – теперь он пойдет с нами, и будет жить у нас в саду, пока окончательно не поправится». Братец подошел к наблюдающей все со стороны Сове и спросил у нее, кто же те люди, которые расставляют капканы и убивают беззащитных животных. Мудрая Сова отвечала: «Этот капкан поставил человек. Ради забавы. Ради того, чтобы почувствовать свое превосходство над зверьми. Хотя сам он тоже таковым является. И этот зверь живет воплоти вашего отца, который вот уже на протяжении долгого времени выезжает каждые выходные на охоту». Принцесса с братиком не могли поверить в это. Ведь для них их отец был самым добрым и самым хорошим. Однако мудрая Сова была права, иначе, куда же еще он постоянно выезжал, прихватив с собой лошадей и лучших охотничьих собак.

Тут Сова сказала:

«– Сейчас не время болтать, ибо сумерки начинают сгущаться, а мне еще вас нужно отвести обратно в замок, – сказал сова Софья, и взмахнула в бардовое небо. – Бегите за мной, дети мои! – прокомандовала она и принцесса с братом послушно повиновались ее приказу и побежали за ней.

Они были у стен замка, когда небо стало непроглядно черным, а звезды ярко засверкали. Попрошавшись с совой, которая поблагодарила их за добродетельный поступок и скрылась в ночи, они забежали домой, где их родители не находили себе места. Увидев живых и счастливых детей, они зарыдали и ласково и нежно стали их обнимать и целовать.

– Конец, – сказал Домовой.

– Это разве конец!? – возмутился Вася. – Что же было дальше? Расскажи-расскажи...

– Ну ладно расскажу, если так тебе интересно, – сказал Домовой и продолжил. – В общем, через месяц другой зайка вновь прыгал и бегал, как молодец-удалец, радуясь жизни, что лапка теперь не ноет от невыносимой боли. Он каждый день благодарил принцессу и ее братика за то, что они ухаживали за ним и спасли его от верной гибели. А им – двоим – кроме, как искренней благодарности, ничего другого и не надо было от пушистого и ушастого зайца.

И вот настал тот день, когда они отпустили зайчика на свободу, не боясь, что он снова попадет в капкан. И знаешь почему? – спросил Домовой у Васи.

– Потому что того капкана больше нет! – ответил Вася.

– Не верно. Потому что после случившегося, папа пообещал сыну и дочери, что больше никогда не будет ставить капканы в лесу и убивать лесных обитателей.

– Аааа. Он сделал это, чтобы стать самым добрым и хорошим папой на свете?

– Именно. Ведь убивать животных – непростительный грех. Ты запомнишь эту мораль?

– Конечно, – ответил Василий.

– Тогда на этом моя сказка кончается. Тебе понравилось?

– Сильно-сильно! И таких еще будет девятьсот девяносто девять историй?

– Да.

– Классно!

– А тебе, Виктория, как моя история? – спросил Домовой.

– Замечательная сказка, – ответила она и добавила. – Запиши ее на бумагу. Хорошо?

– Зачем? Я ее и так помню.

– До поры до времени. Лучше запиши, чтобы наверняка ее не забыть.

– Хорошо, Вика. Я запишу. Может, я когда-нибудь прочту эту сказку твоим детям, – сказал он и улыбнулся.

«– Нашим детям, – чуть не вылетело у нее».

– А теперь можно я украду твою сестру на пару часиков, чтобы с ней прогуляться по городу? – спросил он у Васи. – Ты ведь не против, Вика?

– Как я могу быть против прогулки с тобой?

– А что мне тогда прикажете делать одному?

– Я хотел предложить, чтобы ты написал свою историю, свою сказку наподобие моей. Как ты на это смотришь? Мне Вика говорила, что ты умеешь писать...

– Умею. Я даже не знаю... у меня, наверное, не получится, – стал сомневаться в себе Василий.

– Получится!

– Но откуда ты знаешь?

– Потому что твоя сестра раньше каждый день писала рассказы и пьесы. Это сейчас она обленилась. Я уверен, что дар к сочинительству есть и у тебя, как и дар видеть – меня.

– Я даже не знал, что она раньше писала.

– Ты вообще плохо знаешь свою сестренку, – подытожила Вика.

– А почему бы и не попробовать? – сказала Вася. – Вдруг у меня даже лучше получится, чем у моей сестрицы?

– Так-то лучше! – обрадовался Домовой, что ему удалось уговорить Васю. – Кто знает? Все возможно.

– А про что писать-то? И сколько слов нужно?

– Про все, что угодно! Никаких правил и ограничений. Пиши, о чем тебе хочется и что тебе интересно. Все просто. Справишься, а мы пока прогуляемся с Викой?

– Построюсь, – ответил он, взял листок бумаги, ручку и начал выводить большие буквы.

– Ну что, пойдём? – спросил Домовой у Вики, взяв ее за руку.

– Куда пойдём? – поинтересовалась она.

– Туда, где мы танцевали при лунном свете, – ответил он.

– С превеликим удовольствием!

Виктория и Домовой, молча и неспеша, взявшись за руки, шли по тихим улочкам города к тому месту, где они четыре месяца назад танцевали, а их робкие движения освещала бледная луна.

Тогда была хмурая осень и целую неделю то шел сильный дождь, то моросило. Но в тот день облака рассеялись, как густой туман над рекой, и выглянуло яркое, желтое солнце. И Виктория предложила Домовому пройтись до пруда и полюбоваться закатом, который их нечасто стал радовать, постоянно скрываясь за серыми облаками. Домовой не раздумывая, согласился на эту авантюру. Придя раньше времени на пожелтевший и одинокий берег пруда, с которого тянуло холодом и сыростью, они начали кидать камушку в воду, наблюдая, как они сначала скользят и отскакивают по гладкой поверхности прозрачной воды, а потом мгновенно исчезают в синеве, тонут, погружаясь на илистое дно, где находят вечный покой. Вскоре им наскучило это непривлекательное, но забавное занятие, они сели на траву, глядя на холмистый берег, обрамленный вечнозелеными лесами, золотистыми полями, крохотными домиками с живыми изгородями и бесконечными рядами высоченных заборов, которые отгораживают людей друг от друга, от спокойного и порой умиротворяющего общения.

Они сидели в траве в ожидании чудесного вечернего заката, радующего миллионы заблудших, влюбленных, одиноких душ по всему белому свету. Даже сидеть в траве и любоваться закатом – и то им доставляло неизгладимое удовольствие: быть рядом с тем, кто понимает тебя с полуслова; с тем, кто в одночасье видит и одновременно сопереживает твоим душевным терзаниям и мукам, переживаниям и сомнениям; с тем, с кем бы хотелось беззаботно шагать по воде, парить в облаках, подобно птицам или просто держаться за руку и идти туда, куда глаза глядят; ведь с ним тебе спокойно и хорошо. Именно такое чувство они испытывали по отношению друг к другу в тот романтический момент, который был украшен великолепным закатом. Желтые оттенки сменялись на оранжевые, оранжевые на красно-розовые, красно-розовые на бардовые, а бардовые на темно-черные. И вот они смотрят замороженными глазами уже на лунный серп, что освещает пруд серебристым сиянием. Вика и Домовой не хотели уходить домой, они мечтали смотреть бесконечно на ночную стражницу-луну – покровительницу ночи, на чей свет и неповторимый бледный лик воют собаки и волки. Но это было невозможно, так как им надо было возвращаться домой, Виктория потянула Домового за руку, но тот не поддавался и продолжал стоять, как вкопанный, глядя на луну. Потом он развернулся и посмотрел в ее добрые и красивые глаза и шепнул, чтобы не нарушать безмолвия, утопающей в черной пропасти ночи, что он хочет с ней потанцевать. Виктория хотела было воспротивиться такой глупости со стороны своего спутника, но когда Домовой обнял ее за талию и прижался к ней так близко, что она почувствовала его горячее и неровное дыхание, она растаяла в его нежных, дрожащих от волнения руках. Растаяла в объятиях любимого, который пожелал танцевать с ней в лунную ночь. И вот они танцуют медленный танец без музыки, слушая музыку собственного сердца, сгорающие от любви и от счастья, чувствуя дрожь и волнение партнера. Так они кружили, наверное, больше часа, пока Вика не решилась поцеловать в его красные и пухлые губы, которые с каждым годом все больше и больше пленили ее взор, с каждым годом они становились для нее все сладострастней и сладострастней. Домовой отпрянул в сторону, когда ее губы стали приближаться к его губам, растерянно посмотрел на покрасневшую Викторию. Потом подошел к ней, нежно провел ладонью по лицу, сказав, что ничего не понимает в ее странных поцелуйчиках, взял ее руку и поцеловал ее. На обратном пути они шли молча, каждый думая о чем-то своем. Про этот случай они не вспоминали до сегодняшнего дня...

– В это раз не так романтично, – заметила Виктория, когда они подошли к плотине и смотрели на покрывшийся толстым льдом пруд, на котором покоились сугробы снега; по пруду, по узким тропинкам ходили взад-вперед люди. – Но все равно приятно... приятно находиться здесь рядом с тобой и вспоминать тот день.

– Мне тоже, – согласился Домовой. – Как сказал твой отец, моя «машина времени» отчего-то часто переносит меня в ту осеннюю ночь, когда мы танцевали при луне. Поэтому я решил, что было бы отлично сходить на то же самое место и теперь уже полюбоваться на зимний закат.

– Хорошая идея. А танцевать-то будем?

– А как же! Не будем нарушать традиции, – ответил Домовой, обняв Вику за талию. – Какой ты танец предпочитаешь? Вальс, танго, медленный танец?

– Ха. Было бы интересно увидеть, как бы ты вел партнершу (то есть меня) через тощие снега под ритмы танго.

– Да легко! – воскликнул Домовой.

– Ну уж нет! – смеясь, возразила она. – Валяться в снегу я больше не собираюсь. Даже не мечтай, амиго! Лучше медленный танец и...

– Что за «и», – поинтересовался он, глядя на Вику.

– И еще... давай ты будешь, мне говорить всякие приятные комплименты, а я – тебе. Согласен?

– Вечно ты чего-нибудь новенькое придумашь, а я вечно заглушаюсь. Что-нибудь еще, мадмуазель? – притворным, сладострастным голосом спросил он.

– Да, сэр! Почему бы вам для начала не пригласить даму на танец, как и полагается истинному джентльмену из высшего общества?

– Ох, простите меня за мою бестактность и грубость, – стал картинно извиняться он, почтительно кланяясь даме в ноги. – Можно ли мне пригласить даму на медленный танец, чтобы раствориться в нем и улететь к звездам, которые нам каждую ночь сверкают, словно подмигивают и жадно наблюдают, словно любуясь на нашу искреннюю, дружескую любовь?

– Вы так красноречивы, – сказала она, прижав одну руку к его груди. – Как я смею отказать вам, о мой благородный сударь, потанцевать с вами в столь прекрасную ночь, когда звезды сияют нам и дарят свою любовь, чтобы наши дружеские узы стали еще крепче.

– Прекрасно сказано.

Они прижались друг к другу и стали шептать на ушко комплименты, медленно кружась в танце любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.